

Литвины-Бѣлорусы Черниговской губерніи, ихъ бытъ и пѣсни.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прежде чѣмъ привести собранныя мною пѣсни, я считаю нужнымъ нѣсколько подробнѣе объяснить гдѣ, когда и при какихъ условіяхъ, кѣмъ поется и сохраняется эта устная народная поэзія.

Предлагаемыя мною пѣсни записаны лично въ Черниговской губерніи, которая хотя и причисляется къ Малороссіи, но гдѣ въ настоящее время во всѣхъ ея сѣверныхъ уѣздахъ живутъ такъ называемые Литвины и говорятъ по-бѣлорусски, съ нѣкоторыми впрочемъ измѣненіями.

Что касается малорусскаго языка и народныхъ пѣсней, то онѣ довольно давно пріобрѣли себѣ имя и завоевали симпатію литературнаго міра и образованнаго общества. На долю же Литвина-Бѣлорусса выпалъ, если не презрѣніе, то по крайней мѣрѣ полный индифферентизмъ, какъ будто онъ не такое же Божье созданіе, не народъ,—и его пѣсни—не пѣсни, однимъ словомъ—это пасынки губерніи. Ихъ называютъ «кацапьемъ» и прочими недружелюбными названіями.

Положимъ, легко допустить, что малорусская рѣчь благозвучнѣе бѣлорусской. Предположимъ напр. какой нибудь отрывокъ, написанный по-бѣлорусски, станеть читать лицо, совершенно незнакомое съ народнымъ говоромъ, произноса *и* и *дз* твердо безъ смягченія, то подобное чтеніе будетъ рѣзать ухо. Между тѣмъ какъ народъ произноситъ эти звуки съ іотировкой, отчего ихъ устная рѣчь выходитъ гораздо мягче. Заставьте бѣлорусскую женщину рассказать что нибудь; вслушайтесь въ эту рѣчь, и вы найдете въ ней своеобразную мягкость и легкость звуковыхъ сочетаній.

Для того, чтобы при чтеніи возможно было соблюдать правильность произношенія, я записывала пѣсни съ фонографическою точностью.

Исполнить это мнѣ было не трудно потому, что я росла въ деревнѣ или, вѣрнѣе сказать, въ хуторѣ дѣдушки Г. М. Силевича, усадьба котораго лежала вблизи села Росухи *). За неимѣніемъ гувернантокъ, боннь и даже сверстницъ, я въ дѣтствѣ весь свой досугъ дѣлила съ дворовыми людьми, такъ какъ старшіе больше были заняты хозяйствомъ, чѣмъ моимъ воспитаніемъ.

Итакъ я начала изучать пѣсни (сперва безъ всякой задуманной цѣли) съ 1860 годовъ. Особенно памятенъ былъ для меня 1861 годъ, когда мать уѣзжала на все лѣто по дѣламъ въ Петербургъ, и мнѣ была предоставлена полная свобода. Я тогда съ крестьянками отправлялась съ ранней зари до поздней ночи въ поле, на сѣнокосы, гдѣ изъ подражанія принимала участіе во всѣхъ работахъ, хотя старшіе смотрѣли на мои трудовыя забавы, какъ на неумѣстную шалость. За это лѣто я такъ успѣла привязаться къ дворовымъ, что плакала отъ души, когда узнала, что по манифесту всѣ уйдутъ отъ насъ.

*) За послѣднія 10—15 лѣтъ грамотные умники слово «Росуха» начали писать «Разсуха».

Даже и теперь приятно вспомнить, какъ послѣ знойнаго дня, но заходѣ солнца, всѣ мы толпой, при дружномъ хоровомъ пѣніи, возвращались домой.

Ни пятилѣтнее пребываніе въ Институтѣ, ни прожитыя съ тѣхъ поръ 30 лѣтъ жизни не изгладили въ памяти тѣхъ мотивовъ и пѣсень, которыя я распѣвала, возвращаясь со жнива, будучи десятилѣтней дѣвочкой.

Послѣ такой привольной жизни въ Росухѣ среди природы, я не могла свыкнуться съ тѣсными стѣнами Института (куда меня вскорѣ отвезли) и въ концѣ концовъ заболѣла, какъ находили доктора, тоской по родинѣ. По выходѣ изъ Института, къ величайшему моему сожалѣнію, я не нашла уже ни одной своей прежней подруги, всѣ онѣ къ этому времени отошли отъ насъ; кто отправился «на Донъ у заработки», кто умеръ, кто замужъ вышла.

Затѣмъ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, бывши уже замужемъ, я по временамъ тоже иногда вспоминала старину и составляла хоровое пѣніе въ праздничныя сумерки. Тогда я тоже не имѣла опредѣленной цѣли, не знала, что эти пѣсни кому нибудь нужны, а потому и не записывала ихъ, а только заучивала наизусть.

Въ 1897 году я рѣшила припомнить и записать все, что имѣлось въ памяти и затѣмъ уже приступила къ систематическому собранію мѣстныхъ пѣсень по деревнямъ и сѣламъ.

Если мнѣ удастся, то я постараюсь положить на музыку литвино-бѣлорусскіе мотивы съ аккомпаниментомъ фортепіано.

Судить о томъ, насколько эти мотивы покажутся мелодичными, я не берусь потому что могу быть въ этомъ случаѣ пристрастнымъ судьей, но все-таки питаю надежду, что и въ нихъ найдутъ своеобразную мелодію и выраженіе простого, безыскусственного чувства.

Географическое положеніе мѣстности.

Самое высокое мѣсто во всей Черниговской губерніи, въ видѣ плоской возвышенности, поднимается у села Рахманова, Стародубскаго уѣзда; выше уровня моря на 109 сажень (764 фут.) *).

Возвышеніе это незамѣтно для простаго глаза, но продолженіе этой возвышенности, идущей къ сѣверу черезъ Мглинскій уѣздъ, представляетъ совершенно иную поверхность: тамъ почти непрерывно тянутся рвы и холмы, затрудняющіе пути сообщенія и попадающіеся настолько часто, что на семьверстномъ разстояніи напр. отъ села Колодезекъ до села Росухи, по проселочной дорогѣ, встрѣчается шесть подѣмовъ и пять снусковъ, довольно крутыхъ и небезопасныхъ.

Отъ границы Стародубскаго уѣзда ко Мглину начинается, такъ называемое «Полѣсье», которое идетъ къ востоку до рѣчки Дубны и къ западу къ рѣчкѣ Унечи, гдѣ станція нолѣской желѣзной дороги того же названія. Къ сѣверу лѣсъ тянется ко Мглину и Суражу.

Полѣсье не состоитъ изъ сплошной лѣсной площади: на всѣмъ этомъ пространствѣ, между лѣсами, на полянкахъ и передѣскахъ разбросаны сѣла и деревни. Одно изъ этихъ селъ лежитъ къ югу отъ станціи желѣзной дороги на полѣсской лѣсной окраинѣ главнаго водораздѣльнаго кряжа въ губерніи и выдѣляется своеобразной красотою окрестностей. Это есть село Росуха, на истокѣ рѣчки Росухи, притокѣ Вабли и Судости.

Здѣсь нѣтъ шири и глади степной, негдѣ разгуляться взору, но зато на каждомъ шагу разнообразіе: лѣса, горки, дужки, неожиданные обрывы—все это чередуется между собою, и каждое мѣстечко манитъ къ себѣ на отдыхъ.

*) Описаніе Черниговской губерніи составлено членомъ Императ. Географ. общ. А. А. Русовымъ.

Рѣчка Росуха протекаетъ луговой долиной, по обѣимъ сторонамъ которой тянутся горы или шпиди, покрытые листовымъ лѣсомъ, преимущественно дубнякомъ.

Во время весенняго таянiя снѣговъ потоки воды, стремящiеся съ хребтовъ къ рѣкѣ, промыли съ годами около 7—8 непроходимыхъ овраговъ, поросшихъ гниѣмъ лѣсомъ.

Кромѣ того, съ теченiемъ времени появляются новые овраги вслѣдствiе неосторожнаго постребленiя лѣсовъ, за что иногда сами истребители—владѣльцы терпятъ наказанiе въ видѣ образующагося у самыхъ воротъ усадьбы рва, грозящаго сдѣлать ее неприступною ¹⁾.

На дни овраговъ и въ лѣтнiе мѣсяцы пробирается постоянно вода едва замѣтными струйками.

Эти ручейки, родники и кринички, просачивающiяся въ низкихъ луговыхъ долинахъ, снабжаютъ мѣстность довольно обильнымъ орошенiемъ и представляютъ изъ себя резервуаръ, наполняющiй рѣчку Росуху ключевою водою.

Какъ лѣсъ, такъ и глинистая подпочва, задерживая влагу, обусловливаютъ сырость воздуха и частые туманы, а весеннiе утренники нерѣдко истребляютъ цвѣтъ яблонь и всходы оводей даже въ среднихъ числахъ Мая.

Снѣгъ таетъ здѣсь нѣсколько поздне, замерзшая земля нагрѣвается медленно и ставитъ земледѣльца въ необходимость производить всѣ посѣвы недѣли на двѣ, на три поздне, чѣмъ въ сосѣднихъ уѣздахъ.

Все это вмѣстѣ взятое и есть одна изъ причинъ недородовъ и неурожаевъ мѣстности. Но не смотря на скудость сѣросуглинистой почвы,—здѣсь ютятся посѣлокъ за посѣлкомъ. Напр. на протяженiи 6-ти верстъ, по берегу Росухи и ея маленькихъ притоковъ, расположено 6-ть водяныхъ мельницъ и до 10-ти сель: Водника, Ресуха, Амелкиль Хуторъ, Лупеки, Труханово, Бородинка, Бороздино, Гарцевъ, Колодезки и др. Шестъ мельницъ или прудовъ, устроенныхъ самымъ примитивнымъ способомъ, перемалываютъ только скудный мѣстный урожай и никакого торговаго значенiя не имѣютъ, такъ какъ удаленность отъ городовъ (30—35 в.) и первобытные пути сообщенiя далеко не способствуютъ, а скорѣе задерживаютъ духъ предприимчивости этого непочатаго угла.

Впрочемъ, и съ открытiемъ желѣзной дороги край не обогатился; народъ прiобрѣлъ лишь возможность заработка на поденной работѣ. За то еврей лѣсопромышленники съумѣли увеличить свои капиталы скупомъ лѣса на срубъ у крестьянъ и крупныхъ владѣльцевъ по дешевымъ цѣнамъ.

Въ общемъ здѣсь природа скупа на матеріальное продовольствiе, даже рыбы въ рѣкѣ мало: слишкомъ холодна и быстра для нея ключевая вода. Въ озерахъ при мельницахъ она, пожалуй, и водилась бы, но сильный напоръ воды весной почти ежедневно размываетъ плотины и уноситъ теченiемъ внизъ не только рыбу, но и мосты съ мельницами.

Обыватели къ этому привыкли и черезъ мѣсяцъ, другой устраиваютъ новые пруды, благо лѣсъ на корнѣ, а топоръ и заступъ въ рукахъ.

Чѣмъ же снабжалъ ихъ лѣсъ, кромѣ лыкъ для лаптей и дровъ?

Правду сказать, въ немъ было больше волковъ, чѣмъ дичи, которую, впрочемъ, никто не стрѣлялъ по той причинѣ, что «пороху нема», «ружжа нема, ди и некали», говоритъ полѣсникъ, «пойдшишь за дичью балавацца, близъ хлѣба будзитъ зимаваць, а диччу ни нажисся», да къ тому же «сласная гѣба—двару нагѣба», а стрѣлять для продажи—некому сбывать.

Однѣ бабы блуждаютъ по лѣсу съ лукошками на плечахъ, да и тутъ невелика пожива: бѣлый грибъ—боровикъ, который одинъ идетъ въ продажу, попадается рѣдко; только орѣховъ да жолудей вволю.

¹⁾ Примѣчанiе. Въ селѣ Трухановѣ цѣлый лугъ превратился въ глубокой ровъ, гдѣ въ 70-хъ годахъ изъ-подъ пласта земли было вымыто водою часть бивня и зуба какого-то громаднаго животнаго. Бивень былъ подаренъ мѣстному земскому врачу Обозненко, а зубъ сохраняется и понынѣ у землевладѣльцы с. Росухи.

Что же привлекло и прикрепило убогий людъ къ сѣренькой землицѣ, питающей его виголодь?

Просто по нраву приплась ему лѣсная глушь; въ ней онъ видитъ приволье и любитъ свое полѣсье, какъ всякая божья тварь—свою стихію, какъ мошка свой листокъ, свою вѣтку.

Народное преданіе въ с. Росухѣ.

Въ южной сторонѣ села Росухи, на правомъ берегу рѣчки, существуетъ искусственный окопъ, извѣстный подъ названіемъ «городокъ».

На вопросъ о его происхожденіи, каждый крестьянинъ отвѣтитъ вамъ: «йста шведъ ийшау, тутъ ваявали».

Городокъ съ сѣверо-западной и сѣверо-восточной сторонъ имѣетъ кругомъ природное укрѣпленіе въ видѣ отвѣснаго обрыва надъ рѣчкой, а съ южной стороны устроена искусственная круглая насыпь. Все это было покрыто густымъ сплошнымъ лѣсомъ, но, къ сожалѣнію, недавно, уже въ 80-хъ годахъ, одинъ изъ наслѣдниковъ помѣщика Силевича продалъ это мѣсто крестьянамъ на срубъ.

По мѣстному преданію, сохранившемуся и по сей день, въ этой мѣстности зарыто «прѣпастъ» кладовъ, такъ что однажды, говорятъ, изъ обрыва городка выкатилась бочка золота прямо въ воду.

Подобное преданіе не могло не создать желающихъ разбогатѣть кладомъ, а потому нѣкоторые изъ мужичковъ нерѣдко имѣли стальные остроконечныя палки — «шины», какъ они называются и время отъ времени отправлялись, по святымъ днямъ въ гулящее время», зондировать почву съ надеждой на обогащеніе. Покойный владѣлецъ «городка» помѣщикъ Герасимъ Матвѣвичъ Силевичъ не препятствовалъ этой, по его мнѣнію, безнелезной забавѣ, и, занятый больше хозяйствомъ, никогда ничего не предпринималъ по части раскопки, не смотря на то, что самъ рассказывалъ о фактѣ, случившемся на его глазахъ въ началѣ XIX столѣтія: бѣднѣйшій псаломщикъ, котораго постоянно встрѣчали на городкѣ съ шиномъ въ рукахъ, однажды въ поныхахъ прибѣжалъ въ рабочую пору на поле къ пахарямъ, держа въ рукахъ старинную золотую монету и спрашивалъ приказчика, что это за грѣши и примутъ ли ихъ гдѣ нибудь. По рассказамъ приказчика, это были «грѣши ни насъкія, а чужеземныя». И затѣмъ названнаго псаломщика ужъ больше никто не видалъ; онъ со всей своей семьей выѣхалъ куда то безвозвратно,—какъ въ воду канулъ.

Въ Росухѣ также есть преданіе, что кладъ не всякому дается, что онъ кладется непремѣнно на чью нибудь голову и что избраннику прежде всего долженъ присниться сонъ, указывающій мѣсто зарытаго сокровища. Если же кладъ выроетъ тотъ, кому онъ не предназначенъ, то на его голову обрушатся всѣ несчастія въ жизни. Народъ глубоко вѣритъ этому, и вотъ, на основаніи того, что по вѣрѣ вашей дается вамъ, у насъ въ Росухѣ въ 50-хъ годахъ произошелъ такой случай:

Дворовая крестьянка Марья Чернякова однажды прибѣжала во дворъ съ страшнымъ воемъ и плачемъ. На вопросы о причинахъ слѣзъ, она отвѣтила новыми рыданіями, и ничего въ ту минуту отъ нея нельзя было добиться. Затѣмъ черезъ нѣкоторое время она открыла по секрету, что ей три раза снился сонъ, будто возлѣ городка, у поляны подъ дубомъ зарытъ казанокъ червонцевъ. И вотъ она пошла къ ворожкѣ погадать, на ея ли голову положенъ этотъ кладъ. Распросивъ подъ какимъ дубомъ и гдѣ, ворожея сказала: «положенъ онъ на тебя, только спусти три зари и тогда ступай откапывать». Когда же Марья пошла туда на четвертую зорю, то съ ужасомъ увидала, что дубъ подрытъ, а между корнями осталось круглое углубленіе, какъ бы отъ вынутой посуды. Все это такъ ее потрясло, что она заболѣла черезъ нѣсколько дней, и затѣмъ, призвавъ одну изъ дочерей пана Герасима Матвѣвича Силевича, открыла, что ей опять снился два раза одинъ и тотъ же сонъ, будто бы возлѣ церкви, по правую

руку под березою еще лежит кладъ и что, если ее Богъ подниметь со страдной постели, то эту березу она укажетъ господамъ.

Однако ни встать съ постели, ни указать березы ей не пришлось, она вскорѣ умерла.

Что кладъ подъ дубомъ не былъ грѣзами Марьи Черняковой,—это доказало скороспѣнное превращеніе ворожен и ея племянника изъ бѣднѣйшихъ людей — въ зажиточныхъ.

Спустя нѣкоторое время слухъ о томъ, что племянникъ ворожен Логвинъ Кобановъ мѣнялъ въ м. Почепѣ старые червонцы, распространился по селу. Кто-то подѣлился этой новостью съ начальствомъ, которое и пріѣзжало и о чемъ то Логвина распрашивало, но получило одинъ отвѣтъ: «знать ничего не знаю и не вѣдаю». Тѣмъ все и кончилось. Вскорѣ ворожея заболѣла: у нея провалился носъ. «Такъ йой и треба, говорили сосѣди, ни пашли у прокъ чужбипка, ня прѣудай вѣкъ праживѣшь, да назадъ ня вернисья».

Однако это не помѣшало ворожеѣ выйти замужъ и жить богато нѣсколько лѣтъ. Передъ смертью же она отдала свои капиталы мужу, а 300 рублей пожертвовала на колоколь въ селѣ Трухановѣ, Стародубскаго Уѣзда.

На полянкѣ, близъ означеннаго дуба, вскорѣ послѣ находки описываемаго клада, однажды пахало десять сохъ. Вдругъ первая лошадь, какъ бы встрѣтивъ препятствіе, остановилась, но всемогущій кнутъ русскаго человѣка заставилъ ее, напрягши всѣ силы, дернуть впередъ, и въ это время раздался глухой подземный звукъ, въ родѣ того, какъ будто лопнула натянутая проволока. Пока приказчикъ добѣжалъ до этого мѣста, чтобы осмотрѣть, чтѣ случилось, остальные десять сохъ успѣли пройти свои гони и мѣсто, гдѣ слышенъ былъ звукъ, уже трудно было отыскать. Попробовали разрывать, пахать руками, но ничего не нашли, кромѣ какого-то стального обломка.

Эта самая полянка и лѣсъ, гдѣ стоялъ историческій дубъ, еще красуются и теперь; но увы! дубъ—виновникъ драмы между Марьей и ворожеей—больше не существуетъ: лѣтъ десять тому назадъ его разбило громомъ.

Село Росуха извѣстно по лѣтописи съ 1160 года. «Ко Изъяславу пріидоша половцы мнози и иде съ нимъ къ Воробейнѣ и къ Росухѣ и тутъ повоевавъ иде къ Вщижу»¹⁾, слѣдовательно и этотъ клочекъ Руси время отъ времени засѣвался человѣческими костями и поливался человѣческой кровью. Вдали отъ большихъ рѣкъ и проѣзжихъ дорогъ, эта сторона была также въ тѣ времена прекраснымъ уѣжищемъ для безоружнаго: лѣса густы, рвы глубоки, было гдѣ укрыться славянину и отъ Печенѣговъ и отъ обряда крещенія и отъ татарина.

Въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій этими самыми лѣсами и полянами, политыми кровью предковъ, владѣеть уже войсковою обозной Стародубскаго полка (въ 1690 году²⁾ Прокофій Силенко—Силевичъ, которому универсаломъ 1710 года Гетманъ Скоропадскій изволилъ: «въ росускомъ лѣсѣ на мѣстцу стараніемъ и працею его же расчищенномъ, веде хутора его найдуючомся, слободку осадити и тамъ же на вершинѣ рѣчки Росухи гребено уфоновати и млинь на ней построить».

Народное преданіе о кладахъ на «городкѣ» и о томъ, что здѣсь «Шведъ ишоу» совпадаетъ именно съ военною дѣятельностью Силенки, такъ какъ въ универсалѣ (1709 г.) на пожалованье ему Скоропадскимъ али Вѣлаго колодезя, было сказано: «за услуги подѣ частъ нашествія непріятели шведа въ Стародубъ».

И дѣйствительно Силенко Силевичъ, какъ писалъ его внукъ, въ 1713 году «служилъ черезъ осемдесятъ лѣтъ и больше, и будучи на многихъ службахъ, многократно раненъ, стрѣлянъ, колотъ и цорубанъ и при разлитіи крови своей крайне былъ скалеченъ».

Къ прошлому с. Росухи можно еще добавить, что въ 1770-хъ годахъ здѣсь произошла послѣдняя кровопролитная драка и подобно древне-княжескимъ распрямъ за удѣлы, повторились тѣ же семейные раздоры изъ «за грунтовъ» и деревень, добы-

¹⁾ Опис. архіеп. Филарета 1873 г. Епарх. извѣстія.

²⁾ Описаніе Старой Малороссіи А. Л. Лазаревскаго.

тыхъ старымъ Прокофіемъ Силенко Силевичъ «респектомъ колыкинадцатилѣтнихъ цѣлѣннвыхъ войсковыхъ службъ».

По этому поводу сохранился такого рода устный рассказъ.

Пока внукъ Прокофія,—Матвѣй Силевичъ младшій, сынъ Григорія Прокофьевича былъ несовершеннолѣтній, старшіе братья успѣли промотать всѣ отцовскія деревни ¹⁾, затѣмъ продали и послѣднюю Росуху нѣкому Журавкѣ. Провѣдавши, что братья рѣшили сдать его въ солдаты и записать въ ревизскую книжку крѣпостныхъ, Матвѣй Григорьевичъ ушелъ въ село Дахновичи, подѣ Стародубъ, къ одному изъ братьевъ графа П. В. Завадовскаго и просилъ защиты отъ произвола братьевъ. Юноша очевидно произвелъ впечатлѣніе: Завадовскій тотчасъ послалъ вооруженныхъ людей отвоевывать Росуху. Между людьми Завадовскаго и Журавки произошла кровопролитная драка, кончившаяся тѣмъ, что посланные Завадовскаго побили Журавкиныхъ людей, а оставшихся въ живыхъ повязали, сложили въ сани и выпроводили въ чистое поле.

Вслѣдъ затѣмъ, убѣдившись, что Силевичъ не глухой, дѣльный малый, Завадовскій отдалъ за него въ супружество свою родственницу Марину Андреевну Мирай и, давъ ей въ приданое Жигню, поселилъ молодую пару въ Росухѣ.

Все это происходило въ царствованіе Екатерины Великой, когда уже существовали законы объ опекаѣ надъ несовершеннолѣтними. Но до матушки царицы было далѣко, а до Бога высоко, а потому Завадовскій предпочелъ насилие. Насколько въ тѣ времена было трудно добиваться наслѣдственныхъ правъ путемъ закона, показываетъ слѣдующій мѣстный рассказъ: въ Новозыбковскомъ уѣздѣ сосѣдъ отнялъ у сосѣда цѣлую деревню. Обиженный рѣшилъ отстаивать свою вотчину до послѣднихъ силъ и добрался до Питера съ челобитной предъ лице самой матушки Царицы. Загорѣлось дѣло. Изъ столицы были посланы на слѣдствіе чиновники, но пока послѣдніе доѣхали до мѣста преступленія, спорная деревня исчезла съ лица земли. Обидчикъ сжегъ ее, мѣсто, гдѣ была деревня, распахалъ и засеялъ рожью. Разслѣдованіе конечно было учинено не безъ лицепріязни, ибо слѣдователи донесли кому о семъ вѣдать подлежатъ, что деревни вовсе не оказалось въ натурѣ и что истецъ затѣялъ тяжбу о несуществующемъ имѣніи по причинѣ своего малолумя.

Литвины и ихъ одежда.

Всѣ сѣверные уѣзды Черниговской губерніи, именно: Суражскій, Мглинскій, Стародубскій, Новозыбковскій и часть Городнянскаго, по типу населенія составляютъ какъ бы переходъ отъ Малороссіи къ Россіи и населены народомъ, который по характеру, по наружному виду и одеждѣ отличается какъ отъ Малоросса, такъ и отъ Великоросса. Но нарѣчію же этотъ край, начинающійся съ Могилевской губерніи, есть продолженіе Вѣлороссіи.

Литвинъ, какъ называютъ его сосѣди, съ виду пеноворотливъ, движенія его медлительны, ходитъ «якъ пень тирязъ калоду», не предприимчивъ, безпечень, но при нуждѣ трудится много для своего пропитанія. А какъ только минуетъ крайняя нужда, всегда предпочтетъ гулять, чѣмъ искать заработка. Заказанныя работы исполняетъ недобросовѣстно, «абы якъ, цяпъ-ляпъ». На поденщинѣ невозможенъ безъ строгаго призора «рѣбе и паглядаетъ, якъ воля изъ-ноды ярма; цюкне разоу ²⁾ паудзисятка, да барджей (скорѣй) дольку у зубы».

Будучи невѣжественъ и не культуренъ, онъ мало уважаетъ чужую собственность и подчасъ любитъ «падцибриць (стащить) идзе што плохо ляжиць».

Одежду свою, какъ и всѣ крестьяне, дѣлаютъ изъ овечьей шерсти. Прежде всего,

¹⁾ Лазаревскій. Описаніе старой Малороссіи. Пайтоповичи утверждены за Силенкомъ Мазепою въ 1696 г., Кривошен и Пльбовъ въ 1704 г.

²⁾ Разоу, гдѣ встрѣтится съ удареніемъ на *у* признается какъ краткое *в*.

всегда и вездѣ носить онъ свой излюбленный кожухъ, затѣмъ суконный чекмень (свитка), сшитый свободно не въ талию, на манеръ древняго ферязи и «падиризуецца» (описывается) поисомъ изъ овечьей же шерсти, окрашенной сандаломъ. Болѣе легкій костюмъ шьется изъ того же толстаго сукна, только покорооче чекмени, въ талию, съ двумя, тремя фалдами сзади. Эта кофта именуется юбкой.

Сапогъ попадается въ этомъ краю очень рѣдко, его замѣняетъ лапоть. Самодѣльная поирковая шляпа, безъ полей, называется «матерка», а съ полями «бриль» и употребляется во все время года. Женщины носятъ также шубы, непокрытыя матеріей. Удивительно, что иногда въ жаркій лѣтній день вы можете замѣтить въ церкви нѣкоторыхъ женщинъ, одѣтыхъ въ свои новыя, какъ свѣтъ, бѣловыдѣланныя овчинки, сшитыя съ перехватомъ въ талию и украшенныя на спинныхъ швахъ у пояса двумя ярко красными шерстяными латками, верхка въ два въ формѣ червонаго туза. Болѣе же пожилыя шьютъ себѣ кожухи не въ талию и съ «ковниерями» (ворогинкомъ). Паневы, т. е. плахты—по-малорусски почти перестаютъ носить; теперь ихъ только допашиваютъ старухи.

Сверхъ бѣлой рубахи съ широкими рукавами надѣвается сарафанъ, по мѣстному «сайнъ» или «сподница». Шерсть на сайны женщины сами прядутъ, ткутъ, весной валятъ на валушищѣ при мельницѣ и затѣмъ отдаютъ «мильнику» сврею, который поселяется специально съ этою цѣлю въ одной изъ окружающихъ деревень и за самую скромную цѣну дѣлаетъ сѣрые сайны синими, а фартухи и пояса красными. Для праздничныхъ же нарядовъ юбки окрашиваются иногда въ зеленый цвѣтъ; тогда нашиваются по всей матеріи въ беспорядкѣ клочки красной шерсти, въ вершокъ длины. Это и есть «мушкованая сподница».

Сверхъ сайны и фартуха все обязательно «падиризующая» шерстянымъ поисомъ или, вѣришь, шарфомъ, не смотря ни на какую жару. Кромѣ того надѣваютъ еще поверхъ рубахи преимущественно чернаго цвѣта корсетъ или юбку (тотъ же корсетъ, только съ рукавами).

Женщинѣ быть съ непокрытой головой въ присутствіи мужчины, а въ особенности «при куму» крѣпко «соромно» (т. е. очень стыдно¹). А потому голову она тщательно одѣваетъ въ повойникъ или чепчикъ изъ ситцу или шерстяной матеріи и сверху повязываетъ платкомъ на подобіе чалмы. Въ нѣкоторыхъ селахъ полѣсья существуетъ мода повязывать голову «съ хлиномъ», т. е. на затылкѣ оставляется висячимъ уголь платка. Болѣе молодыя повязываются «съ рожками», т. е. дѣлаютъ изъ платка на теменн узелъ съ стоячими кончиками въ видѣ рожковъ.

Незамужнія женщины хотя и заплетаютъ косу съ лентой на выпускъ, но голову также повязываютъ платкомъ, только безъ повойника, сверхъ повязки «обиннающа» еще другими небольшими платочками, а въ праздничные дни «затыкающъ краски» (цвѣты) на голову за узелъ платка противъ лба. Шею и грудь украшаютъ краями, бусами.

За послѣднее 10-ти лѣтіе (1890 г.) замѣчается такая перемѣна: лѣтомъ вмѣсто прежнихъ шерстяныхъ тканей деревня застрѣда всевозможными ситцами, бумазейками, кретонами, хотя фасонъ и покрой сохранились неизмѣнно прежніе. Въ замѣнъ прежнихъ мушкованныхъ сподницъ перѣдко надѣваютъ уже сайнъ изъ кретону «бурдянаго цвѣту» (т. е. цвѣтъ бордо).

Въ мужской одеждѣ, наоборотъ, овечье сукно осталось, какъ и было, но вмѣсто прежней юбки появился настоящаго фасона пиджакъ. Люди пожилые о немъ такого мнѣнія: «прауда пиджакъ аккуратный и меньше сукна идзе на його», но за то «старую юбку якъ даносишь,— на аучи парवेशь, а съ пиджака аучи вузки будучь».

Къ этому можно добавить, что шаповалы (шерстобиты) теперь поневолѣ должны сократить свое производство: прежній «бриль» начинаетъ сторониться, уступаая дорогу картузу.

¹) Остатокъ татарщины.

Въ прежіе годы.

Какъ ни обѣденъ въ данное время народъ нашей окраины, но въ прежіе годы ему жилось несравненно хуже въ экономическомъ отношеніи, чѣмъ теперь.

Подъ словомъ прежіе годы мы подразумеваемъ начало нынѣшняго и конецъ прошлаго столѣтія, именно: въ 60-хъ годахъ рассказывали старики, которымъ тогда было уже за 80 лѣтъ, что въ ихъ годы народъ «крѣпка галадава». Доходило до того, что весной люди ѣли липовую мезгу, т. е. сдирали кожу съ молодыхъ отростковъ липъ, скоблили эти отростки ножомъ и въ получившееся вещество прибавляли ничтожное количество муки лишь только для того, чтобы имѣть возможность скрѣпить и замѣсить тѣсто; изъ этой массы пекли хлѣбъ, ѣли и «зъ гѣладу ни памірали».

Чтобы судить, насколько въ тѣ времена народъ дорожилъ кускомъ хлѣба, перенесемся въ село Росуху, на усадьбу Герасима Матвѣевича Силевича, который ежегодно 8-го мая, на Пвана Богослова, по обѣту, завѣщанному прадедомъ, кормилъ нищихъ и всѣхъ, кто являлся въ этотъ день на незабѣйливый обѣдъ: 8-го мая съ ранняго утра на травѣ большого царскаго двора, на крыльцахъ жилыхъ и нежилыхъ построекъ,—всюду лежали и сидѣли люди разныхъ половъ и возрастовъ, съ своими ложками за пазухой. Тутъ не одни Росухцы, но и Водвинцы, и Лунечане и Трухановцы и жители прочихъ окружныхъ деревень,—всѣ собрались пораньше и ждутъ обѣда. Между тѣмъ, «на рѣцѣ Росухи, въ томъ самомъ млину, который гетманъ Скоропадскій позволилъ «збудовати» старому Прокону Силенко—Силевичу въ настоящее время, варили въ зазанѣ, при сукновальнѣ, гречневую жидкую кашу, заправленную въ постный день элеемъ, а въ скоромный—саломъ.

Среди же двора, во всю длину, были разставлены въ нѣсколько рядовъ новыя, чистыя корытца. Въ этомъ и состояла вся сервировка для гостей. Какъ только каша была готова, сами гости, ведрами, на коромыслахъ носили ее съ мельницы во дворъ и разливали въ корытца.

Передъ этимъ одна изъ дочерей Силевича лично отправлялась въ амбаръ для раздачи хлѣба, котораго напекали нѣсколько зѣсѣковъ. Вотъ была наглядная картина борьбы за существованіе. Каждый старался протиснуться впередъ, сбивая съ ногъ и топча падающихъ на пути. Надо было видѣть эту толпу съ протянутыми руками за кускомъ черстватаго хлѣба!

Приказчикъ и нѣсколько дворовыхъ крѣпостныхъ исполняли роль полицейскихъ, отстраняя нѣкоторыхъ назадъ и обличая тѣхъ, которые подходили за хлѣбомъ по нѣсколько разъ, увѣряя, что они еще ни крошки не получили.

Иногда въ неурожайные годы въ этотъ хлѣбъ подмѣшивали простой гречневой муки, отъ чего онъ выходилъ черный и жесткій. Жидкая каша имѣла мало вкуса, но гости ничѣмъ не брезгали и черезъ полчаса корытца были пусты. Обѣды эти были какъ нельзя болѣе встати, такъ какъ происходили весной, въ самую безхлѣбницу. Продолжались они до смерти Герасима Матвѣевича Силевича, т. е. до 1863 года.

Въ тѣ времена чистый хлѣбъ считался роскошью и признакомъ богатства; большинство же подмѣшивало въ хлѣбъ макуху (выжимку изъ конопляныхъ зеренъ) или гречневую муку, которую умѣли такъ готовить, что она годилась лишь на обмѣшну скоту; такъ какъ ее мололи подсушенную въ овинѣ, то оболочка зерна перемалывалась въ порошокъ и дѣлала муку жесткой и черной.

Подобнаго хлѣба очень не жалуютъ, но ѣдятъ въ крайней нуждѣ. На вопросъ, отчего народъ нашей мѣстности не терпитъ въ настоящее время такого голода, какъ въ былые годы, вамъ отвѣтятъ: «зъ тыхъ поръ мы нярестали галадаць якъ начѣли болій занимацца сѣубой бульбы ¹⁾, при йой и хлѣба меній сходзя и сыгъ чалавѣкъ».

Въ самомъ дѣлѣ, какъ трудно принималась у насъ культура! Въ то время, какъ въ Европѣ американскій плодъ былъ давно въ большомъ употребленіи, на Руси даже

¹⁾ Картофель.

въ половинѣ XIX столѣтія существовали глухіе уголки, гдѣ народъ только искоса поглядывалъ на застѣянную сосѣднимъ паномъ полосу картошки. Попробовали: «якава и яна на укусъ; ничаво, йета стравѣ смашная. «Не прочь были бы кое-когда и стащить ея у пана мѣшокъ—другой, наконецъ испытывали по трохи и сами сѣяць», но все-таки не могли сами додуматься до того, чтобы расширить свое картофельное хозяйство.

Только въ концѣ 70-хъ годовъ нѣкоторые помѣщики начали выписывать разные сорта скороспѣлой и кормовой картофели, тогда только и крестьяне принялись за ея посѣвы.

Но, конечно, не одно отсутствіе картофеля было причиной бѣдности, причинъ этихъ не перечтешь... Однако и достатокъ хлѣба въ прежніе годы тельерь объясняютъ тѣмъ, что помѣщики бывало весь чистый хлѣбъ перегоняли на водку. Оттого въ тѣ времена легче было быть пьяному, чѣмъ сытому. Къ тому же «зарабиць было нѣкалн, у кагѣ». Да правду сказать и народъ нашъ былъ не «прамышленъ», лежалъ на боку, голодалъ и все думалъ, что горю пособить ничѣмъ нельзя, вѣрнѣ въ то, что какъ было прежде, такъ и всегда будетъ и что на то уже воля Господня.

О томъ, какъ недогадливы были люди въ давнія времена, имѣется такой рассказъ:

Йшоу сабѣ праходжыйй. Тольки приходзьѣ йонъ у сяло и бача, што мужыкъ зъ жѣнкой усѣ бѣгаюць зъ хаты, да у погребѣ, зъ погреба да у хату.

— Дабрыдзьѣнь вамъ.

— Здарѣвеньки.

— Богъ у помачъ.

— Спасиба чалавѣча.

— Якая йета у васъ у погреби работа, што усѣ туды бѣганцьѣ?

— А йета мы кисель ядзимъ, миласци просимъ у хату.

Сѣу проходжый на лауцы и бача, што кисель станць на сталѣ, а малако у погребн, а яны зачерепаюць киселя, наложуць у ротъ, да самы зъ ложкой и бягуць у погребѣ запиваць кисель малакомъ.

— Слухайцы, людзи добрыѣ, за вашу ласку я ужѣ накажу вамъ, якъ людзи кисель зъ малакомъ ядзиць,—кажа проходжыйй.

А нѣ, мы и сами умѣимъ кисель ѣсць, на што насъ вучиць!

Насилу жонка согласилась послушать прохожаго, который наконецъ объяснилъ имъ.

— Вы жъ такъ дзѣляйца: принясицьѣ зъ пѣгреба малака у хату, налиця у миску и кисялю туды наложиц, да такъ и ѣжиц.

Падумали, надумали мужыкъ вѣзъ жѣнкой, да-й—кажуць:

А ужѣ жъ и прауда, што такъ луччѣй будзьѣ.

Тады ужѣ, якъ паѣли кисель, дыкъ спасибкали, спасибкали проходжаму чалавѣку... и начаваць его пакинули. Во, на другій дзѣнь устау праходжый ранненька, паглядзѣў у вакно, а мужыкъ зъ жонкай зноў штось пачали рабиць ни людное: жонка на дварѣ штаны дзержа, а мужыкъ узлѣзя на навѣць, да аттуль и скача у штаны. Ни папау у калоши, да мима, тады изноу узлѣзь на крышу,—скакнуу, адна нога пала у калошу, а другая мима калошы пришлась.

— Што-й йета вы рѣбицьѣ, пытаѣ чужый чалавѣкъ.

— А ци тыжъ ни бачышь, што штаны надзѣнаемъ.

— Ни такъ жа йихъ надзѣваюць, давайцьѣ, я вамъ покажѣ.

— Во-о-о-о! Закричала жонка, ци мы ужѣ дуриѣй попа, што и штаноў надзѣць няумѣемъ. Нехай Богъ крыя, яще и йетаму дзѣду треба выучицца.

Рассказъ оканчивается тѣмъ, что прохожий открываетъ имъ секретъ надѣванья нанталонъ и въ концѣ концовъ получаетъ великое спасибо.

Такъ полѣсцы проживали долгое время въ простотѣ и невѣдѣніи, не трогаясь съ мѣста; ни фабрикъ, ни заводовъ къ благу не было, а вдаль на заработки не пускались. «Да йимъ и ня чутна былѣд, идзѣ тамъ у якой старанъ зарабляюць грѣшы».—Кто же могъ имъ объ этомъ рассказать и посоветовать?

По глухимъ деревнямъ и лѣснымъ хуторамъ въ родѣ, какъ Лиски, Поддѣновка, Казенка (Мглинскаго уѣзда), тамъ и дажа и паноу рѣдка у вѣчы бачыли,—только и наѣжджали што валасныя за падацямн, во и усѣ!

Это не то, что теперъ: заберуть молодца въ рекруты; черезъ пять лѣтъ онъ придетъ назадъ и расскажетъ все, что на бѣломъ свѣтѣ дѣется. А вѣдь въ прежніе годы, какъ возьмутъ бывало человѣка въ солдаты на 25 лѣтъ, такъ по немъ только плачуть, а рассказовъ отъ него не скоро дождутся.

Рѣже всего въ Полѣсьѣ попадались деньги; оборотнаго капитала почти не было, да откуда же его было и взять? На дубахъ онъ не растеть. Въ городъ полѣсюкъ ѣздитъ рѣдко, потому что изъ хозяйственныхъ продуктовъ ему нечего возить на базаръ: и радъ бы онъ съ осени продать «мѣхъ жита, ци гречки—самаму голодъ награзіу у томъ гаду, а то вясной хоць кладзи зубы на палицу».

Посудивши и порядивши такимъ маперомъ, поневолѣ обходится онъ и безъ городскихъ покупокъ. Одежда съ ногъ до головы вся домашняя: отъ овцы, идсконней и льну, спряденныхъ и соганннхъ бабамн, лапотъ свой, лучина для освѣщенія тоже.

Бабы также сидѣли по деревнямъ, даже и на богомолье долгое время не рисковали выходить, пока «ни распытались, куды и якъ йега людзи ходзюць». Иная и состарится и вѣкъ свой проживеть, не видя города. Только молодежь не обходилась безъ предметовъ роскоши, но все-таки находила возможнымъ украшать себя, не имѣя никогда гроша въ рукахъ. Для этого по деревнямъ нѣсколько разъ въ годъ ѣздитъ на лошади «карявашникъ» и кричить:

Дѣвки, бабки, несите тряпки, корявки.

Вотъ и началась мѣновая торговля: ему тащатъ все: и старыя онучи и кости и яйце, шетину, вошину и льняное сѣмн, а взамятъ получаютъ сережки, перстни, коралы, ленточки, иголки, красную заболоть для вышиванья и т. и.

Кажется всего можно добыть, и все подъ рукою у полѣсца, но нѣтъ, его доннамаеть одно горе: кромѣ хлѣба еще крайне нужна и соль, которой безъ денегъ рѣшительно достать негдѣ. А еще къ несчастью въ тѣ времена она была такая дорогая, по рублю пудъ, не то что теперъ по 32 коп.

И такъ, значить въ городъ ѣздили только за солью и за дѣттемъ, котораго къ стыду свесему сами не умѣли приготовить, а для этой цѣли ежегодно являлись въ Полѣсье дегтары изъ Орловской губерніи гнать деготь изъ древесныхъ корней и березовой коры и продавали его по 50 коп. за пудъ.

Легко сказать—рубль на соль, да гдѣже собственно взять этотъ рубль?

Преданіе говоритъ, что въ прежніе годы полѣсскій народъ имѣлъ страхъ и Бога въ сердцѣ; нерѣдко бывало онъ ѣсть хлѣбъ пополамъ съ мякиной, но красть не пойдеть».

Затѣмъ дальше, да дальше, сталъ призадумываться, откуда достать на соль и на дѣготъ. Глянетъ направо, стоитъ густой строевой лѣсъ пана Силевича, рядомъ идетъ Гудовщина графа Гудовича,—слѣва облегли лѣса Ширая, Долинскаго и т. д.—и т. д.

Лѣсничихъ въ старыя годы не было, вотъ и стали мужички промышленить: нарубить возъ дровъ, повезеть за 35 верстъ въ городъ и есть кошбекъ 15, а то пожалуй и 20 на соль.

Разсмотрѣлся дальше, да дальше и узнать, что въ городѣ все можно сбыть и началъ мало-по-малу изъ чужихъ лѣсовъ таскать лыки, лозу, берѣсту и прочій сырой матеріалъ. Затѣмъ по глухимъ деревнямъ, какъ въ Водвинкѣ, Коробоничахъ, Яблонкѣ, стали заниматься деревянными издѣльями: почти въ каждомъ дворѣ гнули ободья, дѣлали колеса и возами отправляли на ярмарки въ Стародубъ и Мглинъ.

Но прежде чѣмъ заняться подобной фабрикаціей, надо сначала ночью отправиться въ чужой лѣсъ и, попросту сказать, накрасть лѣснаго матеріала.

Оттого про полѣсцевъ пошла молва, будто тамъ «злѣдій¹⁾ на злѣдзи сядзиць и злѣдзіемъ паганая».

Правда, онъ виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія: сравнимъ полѣсца съ его

¹⁾ Воръ.

сосѣдомъ волкомъ,—последній всегда красть овецъ и будетъ красть; воровство же полѣсца имѣеть свое историческое начало: было время когда «онъ имѣлъ Бога въ сердцѣ и не красть», а все, что имѣеть начало можетъ имѣть и конецъ ¹⁾).

О нарѣчїи и пѣніи.

Въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губерніи слышится въ разговорной рѣчи двойное произношеніе:

1) На границахъ Стародубскаго и Мглинскаго уѣзд. и во всемъ полѣсѣ, тянущемся къ Суражу, говорятъ на бѣлорусскомъ нарѣчїи, съ его главными, выдающимися чертами, т. е. съ смягченіемъ *д* въ *дзь* и *т* въ *цв*. Напр. «хазиннѣ кладзѣе пичаць, а злѣдзїй глядзїць, аткуль пачаць».

2) Чѣмъ дальше отъ полѣся и чѣмъ ближе къ городамъ, а также въ самыхъ городахъ: Стародубъ, Погаръ, Мглинъ, Почепъ и Новозыбковъ, нарѣчїе остается тоже самое, только съ тою разницею, что *д* и *т* не смягчаются. Напр. «хазиннѣ класе пичать, а злѣдїй глядїть, аткуль пачать». Поэтому и пѣсни записаны и помѣщены здѣсь по двойному говору: полѣсскїя съ смягченіемъ *д* и *т* и подгородныя безъ смягченїя *д* и *т*.

Каково бы ни было экономическое положеніе народа и какъ ни трудно достается ему хлѣбъ насущный, онъ всегда найдетъ время для пѣсенъ и поетъ, когда ему поется.

У насъ по деревнямъ мужички поютъ только въ юношескомъ возрастѣ, до женитьбы, и во время рекрутскаго набора передъ отбыванїемъ воинской повинности. Хоръ мужскихъ голосовъ вы услышите рѣдко, и то лишь въ праздничные дни, позднимъ вечеромъ. На полевыхъ работахъ они никогда не поютъ; пѣсенъ не раздѣляютъ по временамъ года и затягиваютъ большею частью какую кому и когда «заугодна». Только рекрутскїя пѣсни идутъ въ ходъ непремѣнно въ октябрѣ и ноябрѣ во время набора.

Въ среднїя лѣта и въ пожиломъ возрастѣ они признаютъ пѣсни лишь при изрядной выпивкѣ. Попросите его спѣть, онъ отвѣтитъ: «ци я пїянь, што пачнў пѣсни пѣць, якъ бы хто наднєсь четвертку, другую, можа бъ табы и запѣу, да я изъ мѣладу на йета ня вотъ то шн крахала ворона у гѣру лятучїи, а назадъ ужо и ни начынаць. Йета усѣ нусяць, намъ нѣкали ганяцца за пѣснямы»

Женщины же поютъ во всѣхъ возрастахъ и относятся къ своей устной поэзїи съ большой симпатїей. «У пѣсняхъ уся прауда», говорятъ онѣ.

Въ откровенныхъ бесѣдахъ пожилыя женщины лѣтъ 40—60, на вопросъ, поютъ ли онѣ когда нибудь, отвѣчали:

Якъ остануся я сама сабѣ у дварѣ, да якъ ушнбѣ мянѣ ахота, дыкъ я усн пѣсни наперенѣю, такъ яны адна за другой и лѣзущу у галавў, а дали, якъ узойдзье на вумъ уся маяя горькая жыстачка, да бездолля, дыкъ я усѣ пїю и плаччу..., да ахоты такн напласуся.

На мои просьбы спѣть хоть одну пѣсню, вызывающую слезы, мнѣ отвѣчали молчанїемъ или говорили:

Цяперъ ни придумаю, усн пѣсни павышлн зъ галавї.

Такъ что изъ всего репертуара удалось записать одну только:

Што—й—надъ гаямъ зїянянькнмъ.	Скажы мнѣ гаѣчыкъ,
Брала удоука лєнь бяленькїй	Хто у насъ у сїлѣ?
Яна брала—выбирала,	Ранїй уснхъ устае?
У гая пытала:	Пазареншы устае

¹⁾ Можно бы прибавить, что сначала своихъ лѣсовъ у пановъ Силевичей, Гудовичей, Ширасвъ и пр. не было да и самихъ ихъ не было, и тогда полѣсцы преспокойно пользовались окружающими ихъ лѣсами и издревле конечно занимались выдѣлкою ободьевъ, саней и пр.

Да горькая удойка,
Ни мужъ яе пабуджае,
Ни люта свякруха,

Пабуджаюць удоуку
Дробныя дзѣтки
Да—й жѣ нѣдастатки.

(д. Водвника, Мглин. Уѣзд. со словъ 65-лѣтн. женщ.)

За дѣвками признается право распѣвать вездѣ и всегда собираться среди села для составленія хоровъ и гулянья. Поэтому она не стѣсняется и если зацѣла, то запѣла громко, во все горло.

У замужнихъ же женщинъ хотя и есть потребность излить горе въ пѣсни, но она чувствуетъ за собою нѣкую нелегальность въ пѣніи, считаетъ это занятіе для себя непозволительнымъ, бонгси, что ее осудятъ и скажутъ: «во уздумала баба дзявочный вечаръ, дзѣла ня робя, а пѣсни дзяре».

Оттого она и остерегается пѣть громко, а если и поетъ, то «сама пра сибѣ». При собираніи матеріала, довольно трудно расположить крестьянъ пропѣть или проговорить какую-нибудь пѣсню.

Прежде чѣмъ обратиться къ нимъ съ такою странною, съ ихъ точки зрѣнія, просьбою, приходилось пускаться въ ходъ нѣкоторые подготовительные разговоры, объяснять каждому причину.

«Нашто вамъ наши пѣсни, панамъ» и т. п. Иная пѣвунья заявляетъ, что она «звая богата пѣсянь», но на самомъ дѣлѣ не скажетъ вамъ ни одной строчки, хоть ее пеки. Сной весеннюю. «Цяперъ йихъ ни пююць». Ну какую хочешь. «Ни придумая, позабывала, дауно пѣла» и т. п.

Я попробовала пустить въ ходъ вознагражденіе въ видѣ лентъ, краля, фартуковъ и проч. нарядовъ,—сейчасъ же память прояснялась, языкъ развязывался и начинали диктовать пѣсню за пѣсней. Съ тѣхъ поръ, попадая въ подходящую компанію, я заявляла коротко и ясно: Господа, кто хочетъ заработать за пѣсни? И эта мѣра имѣла всегда большой успѣхъ.

Къ прискорбію, замѣтна большая разница между пѣніемъ 60-хъ и 70-хъ годовъ и нынѣшнимъ временемъ, а именно: теперь не поютъ, а кричатъ пѣсни. Какъ въ хорахъ, такъ и въ одиночку каждая силится орать во всю мочь, отчего искажается даже мотивъ, и выходитъ одно сплошное выкрикиваніе.

С в а т ь б а.

Январь.

Прежде чѣмъ говорить о пѣсняхъ, мы должны поименовать праздники этого мѣсяца въ связи съ существующими обычаями.

7-го января—праздникъ «Ивана хрясцицеля», 30-го празднуютъ трехъ святителей: Василя Великаго, Григорія Богослова и Иоанна Златоуста. Но обычаевъ и обрядовъ въ эти дни никакихъ не имѣется. Мужчины дозволяютъ себѣ кое-что и работать «калѣ дварѣ». Только бабы соблюдаютъ эти праздники строго и съ талмудическою требовательностью утверждаютъ:

— Заўтра нильзя жлукциць, нильзя праць билля (бѣлья) нильзя прясць».

Мы начали не съ 1-го, а съ 7 января потому, что начало новаго года съ крещеніемъ включительно относится къ рождественскимъ праздникамъ, а объ нихъ будемъ говорить позднѣе. Теперь же займемся пѣснями, которыя сопровождаютъ свадебные обряды. Кстати, начиная съ 7-го января церковь разрѣшаетъ вѣнчаніе и съ этого времени до «маслянки» совершается наибольшее число браковъ, чѣмъ въ прочіе мѣсяцы. Въ крестьянскомъ быту трудно встрѣтить стараго холостяка и пожилую незамужнюю женщину, потому что женщина не служитъ обузой мужу, а представляетъ изъ себя рабочую силу. Оттого родители спѣшатъ женить сына и отдалить насколько

возможно дѣло сватовства дочери, чтобы невѣста успѣла отработать «матцы и батцы» за то, «што яѣе узрастцали и выгадавали».

Впрочемъ сердобольныя матки, помимо матеріальныхъ причинъ, неподдѣльно горюють при выдачѣ дочерей и, вытирая скатившуюся слезу, говорятъ:

«Што жъ дзѣлаць, дачка ни бацькова карысець, яжъ яѣе гадала и кукѣбила (делѣбила), а прышло уремьѣ и треба отдаць у чужія людзи, хоць бы жъ яна яце гадѣчыкъ накрасавалась у дзѣўкахъ». Крестьяне относятъ сватѣбу къ числу разорительныхъ случаевъ въ хозяйствѣ и съ прискорбіемъ сѣтуютъ что «сягдлѣта яму крѣпка мѣтарно (жотарно, трудно) пришлось: гречачка памѣрзла, тамъ пашли сухмени,—канпелька ни узыйшла, а тутъ яце падасиѣла и жаницьба сына, усѣ адно ка'днему пашло на вубытки, давялось трокси и на каунеръ прихваццѣ у купца».

Не удивительно, что въ этомъ случаѣ «на каунеръ» попадаетъ. Вѣдь на сватѣбѣ выпивается не менѣе трехъ ведеръ горѣлки. А въ прежніе годы при дешевой водкѣ вольнаго откупа расходовали до семи ведеръ. Кромѣ того, къ этому дню уже припасаются на зарѣзъ какойнибудь подслиннокъ или бычекъ «сегдлѣтокъ».

«Выселля каштаватъ, говорятъ они. А жд-ждъ и безъ йетаго нильзя абайцицца; што треба, то треба, свацьба сарочку знайдзе. А тутъ яце пакуль папа уяднаимъ, дыкъ чубъ мѣкаръ будзе».

Трудность эта еще болѣе увеличивается, если за родителями брачавшихся числится «ракаўщина». Это ничто иное, какъ сынка хлѣба въ пользу священника съ каждаго двора по нѣсколько фунтовъ. Раковщина опредѣляется на сельскомъ сходѣ, но большая часть прихожанъ не вносятъ и затягиваетъ ее лѣтъ на десять, а когда приходится дѣло до женитьбы и вопроса о цѣнѣ за вѣнчаніе, то священникъ объявляетъ: «прежде всего привези раковщину». Когда приходятъ «ядлаць папа», «батюшка привѣтствуетъ ихъ, какъ гостей, садитъ на почетное мѣсто, водноситъ «по царцы гарѣлки», затѣмъ начинаются безконечныя толки, сначала очень миролюбиваго характера, а подъ конецъ разговоры становятся крупнѣй, затѣвается ссора и пререканія. Не сойдутся въ первый разъ—черезъ день, два опять являются.

«Нуця, дыкъ якъ вы, бацьюшка? ци ня можна за три съ палцинай иривинчаць? А ракаўщины ужо бацьюшка ня пытайця цяперъ, абъ калядахъ раждзиственскихъ усю зараць атдадзпмъ.»

Интересы крестьянъ и священника вѣчно сталкиваются, а потому между прихожанами и настыремъ всегда обостренныя отношенія. Онъ и кланяется и улыбается батюшкѣ и камень за пазухой держитъ. Оттого являются подобныя пословицы: «зъ вяликимъ брюхомъ — на папоу дворъ», папоўскіе карманы, завидющія папоўскія «вочы» и т. п. Но въ этомъ случаѣ и священника нельзя безусловно обвинять: вѣдь онъ получаетъ всего 120 руб. годоваго оклада (у насъ въ Мглинскомъ уѣздѣ). Какой чиновникъ въ состояніи прожить съ семьей на эту сумму? Священника многіе клеймятъ корыстолюбцемъ, но и его доля не завидна: вѣдь приходъ ему дается на такихъ же условіяхъ, какъ въ старину давались города въ кормленіе.

С в а т а н ь н ѣ.

Сваты являются въ домъ невѣсты всегда съ хлѣбомъ или пятикопѣечной французской булкой, съ поклонами и привѣтствіями. «Дабры дзень вамъ, штобъ здарѣвиньки быллі, съ ауторкомъ (вторникомъ) васъ поздравляемъ. «Благодаримъ пакорна, праходзця даліі, просимъ накрѣна сядицца».

Если въ числѣ сватовъ находится какойнибудь балагуръ, то непрѣменно начнетъ такъ: «Хадзили мы, браздили па вашаму лѣсу, напали на слѣдъ пушнаго звѣря, гнались, гнались за кунцай», у сяло увагнали и слѣдъ пацярали. Стали шукаць, ажъ слѣдъ пашоу къ вашой хаці. Распыталсь у людзей, ажъ то быу ни пушныі звѣрь, то ни кунца, а красная дзявица».

Если жъ у сватовъ нѣтъ умѣнья и охоты къ длиннымъ разговорамъ, то говорятъ просто: «во вамъ хлѣбъ соль, у васъ товаръ, у насъ купецъ, будзимъ сваты. Нашъ парень змирный, у яго и дворъ свой, и гародчыку зъ поўдзясяцыны йосць» и т. д. Но родители описанію сватовъ не всегда вѣрятъ, а потому хлѣбъ оставляютъ пока у себя и отвѣчаютъ: «Мы раснытанмся, падумаимъ». Затѣмъ ѣдутъ въ выглядѣ въ дворъ молодого и если не понравится обстановка жениха, то вмѣсто отказа отсылаютъ хлѣбъ обратно. Согласія невѣсты обязательно спрашиваютъ, но ни одна дѣвка не дастъ утвердительнаго отвѣта, а говоритъ: «Якъ хѣчицы». Это и значить, что она согласна выйти замужъ. Тогда оставляютъ принесенный хлѣбъ, посылаютъ за водкой, угощаютъ сватовъ и сообща назначаютъ день, когда «играць заручаны».

З а р у ч а н ы .

Подъ вечеръ назначеннаго дня пріѣзжаетъ женихъ съ дружкоймъ и молодыми парнями; привозятъ они съ собою музыку и горѣлку. Вотъ всѣ пріѣзжіе и званые гости усѣлись за столъ. «Маладая съ таваришкамы» въ отсутствіи. Затѣмъ отворяется дверь, входитъ одна изъ подругъ невѣсты и низко всѣмъ кланяется. «Нѣ, нѣ, харошъ таваръ, да ни нашъ». Входитъ такимъ образомъ другая, третья съ поклономъ... наконецъ и молодая въ сопровожденіи подругъ. Послѣ ея поклона раздается крикъ: «Йета наша, наша, миласці просимъ». Невѣста подходитъ къ жениху и завязываетъ ему свой подарокъ—ленту въ воротъ рубашки.

Затѣмъ она подноситъ дѣвкамъ горѣлку, и тѣ начинаютъ пѣть, обращаясь къ сватамъ и пріѣзжимъ:

Мы думали—яны смійліся,
Ажъ яны змаудліся
Мы думали—ваду нлілі
Ажъ яны—гарэлачку.

(с. Росуха, Мглнн. у. со словъ 18 л. дѣвицы)

Мы думали—зъ вядзерачакъ,
Ахъ яны—зъ бутылачакъ.
Мы думали—карцѣмъ нлілі
Ажъ яны—стаканчыкамъ.

Ци я у цябѣ, мой татухна ни гарюю,
Што ты мяне выдаешъ маладую
Прадай, прадай, татусичка
Зіляненькій садъ,
Да-й-справъ жа ты мой роднинькій
Увесь панарядъ:
Саяны зілянны—мушкаваны

(д. Водвинка, Мглннск. у. с. с. 40-лѣт. женщ.).

Чырвяцѣвы ¹⁾ паясѣчки и—зъ махрамы,
Казловыя чырвячкі зъ гапликамы ²⁾
Лукирачка, дзінці дарагодя
Панадзѣца табѣ жыцьцѣ—нілюбѣя,—
Саяны зілянныя пѣламъ прынадзѣць,
У чырвяцовыхъ паясахъ махры атпадуць.

Касацінькій сіязенечка,
Ци быу жа ты да на Дунайѣчку,
Ци бачу ты свайю вутачку?
Кали-жъ и мнѣ было яѣ бачыць,
Тольки-жъ я—да на Дунайѣчыгъ,
А вутачка дагадалася,
У густый чэретъ захавалася,
Травинкою да ни шамнула,
Крылушками да ни стріпанула.

(с. Семешково, Стародубскаго у. с. с. 35-л. женщ.).

(См. Шейня т. I. ч. 1, стр. 252 № 276, т. I. ч. 2 стр. 408 № 10).

¹⁾ красный—(чирвоный).

²⁾ съ крочками.

На гарэ хвілячкі зацвітали
Усю гару высокаю усцилалі;
Праслася дзёвчачка—
Пусці мяне, татухна,
На тую гару,
Я сабѣ за бѣла цмина

(с. Бородника, Мглинск. у. с. с. 78-лѣт. женщины).

Вяночыкѣ саую,
Сѣ хрышчатаго барвіначка
Хрэшыкѣ (крестникѣ) нариджу,
Да-й-я свайму Амдрэичку
У падаракѣ пашлю.

Хадзила Варачка па-садочку,
А за ёй Іванічка на слядочку.
Ни ступай ты, Іванічка,
Да на мой сайнѣ.
Я у Бога сиротачка
А ты—сабѣ панѣ.

(с. Росуха Мглинскаго у. с. с. 40-лѣт. женщ.).
См. Шейнѣ т. I, ч. II, стр. 322 № 10.

Шукай сабѣ паняначкі,
Якій ты и самѣ.
Выѣздзіу я, Варачка,
Усѣ дарогі и царскія гарады,
Ни знайшоу паняначкі
Такія—якѣ ты.

Варьянтѣ той же пѣсни,—записанѣ со словѣ 78-лѣт. женщины въ с. Бородникѣ,
Мглинск. у.

Хадзила дзёвчачка па садочку,
За ёй Іванічка па слядочку.
Йди, нажди, Варачка,
Ужо-жѣ ты мая!
Яна ему отказала
Ни прауда твая,
Богава—сударева
Вацькова слуга,
Я у свѣци сиротачка.
А ты сабѣ панѣ,
Шукай сабѣ паняначкі
Такія якѣ самѣ,
Выѣздзіу Украіну
Увесь бѣлыі свѣтѣ,
Ни знайшоу такія,
Якѣ ты макоу цвѣтѣ.
Красная дзёвчачка
Свнйчкі мяла,
Якѣ галубачка гула
Вѣничкамѣ махне,

(с. Горяны, Мглинскаго уѣзда, со словѣ 20-лѣт. дѣвицы).

Цижаленька уздыхне.
Зачуу, пачуу
Яйе татухна,
У сабѣдѣ ступае,
У яйе пытая:
Чаго, дзёвчачка, плачышѣ,
Ци жаль табѣ мнѣ старогѣ,
Ци надворьяйка майго?
Ни жаль жа мнѣ старасці твайе
Ни надворьяйка твайго,
Жаль жи мнѣ рўсыя касы.
Да дзявоцкія красы
Дзёвчачкі пдуць, вяночки уюць,
Я свой—разывваю
Па красацы, (по цвѣточку) па василѣчку
Я свой раскидаю.
Дзёвчачкі ідуць—пѣсянкі пѣюць,
Мнѣ ни прымаюць
Мнѣ праўды ни скажуць.

У гародзі ни дубѣ, ни бярэза
Чырвоная рожа (роза).
Падѣ рожаю дзѣўка сядзѣла,
Зѣ рожаі гаманила (разговаривала),
Рожа, мая рожа,
Схарани мяне Бджа!

(с. Гаряны, Мглинскаго у., со сл. 20-лѣт. дѣвицы).

Падѣ сакаліная крыльца,
Падѣ навнйная
Будзія мнѣ татухна шукаці,
Вялікаго пірайма даваці,
Пірайма ни бярыца
И мнѣ ни кажыца.

Да ѣдзѣ ты, мой татухна,
У гарадчыкѣ,
Купи ты мнѣ, татухна,
Салавейку.

Прыкуй яго, татухна,
Кѣ каравѣцы
И онѣ будзія рѣнинька
Щабитаці

Будзя мяне, маладую,
Пабуджаци.
У мяне, мой татухна,
Ня свой бацька,
И онь мяне ранняк
Ни пабудзя.
Посць у мяне нявѣстачка
Маладая

Яна у мянѣ ранняк
Ни уставала.
Ня слухайца, сусѣдачки,
Свѣкра майяго.
Да я мятѹ хату, сѣни
Сь свѣчкамы,
Да я бягу па вадзѣцу
Зь зараньцай.

(д. Бородинка, со сл. 78-лѣтн. жепц.).

Наканунѣ вѣнца.

а) *Въ домѣ жениха.*

Наканунѣ вѣнца вечеромъ въ домѣ жениха собираются приглашенные «сусѣди», свашки и дружкѹ — «каравай чапаци» (вѣшать). Въ сумерки зажигается передь образомъ лампадка и восковая свѣча, накрывается бѣлой скатертью столъ и на немъ ставится верчѣ и каравай. Это пшеничные хлѣбы, окрашенные красной краской и утыканные обвитыми цвѣтной бумагой — палочками, на верху которыхъ насажены тоже изъ тѣста разные пѣтушки, орлы и проч. Верчѣ стоитъ уже убранный, готовый, а для каравайя всѣ эти палки съ фантастическими птицами покунаются отдѣльно, и въ этотъ вечеръ эти принадлежности вѣшаютъ и прикрѣпляютъ на каравай, сопровождая все это вышивкой и пѣснями. Предь началомъ всѣ присутствующіе молятся предь образами, бьютъ земные поклоны и затѣмъ садятся за столъ. Дружкѹ, какъ главный церемонимейстеръ, привстаегъ и возглашаетъ:

Баслави ацець, — маці
Свайму дзѣнцѣ
Каравай чапаци.

«Нехай Богъ баславляя», получается отвѣтъ и свашки (молодыя замужнія женщины) начинаютъ пѣть:

Караваю мой муливаныи (разрисованныи) Ци малыя баженяточкѣ?
Да хто-жѣ цябѣ муливау, Муливали мянѣ зрячки
Ци баги цябѣ муливали, Да Расуськія дзѣвачкѣ.
(Заучено много еще въ 60-хъ годахъ въ с. Росухѣ на свадьбахъ).

Матачка Данилку (имя жениха) радзила, У цябѣ конничакъ ня свой,
Мѣсяцамъ обгардзила, Ночачка цѣмная,
Звяздою подириязала, Дарожка ня торная,
Дарожку указала. Дружина ня вѣрная.
Ѣдзь, мой сыночекъ, ня стой,
(Заучено много въ 60-хъ годахъ въ с. Разсухѣ на свадьбахъ).

Што—й у садзи, да на вишаньи Сабрауся Данилка
Извнуса рабчыкъ Сь сваюю раднѣю,
У залѣтнй клубочыкъ, Зь бѣлаю сястрою,
Извнуса у садзи, да на вишаньи, На коня хоча сѣсци
Хѣча паляцѣци Да паѣхаци къ цѣсцю
Изъ бора у дубрау Абабрау сабѣ дзѣуку
Выбрау сабѣ сѣсню Красную, да харошаю,
Тонкую да високую, Харошаю, да пригожаю
Кудрявую, кучарявую. Маладую да Адарачку (имя невѣсты Дарья).
(д. Дупеки, Мглинскаго уѣзда, со словъ 40-лѣтн. женщины).

Ходзя маці да па вулицы
Сусѣдачакъ прося—
Сусѣдачки майѐ,
Хадзиця вы ка мнѣ,
Къ майму дзицяци
Караваю чапаці,
У майго сыночка
Самъ Богъ каравай мѣся,
Прячистая свѣця,
Ангели да ваду нѣсяць,

(с. Росухи, Мглинскаго уѣзда, 66-лѣтней женщины).

Миколая прѣсюць —
Миколай чудотвѣриць,
Хадзи къ намъ на пѣмачъ.
Да нихто-жъ таго ни зная,
Што ў нашамъ караван
Съ сями кароў масла
Да яйецъ паўтораста,
Да съ трѣхъ крыницъ вадѣ,
Да съ сями лавакъ мука.

Наканунѣ вѣнца.

б) Въ домъ невѣсты.

Дзявѣчки (дѣвчкн—дѣвичникъ).

Въ этотъ самый вечеръ, когда у жениха «чапаюць каравай» — у невѣсты «гуляюць дзявчкн». Предъ сумеркамі невѣста съ подневѣстницею (подружка) ходитъ со двора во дворъ и сколько бы въ избѣ ни было народу, каждому отвѣшиваетъ низкіе поклоны. Подросткамъ и молодежи кланяется въ поясъ, тихо и скромно приговаривая: прошу миласці ка мнѣ на дзявчкн. «И получивъ отвѣтъ: «нехай Гасподзь памагаю», она повторяетъ еще два раза свой поклонъ въ видѣ благодарности за пожеланія. Старшимъ себя — дѣлаетъ три земныхъ поклона. «Богу святому кланяйся дзицятка, «отвѣчаютъ ей ласково», дай жа Божа табѣ спасця—й—долю и усяго, чаго ты сабѣ ать Юга просишь». Однако, несмотря на обиліе поклоновъ, которыхъ приходится въ этотъ день отвѣрять не менѣе полутораста, на дѣвчкн приходятъ только дѣвкн, родичи и кое кто изъ завѣдомо приглашенныхъ родителями гостей.

На «дзявчкахъ» старшіе «залазаюць за столъ на бясѣду», нхъ «частуюць гарэлкой», подаюць закуску. Дѣвкн съ невѣстой отводятъ въ другую хату, а если нѣтъ таковой, то къ сосѣду. Туда имъ посылаются закускн и немного водки. «Дзѣўкн ня пьюць па багату гарэлкн, яны саромяюцца и тольки пригубюць хоць йншай гарэлка праціуна, якъ старцу гриуна.

На дѣвчкахъ не полагаются ни музыкн, ни танцевъ. Подруги, какъ бы прощаясь, проводятъ послѣдній вечеръ съ невѣстой и время отъ времени ноютъ пѣсни «на жалостный голосъ» (минорный тонъ).

Куковала зязюличка у садочку,
Прыхилиўшы галовачку къ листочку;
За лисцяйкамъ галѣвачкн ни видѣци
За нташкамы галасѣчка ни слыхацн;
Заплакала Адарачка у святлицы
Прыхилиўшы галовочку къ скамьыцы,
Яна плакаушы гаварыла—
Якъ мнѣ у чужія людзи вицнцъ?

(с. Човпя, Стародубскаго уѣзда, со словъ 50-лѣтн. женщины).

Якъ мнѣ свекру наравиць?
Зайшоу, пришоу Данилачка.
Ня журися, дзявчоначка,
Йосць у мяне тры чалядачки:
На крѣоу тры нагѣячки,
Адна будзя рана набуджацн,
А другая дзѣло работѣцн,
А трѣця—свекру наравиць.

А чья-жъ йета рута-мята падъ гарѣю
Зарасла, забуяла либядою?
Да чаго ты, Мархвачка, такъ, сядзишь,
Да чаго ты рутѣчки ня пдлншь?

Цяперъ мнѣ, дзѣвчакн, ни да руты,
Баре мяне дзяцянка у сваёе руки
У чужую старану на вѣкн.

(с. Росухи, Мглинскаго уѣзда, со сл. 47-лѣтн. женщины).

Татухна мой рѣдиннѣй,
Вѣйдзи за вароты,
Приляжъ на дарѣзи,
Ци шумиць лѣсь-дуброва,
Ци стогня дарога,
Ци свищуць нагайки,
Ци ѣдзуць баярки,

Ци пюць свашки пѣсни,
Да ци йосць прамижъ йныхъ,
Мой разлушничакъ,
Разлучну майю касу,
Разабрау па валасу,
Пусцну на шауковамъ паясу.

(с. Вородинка, Стародубскаго уѣзда, со словъ 78-лѣтн. женщины).

Пи я цябѣ, мой бацюшка,
Ни вѣрница была,
Ци ня вѣрна служила.
Изъ цѣрему да—й—ни выходила,
Тольки-жъ была вѣшла
Изъ цѣрема да на ганачки (на крылечко)
Да—й глянула я на красачки,
Ажъ майѣ краски—йграюць,
А моѣе животѣчки вянуць.

Хоць играйца краски, ни играйца,
Мнѣ у бацьки ня жыцьи
И вянчокоу ня вѣни.
Адзинь была звилѣ
И таго ни знасилѣ,
Павѣсила, да—й у цѣерями,
У цѣерями да за дзвѣрими
На залатѣмъ гваздѣчку
На шауковомъ шнурочку.

(Въ с. Семешковѣ, Стародубскаго уѣзда, со словъ 35-лѣтн. женщины).
Въ Росухѣ къ этой пѣснѣ прибавляюць еще три строчки.

Куды татухна идзе
Галоўкаю чѣръкайница, (касаться)
Слѣзками абливацца.
(Варьянтъ у Шейна стр. 455, т. 1, ч. II).

Какими только ласковыми названіями ни обзываютъ собравшіяся здѣсь сверстницы въ пѣсняхъ свою зарученную подругу дѣтства: она у нихъ на прощаньи и «вишанька» и «сѣрая зязюличка» и «бѣлая бѣляначка» и «красная суравѣжачка».

Сѣрая мая зязюличка,
Вѣрамъ ляцишь,
Чаму ни кукуйишь?
Красная мая дзяучдночка,
Вѣчаръ—сядзіишь

Чаму пѣсянъ ни пѣшь?
Сѣла ты, да навѣшай усихъ
Галѣвачку сыхилила
Да нанѣжы усихъ.

(Записано въ хуг. Александровгѣ, Мглинскаго уѣзда, на дѣвичкахъ).

Бѣлая ты бѣляначка,
Красная суравѣжачка
Ци байсься ты марозу?
Я марозу ни баюся,
Атъ марозу схаранюся,
Гѣльляйкомъ абгараджуся,

Лісцяйгамамъ напранюся (накроюсь)
Красная да ты дзѣвачка,
Ци байсься ты свѣкра?
А я свѣкра ни баюся
Я—яму пакарюся.

(Записано тамъ же на дѣвичкахъ).

Зяленая наша вишанька
Туды сюды нахилилася
Тыряль тынъ, да на вулачку.

Ни сама-жъ я нахилилася,
Нахилили мяне буйныя вѣтры
Да дробныя дажджы.

(Тамъ же записано на дѣвичкахъ).

Кленъ—липа ци ня дзеряуцо,
Смародыня ци ни ягада,

Кулиначка ци ня дзѣвачка
Яѣе каса ци ня косачка?

(Тамъ же записано на дѣвичкахъ).

А казала калина: цвѣсецъ ня буду,
Зяленаго лисцяйка ни пуцу,
Краснай ягадки ни ураджу.
Якъ прышла пара — зацьвила,
Зялёныя лисцяйки пуспыла

Ни праўдзівая Тацяпачка
Казала: замужь ни пайду,
Маладога Миколки ни люблю.
Якъ прышла пара — замужь пашла,
Маладога дзяцінку спалюбила.

(д. Жуково, Мглинскаго ўезда, 18-лѣтн. дѣвицы).

Татачка мой радуёсинькй,
Бачыла я сонь дзунёсинькй:
Што—й надь нашымь надь дварочкамь
Наляцьла стада галубочкоу,

А мижь галубочкоу адзінъ сакалочыкъ.
Дзѣвачка мая, я твой сонь разгадаю:
Галубочки—йета байрачки,
Ясный сакалочыкъ—маладый дзяцінка.

(с. Новоселки, Стародубскаго ўезда, 26-лѣтн. женщины).

Ишла Проничка, кругъ стала,
Сыпала руту—мяту зь рукава.
Рута мая дробна, зяляная,
Сь кимь мнѣ цябе падбираць?
Праси, дзѣвачка, татухну,

Зямляныя рутачки сабираць.
Ня буду я, татухна прахали,
Ня умѣу йонь мянѣ кахаць,
Ни у свайомь дварѣ дзиржаць.

(д. Водвинка, Мглинскаго ўезда, со сл. 30-лѣтн. женщины, въ 1892 г.).
См. Шейнъ т. I, ч. II, 347, № 24.

Маладая да Мархвѣтачка,
Пирядзѣи сьни
Да падай татухнѣ вадзѣцы,

Твая вадзѣца салодка,
Саладжефѣй мѣду и вина,
Што—й заручѣнная падала.

(с. Росуха, со словъ 17-ти лѣтн. дѣв. въ 1860 году).

Дзѣвачки, голубачки, попытайца у майоѣ донички,
Чаго яна такъ плача, да чаго жь йой жаль,

Ци свойоѣ рўсай кўсачки ци дзѣвоччыя кўсочки (красоты)?
Ни жаль жа мнѣ ни дзѣвоччыя красы, ни рўсай касы,
Минулася бацькава раскўша-сама бачу,
Ни разь, ни два па раскўшы той заплачу.

(с. Хоробичи, Городнянскаго ўезда, со словъ 27-ми лѣтней женщины, въ 1896 г.).

Если родителей невѣсты нѣтъ въ живыхъ, то поють еще и слѣдующія пѣсни:

Сѣвички моеи ни мяцѣныя,
Падружки мае зазваныя
Да ни частаваныя,

Устань, мая мамачка,
Пачастуй падружачакъ.

(с. Гарцево, Стародубскаго ўезда, со словъ 27-ми лѣтн. женщины, въ 1897 г.).

Адаркина мамачка пирядь Богамъ стала,
Паухресть руки сьлала
Да сьлннйька (сильно) Бога прѣся:
Пусци Вожа зь неба да дѣму
Паглядзѣци да на свайю дзѣцяцю,
Ци харашо яна уряджана,
На пѣкуци ци пасажана,
Уряджана якъ лябѣдачка
Насажана якъ сирѣтачка.
Устань, устань, мой татачка,

Дай мнѣ парадачку (совѣтъ)
Якъ у свѣти жыци.
Радь бы я устаци
Парадачку даци,
Сырая зямелька дзвери зямля,
Ваконки засыпала
Дубовыя дошки (доски)
Стиснули ножки,
Ни магу—й устаци
Я къ свайму дзѣцяци.

Утромъ передъ вѣнчаньемъ женихъ съ дружкѣмъ, боярами и своими гостями ѣдетъ повѣдомъ въ домъ невѣсты. При выѣздѣ изъ отцовскаго дома, во дворѣ поютъ слѣдующія пѣсни:

На неби здричка свѣтае,
Иванька коника сѣдлае,
У яго мамухна пытае:—
На што коника сѣданшъ,

Куда ты, сыночекъ паѣдзишъ?
Паѣду, мамухна, паѣду
У тую дорѣгу часную
Па тую Лукирку красную.

(Въ д. Водвинкѣ, Мглинскаго уѣзд., отъ 40-лѣтн. женщины).

А у нядзѣлю рано
Понѣ къ абѣдни звѣня,
Иваничка па двару ходзе,
Съ татухнамъ гавдри:
Татухна мой да ты родненкѣй,
Парадзъ и мнѣ ты парадачку

Ни малую, ни вялкуую.
Ци къ абядни мнѣ йщичъ,
Ци баяръ сабираць?
Зъ Богамъ, сынку, зъ Богамъ
Намалиў бы ся Богу,
Зъ баярамы у дарѣгу.

(отъ той же).

Саколку да на колику,
Иваничка да на канику,
Саколику, да ня выляци,
Дзяциначка, да ня выѣдзи,

Памажи-жъ яму, Божа,
У нуцѣй у дарѣзи,
У вяликамъ абози.

(Заучено въ 1859 году на свадьбахъ мною).

Въ дорогѣ продолжаютъ пѣть:

Жаркая соньникка (солнце),
Калясѣмъ надъ лясѣмъ,
Ня куй, дзяцинка,
Сталянѣга нажѣ,
Падкуй, Иванечка,

Варанѣго кони.
Сталянѣй нѣжычакъ
На сталѣ ляжыць.
Варанѣй кѣничакъ
У дарѣзи бяжыць.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со словъ 40-лѣт. женщ.).

Паѣдзишъ бѣрамъ баримы,
Боръ будзы шумѣць,
Падкѣуки звинѣць,
Зацуюць людзи,
Дзивица будуць.
Зачуя цѣшухна
Гатавацца будзе.
Пачуя Ганначка.

Прибирацца будзе.
Иванъ ѣдзе—
Поле стѣгне!
Ѣдзе хлопчычакъ
На свой даръ.
А яго жъ то даръ
Дарагѣй товаръ,
Куплѣный, зьлюблѣный.

(См. Шейнъ т. I, ч. II, с. 501, № 24, стр. 12.)

Подъѣзжая къ двору невѣсты, поютъ:

Ой ѣхали барамы,
Цѣмными лясѣми,
Шли ваду съ криничанкѣй,
Стой-пастѣй, мой канйчанкѣй,
Ни мая дружиначка,
Ни мая вярненкѣй,
Прѣѣхау Андрѣйка къ варѣтамъ.
Яго коничакъ падъ злѣтамъ.
Павѣное пяро на коню лягло

Па ягѣ галовачки,
На ряменнай збручачки,
Вышла цѣшухна витѣци—
Йонъ назадъ канѣмъ ступаци:
Стой, пастѣй, мой канйчанкѣй!
Стой, пастѣй, мой варѣненкѣй.
Ни мая дружиначка,
Ни мая вярненкѣй.

Затѣмъ повторяется пѣсня сначала съ измѣненіемъ «вышелъ свѣгарька витати», затѣмъ вышелъ брахнейка. Когда наконецъ дѣло доходить до невѣсты, то оканчивается такъ:

Вышла Адарка витати,	Во жъ мая дружнычка!
Йопъ уперидъ канемъ ступаци:	Вотъ мая вярнѣнка,
Стой, пастой, мой канйчанька!	Во мая радзыначка,
(Стой, пастой, мой вароненькій,	Во мая раднѣнка.

Въ день свадьбы утромъ невѣста снова съ подневѣстницей обходитъ все село и кланяется троекратно каждому, промовляя: «Праму миласци на выселья». Затѣмъ вскорѣ въ село вѣзжаютъ женихъ съ дружками, сванками и своими гостями, которые всѣ вмѣстѣ называются поѣзжанами. Чѣмъ богаче свадьба, тѣмъ больше поѣздъ. Когда уже всѣ собрались въ хатѣ, туда вводитъ торжественно «молодую» при слѣдующей пѣснѣ:

Ступила Дунычка на парогъ	Прячистая святая,
Сустрѣу яе Гасподзь—Богъ.	Доля яе шасливая,
Доля яе шасливая,	Добрая гадзыначка
Добрая гадзыначка,	Су сею радзыначкай
Богъ яе сустрйкае	

Передъ тѣмъ какъ отправиться къ вѣнцу, дружкѣ ставятъ всѣхъ въ хатѣ въ рядъ: молодую съ молодымъ, затѣмъ разныхъ братенниковъ (двоюродныя братья), золовокъ, свояченицъ и проч., приказываетъ всѣмъ взяться за руки, самъ протягиваетъ руку невѣстѣ, заводитъ ихъ въ этомъ порядкѣ за столъ и садитъ такъ, чтобы невѣста попала въ конецъ стола. Тутъ повторяется остатокъ древняго обычая купли невѣсты. Мизеный братъ продаетъ косу сестры повѣренному жениху—дружкѣ, который подноситъ брату чарку горѣлки на деревянной тарелочкѣ и нѣсколько копѣекъ денегъ. Братъ не беретъ, отказывается, говоритъ, что коса сестры «дараджѣй стоиць»; его уговариваютъ и послѣ торговъ набавляютъ еще нѣсколько копѣекъ, но вся сумма ограничивается по большей части штакомъ или гривенникомъ. Когда коса продана, невѣсту окружаютъ подружки. Подневѣстница расилетаетъ косу, прочія «жаѣласна паюць». Молодая, разставаясь съ своей «дзявицкай жысцю», тихо роняетъ слезу за слезой, опустивъ голову.

Ни братъ касу трѣпли,	Хоць ни сѣлята,
Ни братъ расплита,	Дыкъ на толѣта (въ этотъ годъ)
Чужа—чужаница,	Абъ такой парэ якъ йета.
Красная дзявица	Йета табѣ, Просичка за тоѣ,
Па валасу разбирая,	Што пляла косачки у тройе.
Па слезцы раняя,	Плесць было косы,
Русаю косачку братъ прадау,	У чатыре ряды,
Идзѣ-жъ ты уплѣтки падзѣвау?	Жыць было съ татухнай
На стаѣ пакалау,	Да чатыри гады.
Мѣншай сястрицы падавау,	Запляла ты косачки рядамы,
На жъ табѣ, сястрица.	Прыѣхау Иванъ да зъ дружкамы (bis)
Сястрины уплѣтки.	Расплѣу косачки съ шнуркамы.
Судзи, Вожа, табѣ то,	

Вѣзжая въ церковь дружки просятъ у «радзыцялѣвъ» невѣсты подарочную и вручаютъ имъ флишку съ горѣлкой и чарку. Обычай таковъ: всякій, кто встрѣтится съ веселымъ поѣздомъ, имѣетъ право требовать «падарджнай» т. е. по чарцы гарѣлки». Отказа въ этомъ случаѣ не полагается. По пути къ церкви ноютъ:

Ой поця, поця Гардзю,	Ой поця, поця,
Звинчай дзѣтачакъ у надзелѣ.	Вацька нашъ,

Звинчай дзѣтачакъ
У добрый часть.
А кали ня будзіншъ вянчаці,
Будуць твайи кудзяркы трышцаці,
Якъ лѣтый марозъ на дварѣ,

Такъ твайе кудзяркы на галавѣ.
А мы ѣдзимъ къ пану,
Вязёмъ грѣшій капу,
А кали зъ яго маля,
Штобъ яго разарвала.

Ўдучи назадъ изъ церкви поюць:

Съ падъ вянца Ганначку, съ падвянца
Зламанла зъ бярэзы верхауца ¹⁾,
Стой, мая бярэза, бизъ вирха,
Бизъ шырокаго лисцеяка,
Живи, мая мамухна, бизъ мянѣ,
Бизъ мае русыя косачки

Бизъ дзявоцкія крѣсочки.
Ой радъ радзінёкъ Хвѣдарька
Што—й—у божамъ дамку пабываў,
На бѣламъ рушничку пастаяу,
Зъ правыя ручачки перціннъ здѣў
Да на свайго Дунячку поглядзѣў.

(с. Росуха, заучено мною на свадьбахъ въ 1859 году).

Подъѣзжая ко двору поюць:

Запалі, матка, свѣчку,
Выйдзи на сустрѣчку,
Ци пазнаешъ, маці,

Ты свайго дзінцяю,
Да ужо-жъ твайо дзінця
Звѣнчана ѣдзя.

(с. Росуха, заучено на свадьбахъ въ 1859 году).

А мы были, у Бога
У Духа Святога
Да мы бачыли (bis)
Два вянцы на сталны,

Треціѣ на галовацы,
На русай косачки,
На шауковай сѣжачки.

(с. Яблонка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 60-лѣтн. женщины).

Црп появленіи на порогѣ молодой, ее встрѣчаютъ пѣніемъ:

Ой тучка, наша (тучка) Дуничка
Па небу ишла тучамы,
Изъ неба сыйшла дажджамы,

Па ряцѣ плыла вѣтачкай,
У сѣни выйшла пѣваю,
За стадымъ сѣла паннаю.

(с. Лупеки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 40-лѣтн. женщ.).

По пріѣздѣ изъ церкви жениха,—невѣсту и побѣжанъ садятъ за столъ. Затѣмъ мать вноситъ на «вечкѣ» ²⁾ подарки—рукодѣлія невѣсты: маленькіе платочки изъ льнянаго холста, кусочки для рукавовъ, рушники.

При этомъ поюць приличныя случаю пѣсни:

Што—й у вардичкахъ рѣчачка,
Кала тыя рѣчачки—сѣжачка,
Ой тамъ Дуничка хадзѣла,
Тонкія надарачки бялила,
Годзы ³⁾ табѣ, дзѣвачка,
Падаркау бялици,

Ужо твайе падарки бялѣньки,
А ужо твайе баяры близѣнька,
Ужо твайе баяры у нѣли,
А хоць у нѣли, ни у поли,
Да нехай будуць здаровы,
Ще—й мае подарки ни гатовы.

(с. Манюки, Новозыбковскаго уѣзда, отъ 16-лѣтн. женщ.).

¹⁾ верхушка. ²⁾ крышка отъ дежки. ³⁾ Полно.

При появленіи матери съ подарками начинаютъ пѣть:

Паузе, паузе да мурашачка	Бѣленько бялила,
Нясе, нясе да падарачки,	Уснмъ свайнмъ баярамъ дзяліла,
Падарки бяленьки	Жоднаму ¹⁾ дзевярю па рушничку,
Ать слэзажъ макренки,	Жоднай залоўци па нямѣццы ²⁾ ,
А казалі—Ганначка ни пряха,	Была скрыня ³⁾ поўна,
А казалі—Ганначка ни ткаха,	Цяперъ палавина,
Яна-жъ рана уставала,	Мацеръ атабрала,
Яна тѣненька пряла,	Баярь даравала.
Часценька ўсе ткала.	

(с. Лунеки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 40-лѣтн. женщ.).

Въ это время подносятъ гостямъ по старшинству, съ поклономъ, чарку горѣлки и подарокъ, о крестной матери непремѣнно чоботы или башмаки съ слѣдующими словами:
«Штобъ ни нагвѣуны были да заудзяшні ⁴⁾ прийяли.

Гулѣ, гулі пчолы	Да што—й у цябѣ бубня?
Къ вулюю принадаочи,	Зиму пряла, уцяю ткала,
Плакала Марьячка,	Лѣцячка бѣлила,
Къ кублу ⁵⁾ прилягаючи,	За адзінъ часъ раздзялила.
Ой кўбле, мой вўбле	

Кромѣ знанныхъ гостей, дивница виселья пдѣть все село, старый и малый, подъ окнами, во дворѣ, въ сѣняхъ, въ хатѣ, на полатахъ и даже на пѣчи забираются посторонніе зрители (которымъ впрочемъ не полагается никакого угощенія).

Дружкѣ и хозяева то и дѣло снуютъ по хатѣ съ угощеніемъ: въ правой рукѣ бутылка съ водкой, въ лѣвой прикрытая холстомъ деревянная тарелочка съ полной чарочкой, которую безпрестанно подносятъ къ гостямъ, «часуюць усихъ».

Поютъ, шумятъ, говорятъ,—кто во что горѣздъ; настоящая ярмарка. Молодець подъ музыку танцуетъ гдѣ-нибудь на вольномъ воздухѣ подъ повѣтью ⁶⁾, не смотря на зимнее время, а подчасъ и морозы.

Затѣмъ слѣдуетъ обѣдъ, сопровождающійся тоже большою выпивкою. Послѣ обѣда женихъ и преимущественно молодежь запрягаютъ своихъ коней и переѣзжаютъ на заранѣе приготовленную для нихъ квартиру въ одномъ изъ сосѣднихъ дворовъ.

Туда забираютъ музыку, привезенную женихомъ водку, сало, колбасы и пр. Это и называется: «свѣшки гуляюць».

Што—й цѣща зяця	Крыльцямы, нѣрцямы ¹⁾
На вячѣрю звала,	Па століку разнасиу,
Да сахарный кусокъ	Якъ пріѣхау зяць,
На блюда крала.	Нечымъ частаваць,
Приляцѣу сакдль	Маладую Лукирку
Разсыпау сахаръ	Да—й треба атдаць.

(д. Лунеки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 34-лѣтн. женщ. въ 1894 году).

Когда свѣшки нагуляются, передъ концомъ пира начинаютъ напоминать молодому, что пора ѣхать во дворъ къ тестю за невѣстою, которая уже соскучилась «по свайомъ дзяцпнкѣ».

¹⁾ Каждому. ²⁾ Головное бѣлое покрывало. ³⁾ Сундукъ. ⁴⁾ Съ благодарностью. ⁵⁾ Дежка съ ушками и крышкой для бѣлья. ⁶⁾ Четыре столба и сверху крыша.

На руки ¹⁾ мяци жоутый цвѣтъ,
 Чаго цябѣ Андрѣичка досюль нѣтъ,
 Цябѣ Ховрачка даўно ждзецъ,
 Изъ застолийка вонъ найдзецъ,
 Писала бѣ письмо—ни ўмѣю,
 Паслала-бѣ пасла—ня смѣю.
 Сама бѣ я пашла—баюся,
 Шѣ чыстаго поля варнуся,
 У чыстамъ поли старѣжа,
 Тая старѣжа спаймаа,
 На русай касѣ угадаа,
 Йета кдсачка расплячѣнаа,
 Йета дзѣвчачка обвѣчѣнаа.—

У панядзѣлакѣ рана
 Да сinya моря йграла
 Соувийка купалася,
 Адарачка умывалася,
 Бядила забыла,
 На камени палажила,
 Каму ѣхаць па бялила?
 Дружкѣвъ конь ня кованъ,
 Яго вазокъ ни мўлѣванъ,
 Каму ѣхаць па бялила?
 Данилкинъ конь да подкованъ
 Й вазокъ яго памўлѣванъ,
 Яму ѣхаць па бялила,
 Яму ѣхаць па бялилычка.

Между тѣмъ, въ домѣ невѣсты подѣ вечерѣ начинаютъ дарить молодую. Всѣ сидятъ чинно за столомъ.

Поднимается дружкѣ и выкрикиваетъ по очереди имена родичей и гостей: Йосцъ тутъ, йосцъ Домна Посулавна хресная мацѣ? Чимъ вы нашего маладѣга князя и маладую княгиню надаруице? Ци валомъ, ци канѣмъ, ци битымъ чирвонцамъ?

Люди болѣ близкіе дарятъ живностию на новое хозяйство, какъ напр. овечку, телушку—другимъ годкомъ, поросеночка-годовичка.

Прочіе, въ особенности дѣвки, дарятъ кусочки льнянаго холста, рушники, а большинство на ту же тарелку, на которой подносятъ горѣлку, кладетъ какую-нибудь мелкую монету и выпиваетъ подносимую чарочку.

А иной шутникъ закричитъ:

Дарю маладѣга князя и маладую княгиню подаркамъ: тымъ канѣмъ, што пи дагонишь усимъ сяломъ, и при этомъ выпускаетъ изъ рукъ воробья.

Тутъ же «дзѣўки дражнюць» маладѣго въ припѣвахъ:

У нашего маладѣга
 Да усѣ ни людное,
 Шубка сабача,
 Шапка цялячча,
 Чабицики парасяччы:

Шапка риуне,
 Шубка бряхне,
 Чабицики писнуць,
 Дружкѣ черци стиснуць.

(Заучено мною на свадьбахъ въ с. Росухѣ въ 1859 году).

Да куда ты, Дарьячка, глядзѣла,
 Да каго ты сабѣ выгладзѣла?
 Йонъ гарбать, грыбать, ни пригожь

Савинныя вочачки, чаилинъ носъ,
 Куды цябѣ, дзвизачка, чортъ панесъ.

(Заучено мною въ с. Росухѣ на свадьбахъ въ 1859 г.).

Дружкѣ сначала гуляетъ съ свашками, а затѣмъ приходитъ въ хату, гдѣ дарятъ молодую.

Дѣвки въ припѣвахъ «дражнюць дружка».

А казалі сваты багаты,
 Ажъ яны убоги,
 Йихъ кони бизнѣги,

Сами пашкомъ ишли,
 Жаныха у мяшку нясли (bis)

(д. Яблонка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 60-лѣтн. женщины, въ 1890 г.)

¹⁾ На рутѣ.

Дружкò каравай дзѣля,
За йимъ да жана хòдзя,
Семиро дзѣтакъ за сабою вòдзя,
Да ўси съ кашалымы,
Што—й у ротъ, што—й у кишеню,
Штобъ былò на вячёрю.
(с. Пилипча, Городнянскаго ўѣзда, со словъ 27-лѣтн. женщ., въ 1897 году).

Идзы, дружкò, у хату
Пага на парòзи,
Рука на палицы,
Шукая палыници.
Галòдзинь, дзядзя, галòдзинь
Зъ галòднаго краю!
Па цѣламу сухарю кусас,
Па цѣлай скѣбцы глытае.
(Отъ той же 60-л. женщ. въ д. Яблонкѣ).

Дзѣўки дружка били,
Хахолъ абарвали,
Хто идзе, тѣй пытая,
Чѣй хахолъ лятая?
(с. Росуха, Мглин. у., со сл. 30-лѣтн. женщ.).

«Дражниоць» также поднявѣстницу и поджанишника:

Падпывѣсница псица,
Сядзиць якъ лисица,
И гарэлачки ня пѣе,
И пѣсянь ня пѣе.
(Заучено мною въ 1854 г. на свадьбѣ въ Разсухѣ).

Поджанишничавъ маладѣй
Пагнаў кацягъ да вады,
Каторая ня йдзе,
За хвостъ падвядзье,
Каторая пабяжыць,
Ионъ тую прыдзяржыць.

Остальное время молодая проводитъ среди своихъ «таварышакъ». Ихъ всѣхъ сажають за отдѣльный столъ или отводятъ въ другую хату. Молодой и дружкò эти часы остаются «у сватакъ на хватери.

У молодой поются прощальныя пѣсни предъ разлукою съ подругами:

Кацилиси игрушки зъ варухи,
Пакидаюць Марьячку падружки —
Дружачка наша, Марьячка
Якъ намъ съ тобою расстрица ¹⁾,
Да якъ мѣсячку зъ зарёю,
Такъ намъ, Марьячка, съ тобою.
(Заучено мною въ с. Росухѣ въ 1858 году).

Щабитала чачочатка надъ кусцикамъ сидзючы—
Божа мой миласный, идзѣ жъ майò лѣта дзѣлася?
Идзѣ жъ майò цѣнлал?
Ни на кусцику расйцы,
Ни надъ кусцикамъ травыцы,
Божа мой миласный,
Идзѣ жъ майò лѣта дзѣлася?
Идзѣ жъ майò цѣнлая?
Плакала Гарпиначка,
За столикамъ сидзючы,
Божа мой миласный,
Идзѣ-жъ мая краса дзѣлася,
Идзѣ-жъ мая дзявоцкая,
Ни на галавѣ вяночка,
Ни на ручацы пирецянёчка,
Идзѣ-жъ мая краса дзѣлася,
Идзѣ-жъ мая дзявоцкая?

(с. Лунеки, Стародубскаго ўѣзда, отъ 38-лѣтн. жем., въ 1896 году).

¹⁾ Разстаться.

Вячерай, Дарьячка, вячерай
У свайго роднаго бацюшки.
У лютаго свекра сядзучь вечераць,
А цябѣ маладѣ
Пашлюць на ваду,
Тамъ вѣды глыбокія, горы высокія.
Вадзіцы прывясець

Кожнаму наднясець,
И старѣму и малѣму,
И Иванцы маладѣму,
Збярешь ложкачки,
Сатрэшгь крошачки,
Вѣзьмуць цябѣ слѣзачки.

(с. Човпя, Стародубскаго у., отъ 50-лѣтн. женщины).

Уси вѣтачки зѣ вѣзара плывуць,
Ой рана, рана плывуць.
Адна вѣтачка заставалася,
Ой рана, рана заставалася.
На каго яна спадзівалася?
Ой рана, рана спадзівалася
На таго сылязеньку, на касѣтаго,
Ой рана, рана, на касѣтаго,—
Сылязеничка, ни пакинь мянѣ.
Уси дзѣвачки зѣ застольяйка идуць,

Ой рана, рана зѣ застольяйка идуць,
Адна дзѣвачка засталася,
Ой рана, рана, засталася.
На каго яна спадзівалася?
Ой рана рана спадзівалася
На таго дзяцінку, на маладѣга—
Ой рана, рана на маладѣга,—
Ты, дзяціначка, ни пакинь мянѣ,
Ой рана, рана ни пакинь мянѣ.

(д. Лупеки, Стародуб. у., отъ 38-лѣт. жен., въ 1895 г.).

Палягла яра пшавица на пяску,
Павиуса хмѣль по ляску.
Признайся, дзѣвачка, хто табѣ миль будзи,
Хто у цябѣ мялюсеный?
Миль жа мнѣ, дзѣвички,
Мой родный бацюшка.
Ни праўда, дзѣвачка,
Ни праўда, душачка,
Ни праўдачку кажишь
На вѣрная слѣуцо.
Миль жа мнѣ, дзѣвачки,

Да мой родный брахнейка,
Ни праўда, дзѣвачка,
Ни праўда душачка
Ни праўду кажишь.
Миль жа мнѣ, дзѣвачки,
Маладый Андрѣячка.
— Праўду, дзѣвачка,
Праўду, душачка,
Праўдачку кажишь,
Вѣрная слѣва.

(с. Новоселки, Стародубскаго у., со сл. 20-лѣт. дѣвки, въ 1897 г.).

Якѣ табѣ, мѣсячку,
И зѣ зарѣй разайцица?
— А я найду па забѣлаччу,
Сѣ туманамъ абнимуса,
Дѣжджыкамъ абальюся,
И за гарю разыйдуса.

Якѣ табѣ, дзѣвачка,
Якѣ табѣ, красная,
Сѣ падружкамы разайцица?
А я пайду па застольяйку
Слѣзкамъ абальюся,
Зѣ дзѣвачкамы разыйдуса.

(с. Новоселки, отъ той же).

Но вотъ солнце уже закатилось, огни давно зажжены. Послѣдніе часы подѣ батьковымъ кровомъ плуць для молодой быстро. Прощальный вечеръ сѣ подружкамы близится къ концу.

Слышится издали топотъ коней, скрипъ саней или колесъ: ѣдутъ поѣзжане забирать молодую. Развеселая, подпившая свашки поють пѣсни:

Атдайца намъ дзѣбуку,
Атдайца й пасельку,

Навалѣчки у кружки,
Дзярѣги ¹⁾ у ряды.

¹⁾ покрывало, замѣняющее одѣяло.

А мы Марьяццы рады,
Атдайца намъ рѣдно,
Яна у мамачки адна,
Штобъ ноги ни тарчали

Сабаки ни гирчали,
Людзи ни варчали,
Трысца маццы у пятки,
Што-й некому падмесць хатки.

(д. Яблонка, Мглин. уѣзда, отъ 65-лѣт. женщ., въ 1890 году).

Ня дзивицьесь, прыданки,
Што каротки падарки,

Ляны ни урадзили,
Падарки укарацѣли.

(Заучено мною въ 1859 г. на свадьбахъ въ с. Росухѣ).

Заслышавши скринь воротъ и пѣсни, дѣвки за столомъ въ свою очередь поютъ:

Прыѣхала Лигва,
Будзя у насъ битва,

Будзимъ ваевацц,
Ховрачку ни атавацц.

(д. Луцки, Стародуб. у., со сл. 35-лѣт. женщ., въ 1891 г.).

Если Лигва, въ лицѣ свашекъ мѣрнаго характера, то она вѣжливынко приглашаетъ дѣвокъ удалиться:

Дзѣвачки панянки,
Уважѣцця намъ лаўки.

Дѣвки отиѣчаютъ:

А вы, свашки гаспадѣ,
Пожалуйцця вы сюдѣ.

Если жъ свашки съ задоромъ, то поютъ:

Дзѣвочки зъ застолья,
Якъ сѹчки съ падполья.

На это дѣвки, не вставая изъ-за стола, отвѣчаютъ:

Торна сѣежка, торна
Атѣ стала да прыячку

Свашки утапали
Памыи хлибали ¹⁾).

(д. Луцки, Старод. у., отъ той же).

Между тѣмъ, по обѣ стороны молодбѣ сидятъ ея родичи, и потому дружка покупаетъ мѣсто возлѣ нея для молодого. Съ него запрашиваютъ 100 рублей и вскорѣ переходятъ на копѣйки съ придачей чар-чки на традиціонной тарелочкѣ. Тогда дѣвки встаютъ изъ-за стола, и дружкѣ въ нагрудъ за уступку молодой, раздастъ имъ каждой по ленточкѣ, между тѣмъ, какъ они поютъ:

Ци я у цябѣ, мамачка, ня дзницятка,
Што ты мянѣ у йегу ночь
Атсылаишъ прочь,
Свѣчачки у руки ни даиешъ

И правадничка у слѣдѣ ня плешъ.
Вотѣ табѣ свѣчачка—мѣсячка,
Вотѣ табѣ правадникъ Хведарка.

(Отъ той же д. Луцки).

¹⁾ Хлебали.

Пастойця, кони,
У чистамъ пѣли,
Пастойця!
Забыла мацн
Пярыну дацн

Пастойця!
Ня такъ забыла,
Якъ ни зрабила,
Пастойця!

(Заучено мною на свадьбахъ въ 1859 году въ с. Росухѣ).

У пѣли, у пѣли лашника,
Нема у Лукирки пасцилки,
У поли, у ноли калюжки,

Нема у дзѣвачки дзярюжки,
Йосць идзѣ навярнуца,
Да нечымъ навярнуца.

(д. Яблонка, Мглинскаго уѣзда, со сл. 60-лѣтн. стар. въ 1891 году).

Ня ляжаць было на печки,
Ня дрыгаць было нагамы,
А шавалиць мычку руками ¹⁾,

Я была адну надзѣла,
Рыбиты прышли хвалили
Да тую мычку спалили.

(Отъ той же, въ д. Яблонкѣ въ 1891 году).

А мы ѣдимъ бѣрамъ,
Жоўтыми лискамы,
Цемнымы лискамы,
Мѣсяць дарожку асвиццѣ,
Брацець сястрицу правадзицѣ—

Бдзѣ, мая сястрица, здорова,
Вяліка твая дарѣга,
Твая дарожка шырока
Атъ бацьки—матки далеко.

(Отъ той же, въ 1896 году).

Подзѣзжнн ко двору свекра ноутъ:

Атчыни, мамачка, бацькоу дворъ,
Пріѣхау къ табѣ сынъ на дворъ,
Да ни сѣ сянною капою,

Да зѣ маладою жаною,
Сѣ твайой вѣрнай слугою.

(Заучено мною на свадьб. въ с. Росухѣ въ 1861 г.).

Выйдзи, мамухна, палядзи ²⁾
Да што мы табѣ привязли.
Привязли мы табѣ
Скрыню—пирину

Й маладою княгиню.
Вотъ табѣ, мамачка, служачка,
А мнѣ маладцу—дружачка.

(Заучено мною тамъ же въ 1861 году).

Свекоръ и свекруха сѣ хлѣбомъ выхадить встрѣчать новобрачныхъ къ самому возу. Тѣ сѣ своей стороны также подають имъ хлѣбъ и, слѣзши сѣ тѣлги—«кўлемъ» въ ноги сѣ поклономъ—сынъ матери, невѣстка свекру.

Затѣмъ имъ подносятъ по рюмкѣ водки, которую пригубивши каждый выпивають черезъ свое плечо и голову назадъ. Дѣлается это для того, чтобы все худое осталось позади.

Мать жениха ведетъ ихъ прямо въ клѣтъ (холодный амбаръ), не смотря ни на какіе морозы. Вотъ почему перины и разныя дерюги считаются самымъ важнымъ и необходимымъ приданымъ.

Боляре же входятъ въ хату, и начинается «гульня», музыка, пѣсни, танцы. У каждаго изъ взрослыхъ членовъ семьи въ рукахъ пляшка сѣ горѣлкой, и гостей не перестаютъ обносить круговой чаркой и поють пѣсни.

¹⁾ Прясть ленъ. ²⁾ погляди.

Выхвалялися калина
Свайимъ лугамъ шырокимъ:
Нихто мяне ня выламая
У кусцику зялёнама.
Абабраўся марозъ—
Ня выхваляйся калина,
Я цябѣ выламаю,
Изъ луга шырокаго,
Изъ кусцика зялёнаго.

Выхвалялася Марынка—
Нихто мяне не высватаю
У бацюшки у багатаго.
Абабраўся Иванпчка—
Ни хваліся Марынка,
Я цябѣ высватаю
У бацюшки, у багатаго,
Изъ рода вяликаго.

Если молодая до замужества не потеряла своей невинности, то свашки торжественно садятъ ее на хлѣбную дежку, заплетаютъ косы, надѣваютъ новоникъ, повязываютъ голову платкомъ и вводятъ въ хату съ припѣвомъ.

А спасиба, сваццяйка, за дачкѹ,
Што вадзіу дачку у хвартучкѹ

За шаўковымы шнуркамы,
За залатымы замкамы.

Этотъ безцеремонный варварскій обычай существуетъ и понынѣ. Кромѣ того свашки неминуемо срамятъ молодую, не сохранившую своего дѣвства, разными припѣвами; напримѣръ:

Падъ ёлкай спала,
Ня дзѣукай устала,
Зъ гары скацпяся,
На сукъ прабилася.
Ня жджы, свекарка, калины
Гатуй кабаза на ксцины ¹⁾.
Ня цвила казина абъ Пятрѣ,
Зацвила калина абъ Раждвѣ ²⁾.
Падъ той калиняй
Варачка сядзѣла,
Ножкамы калинку задзѣла,

Ручкамы ягадки щипала;
У галоўки клала бѣлыя цвѣты,
А у ножки клала чырвоныя.
А на лѣе калинка калнула,
На Варачку ўся радзинка глынула,
А учора была, якъ рожа цвила,
А сянны ⁴⁾ стала якъ рыба зъвяла,
Якаво табѣ, Варачка, цяперя,
Што чужал радзина абѣла,
Зъ лѣваго боку байры,
Съ праваго боку Андрѣйка.

(См. Шейнъ т. I, ч. II, ст. 29, № 33, съ 10 строчки).

Припѣвовъ на эту тему масса, но всѣ они настолько не цензурны, что трезвый не рѣшается даже ихъ повторить и отъывается о нихъ такъ:

А свашки вярзуць што пачало.

Затѣмъ къ полуночи или предъ разсвѣтомъ (смотря по разстоянію пути) приѣзжаютъ «придани» т. е. присланные гости изъ дома невесты.

Они привозятъ съ собою «скрыню», т. е. сундукъ съ приданымъ.

Въ дорогѣ придани поютъ:

Свѣця мѣсяць надъ зарёю
Раннимъ рано, ранюсинька,
Брацець ѣдзя за сястрою
Раннимъ рана, ранюсинька,
Пастой, систра,
Ключи зъвязла

Раннимъ рано, ранюсинька.
А я у цябѣ, брахнійка ³⁾
Ня ключница,
Йосць у цябѣ
Жана у дварѣ
Вярићей мянѣ.

Передъ воротами поютъ:

Мы свата ни знали,
Намъ людзи сказали,

У воротахъ ялина ⁴⁾,
Сяредъ двара чырвона калина,

¹⁾ крестбины, крестины. ²⁾ Рождество. ³⁾ братецъ. ⁴⁾ ёлка.

Падъ той, падъ каліначкай,
Маладая княгиня,
Пусці свацьцяйка у хатѹ

Хоць за печкаю пасядзѣць
Да на нашу Варечку
Паглядзѣць.

Выйдзи, Дарыячка, къ намъ у дворъ
Сабрауса сюды увесь твой родъ,
Вынаси калиначку,
Висяли радзичачку.
Вынаси чырванѣйшую
Висяли раднѣйшую.
Чыя жѣ йета да баарыня,

Па двару хадзила?
Андрѣйкава Дарыячка
Па двару хадзила,
Сукнамы чырвонымы
Увесь дворъ урядзила.
Выйдзи, выйдзи, Дарыячка
Княгиня!..

Тогда уже роль свашекъ оканчивается, всѣ гости молодого расходятся по домамъ и начинаютъ «гуляць придани». Гульня и выпивка продолжаются всю ночь до разсвѣта.

Если плохое угощеніе, то придани поють:

У нашаго свата
Вярбовая хата,

Усе зъ вярбы, зъ бярэзы,
Прыдани цвярэзы.

Если много водки и мало закуски, поють:

Сватъ добрый—свацця скупая,
Гарэлки багата, закуски нимаешъ ¹⁾
или:

Усяго багата,
Куряцины, гусяцины
Жареныя парасяцины.

У нашаго свата

(с. Гарцево, Стародубскаго уѣзда, со сл. 23-лѣтн. женщ.).

На ряцѣ вѹтка крѣча
Марынкина маці плача,
Кахала, лильиіла
Да некаго пабуджаци (будить)
Некаго насылаці.

На ряцѣ вѹтка сакоча,
Андрѣйкина маці хахѹча,
Ни кахала, ни кукѹбила
Йосць кагѹ насылаці,
Йосць кагѹ пабуджаци.

(д. Лупеки, Стародуб. у.. отъ 35-лѣтн. женщ. въ 1899 г.).

Марыячка у бацѹшки
Нѣжная была,
Ня ѣла хлѣба, а усѣ пѣраги
Ня пила вадѣ, а усѣ мялы.

У лютаго свекра
Зъ лёдамъ вадѣ напѣсна,
Пушинога хлѣба наѣсца,
Да на вѣничку высницца.

(д. Яблонка, Мглинскаго уѣзда, отъ 58-лѣтн. женщ., въ 1897 г.).

Передъ выѣздомъ домой придани поють:

Прыданиачки да дамѹ вѣдудъ,
Тацяночку тутъ пакідаюць,
Грышачны да приказуюць:
Ня би яіе да дубцомъ,

Пакараіѣ дѹбрымъ слаўцомъ
Да ня би яіе дубинаю,
Штобъ была гаспадыняю.

(Отъ той же въ д. Яблонкѣ въ 1899 г.).

На другой день молодая развѣшиваетъ свои рушники на иконы, подноситъ свекрови, кланяясь въ ноги, подарокъ и мететь хату, какъ бы въ знакъ того, что она уже съ этого дня становится соучастницей и помощницей въ хозяйствѣ.

«Веселья» продолжается и на другой день. Какъ же иначе! Пивши сутки «треба пахмѣлицца, а то на живацѣ ня здѹрава».

Поэтому, чтобы была записка для выпивки, придумали еще несколько обрядовъ; такъ гоняють молодыхъ къ водѣ, дѣлать коровай. Они сами сознають, что всѣ эти «бабскія прихати» ¹⁾ выдуманы для приклики ²⁾, чтобъ гарэлку пиць». Но тѣмъ не менѣе утромъ съываютъ опять всѣхъ бояръ, т.-е. свободныхъ званныхъ гостей.

Вотъ къ колодцу двинется цѣлая процессія съ пѣніемъ: впереди молодья съ ведрами на плечахъ, за ними дружка съ высокимъ шестомъ, обмотаннымъ краснымъ поясомъ (вмѣсто флага) поютъ:

Што—й у винамъ ³⁾ у калодязю	Ци ни вязе мнѣ падавачка
Лукирачка да вадѹ брала,	Салодкаго да наприничка?
У свой край заглядала:	Ни рада жъ я да падавачку,
Ци ня идзе да мой татухна.	А рада жъ я свайму татачку.

(Заучено мною въ 1861 г., на свадьбахъ въ с. Росухѣ).

Въ колодцѣ дружка набираетъ ведра воды, молодые наклоняются передъ нимъ, а онъ выливаетъ воду черезъ ихъ головы.

Кромѣ того: къ количеству выпитой на свадьбѣ водки прибавляется еще угощеніе на банкетахъ: на слѣдующій день идутъ съ «верчамъ къ хрѣстнаму бацьцы и мацьцы», на 3-й день заываетъ къ себѣ дружка и затѣмъ по очереди всѣ свашки. Здѣсь уже свести итоги выпитому трудно. Наконецъ уже и сами начинаютъ сознавать, что пора кончить. Это видно изъ припѣва:

А да дому сваццѣ да дому,	Саломки жменька—капѣйка.
Да паѣли кони салому,	Лусяный снанокъ—питачокъ.

(Заучено въ 1861 г. мною на свадьбахъ въ с. Росухѣ).

Послѣдніе годы эти обряды и банкеты начинаютъ сокращаться, и крестьянинъ съ сожалѣніемъ говоритъ: мнѣнѣца ужо прѣжнее, цянеръ у нѣнѣхъ и да вады ни ганяюць маладыхъ и уся гульня «абыдзень» ⁴⁾ канчанѣца, а усе йтгаго што вышлі йета винаполья и гарэлка уздаражала».

К с ц и н ы.

(Крестины).

Въ намѣ еще недавнее время, когда въ деревенской глуши о медицинскомъ пособіи и помину не было, среди крестьянъ большимъ почетомъ пользовалась «бабуля», т.-е. повивальная бабка.

Это не та баба шенотуха отъ Св. Духа, которая «съ тыхъ поръ варажыць стала, якъ хлѣба ни стала», нѣтъ это человекъ всѣми уважаемый, единственный, на все село, живущій «съ дастаткамъ у свайомъ дабрѣ», своимъ хозяйствомъ и готовый помогать болящимъ безкорыстно, чѣмъ можетъ.

Разбудите ее ночью, въ проливной дождь, вьюгу, мятель—отказать въ этомъ случаѣ она считаетъ для себя тяжкимъ грѣхомъ.

Платы ей за это «ни йкай ня треба» потому что браць грошы за пѣмачъ чаловѣкку—грѣхъ». Просятъ ее и не для однихъ спеціально родовъ, но «завѣ усякій, каму приключицца ядѣ лиха».

Нельзя утверждать, чтобы подобныя бабки были безусловно чужды суевѣрію и нѣкоторыхъ предрасудковъ, но тѣмъ не менѣе онѣ служили да и теперь еще служить беспомощному крестьянину большимъ утѣшеніемъ и приносятъ въ иныхъ случаяхъ пользу уже потому, что это нѣкотораго рода массажистки, исполняющія свою

¹⁾ предрасудки. ²⁾ предлоги. ³⁾ виновный—возлѣ винокурни. ⁴⁾ въ одинъ день. Срв. «о бы день а»—церковь, построенная въ одинъ день.

обязанность съ глубокою вѣрою въ успѣхъ. Начинаеть она свое врачеваніе большею частью «наша 1) сердца», положивши прежде всего три земныхъ поклона. «Богъ съ подмаччу и бабка зъ руки» говорятъ онѣ сами про себя, растирая въ банѣ горячимъ вѣшникомъ большую синину, напр., снизу вверхъ, приговаривая: «во якъ штобъ худая кроу расходилася и надымалася зъ долу у гору».

Правда, она въ это время хотя и шепчетъ что-то про себя, но это ничего больше, какъ молитвы: Помощь моя отъ Господа, сотворшаго небо и землю, Отче нашъ, Царю небесный и т. н.

Посмотрите на ея добродушное лицо, когда она, послѣ сеанса, съ веселой улыбкой, какъ гипнотизируя, заключаетъ, «ну скажи здорово, зъ гуся вода, съ Таньки худабѣ, да ни кряктацъ 2) у минѣ болшъ, а то часамъ и поддамъ, я баба сардитая». Какъ ни возмутителенъ обычный способъ вылизыванья языкомъ соринки изъ глаза» но обстановка и нужда въ неотложной помощи нѣсколько смягчаютъ вину невѣжественнаго оператора.

Заведутся ли жаркой порой у скотины черни,—есть у бабки въ лѣсу травка, изъ которой она выжимаетъ сокъ, мажетъ больное мѣсто. и скотина выздоравливаетъ.

Относительно вспомошествованія при неправильныхъ родахъ можно судить по разсказамъ самой повитухи. «Охъ! настраждалася Кулина Аргюшиха за первымъ хлопчикомъ, йонѣ у яйе ручкай ишоу, ну кажинный разъ ужо и направляешъ ручачку, къ адной старонцы, пакуль дзица на мѣсци стапя. Крѣпка трудилася бѣднннбая, а усѣ-жь слава Богу къ вечеру Господь ослабнну, Царица нябесная...

Отношеніе между бабкою и ея пациентами самыя пріязненныя, дружескія на всю жизнь. «Перябабиушы сабѣ унука або унучку»—бабка не покидаетъ родильницу и время отъ времени приноситъ ей на «поправку» какія нибудь вкусныя кушанья.

Въ день крестинъ приноситъ 3—4 лепешки хлѣба, булку и горшокъ каши.

Когда кумовья привезли уже отъ креста ребенка, и званые гости собрались въ хату, «парадиха» подноситъ бабкѣ подарокъ и, кланяясь въ ноги, говоритъ:

«Прасцица минѣ, бабусичка, ня гнѣвайцяся на минѣ, спасиба вамъ за вашу працу, што ни пагребавали 3) мною. «Бабка въ это время набираеть въ ротъ водки и брызгаетъ на нее. «штобъ суроцы ня брали» (т. е. отъ дурного глаза и языка).

Изъ пѣсенъ, которыя поютъ на ксцинахъ, видно, что бабка пользуется болшимъ почетомъ и вниманіемъ, чѣмъ кумовья.

То—й ня стукъ стучиць,
То—й—ня грюкъ грючыць
По сѣнячкамъ, да на новинькимъ,
То Кирилка идзеца да бабусячки.
А бабусичка дагадалася
Паскарѣсиньку убиралася
У адномъ чѣбаци,
Да—й бизъ пояса,
У рукахъ нясець да нялѣначки.
Идучи, яна Богу молицца:
Аирастай, Божа, да двухъ душачакъ
Первую—вараждзѣную,

А другую—хряцѣную,
А Кирилячка да бабусю прося—
Дамъ табѣ мая Иванауна.
Чвертояку проса,
Дзяржы маго хрисциначку
За бѣлыя ручачкп.
Ни задавай йой, бабусичка,
Виликія мучачки,
Дамъ табѣ я чвертачку грэчки,
Падзяржы Хрисциначку
Падъ бѣлыя плечки.

(д. Водвинка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 65-лѣтн. женщины, въ 1897 году).

Слѣдующую пѣсню можно считать за милую шутку, что для такой дорогой гостки принасенъ одинъ воробей на угощеніе.

Якъ пайдѣ я на гумѣнца 4)
Улаулю я вирыбейку;
Я згатую 5) яго

Дли бабусички свайой.
Раскладу я вирыбейку,
На двѣнадцать страу 6).

1) но тощакъ. 2) кряхтели. 3) пренебрегли. 4) гумно или сарай, гдѣ складываютъ не молотую рожь. 5) приготавливаю. 6) строва—кушанье, блюдо.

Бжь, мая бабуся, ни заласуйси
И у дворъ ни заласуйся

(Въ 1897 г. отъ той же).

Литѡу вирябей,
Да па макѡукамъ,
Увесь макъ пазыбау ¹⁾
Увесь чырвѡный пазыбау,
Пасадзиу Гринячка
Бабусичку на куцѣ,

(Въ 1897 г. отъ той же).

И у рукау ни кладзи
И дзицямъ ни няси.

Увесь парядачакъ дау,
Пи, мая Иванауна,
Вино зилиндя
Сягдѣта у мянѣ,
А на лѣта у цябѣ.

Запряжыця, запряжыця
Да двананцацъ валду,
Атвязиця, атвязиця
Да бабусичку дамду.
Пѣшки прышла, да ня пѣшки найду.
Валы найдудъ—унинаюцца,
Нехай же наша бабуся нагуляйицца.
Запряжыця, запряжыця
Каня варанѡга
Атвязиця, атвязиця

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, отъ 60 лѣтн. женщины, въ 1899 году).
(См. Шейнъ бѣл. пѣс. т. I, ч. I, стр. 27, № 18).

Кѡма маладѡга.
Конь ня-йдзе, конь прже,—унинайицца,
Нехай нашъ кумочекъ нагуляйицца.
Запряжыця, запряжыця
Кабылу гнядую,
Атвязиця, атвязиця
Куму маладую,
Кабыла ня-йдзець, усе брикайицца
Нехай наша кумачка нагуляйицца.

Бхау кумъ сы кумѡю
Сы куминого двара,
Залатая карета

(Въ 1859 г. заучено со словъ 18-лѣтн. дѣвочки)!

Сиребрѡная дуга.
А ты кумъ ни ляжѣ,
Падвяжы кумѣ гужы ¹⁾.

Ни насмѣю у бабусячки папытаци,
Ци тутъ будзя начаваци,
Ци да дѡму пабѣдзя?
Кали будзишь начаваци,

(д. Водвинка, Мглинскаго уѣзда, отъ 65-лѣтн. женщ., въ 1897 г.).

Вядю пасцылячку слаци,
Вядѡ бѣленькаю,
Вядѡ таненькаю.

Ой дымна, дымна у сѡдзи,
Ой дымна, дымна у зялѣнамъ,
У нашаго Иванички
Да трѡя варѡтъ на дворѣ:
У первыя варѡцячки
Да сакѡль вылятау.
Ой дымна, дымна у сѡдзи,
Ой дымна, дымна у зялѣнамъ.
У другія варѡцячки
Иваничка выбѣжджау.
Ой дымна, дымна...
А у трецця варѡцячки
Да чалѣдачка бяжыць.
Ой дымна, дымна..
Вярнись, вярнись, дзициначка,
Ты назадъ.

(д. Бородинка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 78-лѣтн. стар., въ 1897 году).

Ой дымна, дымна...
Твайя жана табѣ сына радзила.
Ой дымна, дымна...
— Я дли сына у дворъ ни вярнуся
Сынъ у мянѣ—хазяинъ у дварѣ.
Ой дымна, дымна...
Вярнись, вярнись,
Дзициначка, ты назадъ
Ой дымна, дымна...
Твайя жана табѣ дачкѣ радзила.
Ой дымна, дымна...
Я дли дачкѣ у дворъ вярнуся
Дачка у мянѣ—госцейка у дварѣ.
Ой дымна, дымна у сѡдзи,
Ой дымна, дымна у зялѣнамъ.

¹⁾ sic, н ц в м. д с.

Што—й у нашего Мишачки
Да рублёная 1) клѣць
Пазавѣшана каурамы
Да да самыя зямли,
Што—й у той-жа да клѣцячки
Цясовая караватачка
Пазавѣшана каурамы
Да да самыя зямли.
Што—й на той жа караватацы
Пушавая да пасцьелечка
Пазавѣшана каурамы,
Да да самыя зямли.
Што—й на той жа пасцьеляцы

Тамъ ляжиць парадзильница
Пазавѣшана каурамы
Да да самыя зямли.
Што—й для 2) тыя парадзильницы
Да сядзѣла да бабусинька
Пазавѣшана каурамы
Да да самыя зямли.
Ни пуская йена Мишачку
Да свайой Пятрдубы.
Якъ выйдзя йой три нядзѣли,
Сама сядзя надъ кудзелю 3),
А кали йой шесць нядзѣль выдзя,
Тады йяна и сама прыдзя.

(Отъ той же, въ 1897 году).

Што—й у нашего Иванчки
Винаградъ зяленый на дварѣ,
У нашего у Микалаёвича
Да вино на сталѣ,
Зяляндя на сталѣ,
Сабрау йонъ пиръ бласѣду
Да ня людзямъ, сабѣ,

Пасадзю бабусичку на куцѣ,
Старенькую на куцѣ—
Гуляй, гуляй, бабусинька,
Ты сегодня у менѣ,—
Будзимъ пиць,
Будзимъ гуляць у мянѣ,
А на лѣта бабусичка у цябѣ.

На масляны.

Въ концѣ Рождественскаго мясоѣда на всеядной недѣлѣ, кто не вышелъ замужь, того «дражниоцъ» пѣней:

Кала тыну хмѣль навивайница,
Иванъ свайой дачкѣй набивайница—
Вазьми, Ярохъ, майю дачкѣ Марыначку,
Дамъ табѣ вѣна
Дзвѣ капы сѣна,

Лѣльку—й—чубѣкъ
И пѣцера сабакъ,
Рѣшата бѣбу зъ дачкѣю
И Богъ съ табою.

(с. Росуха, Мглинскаго у. со словъ 30 лѣтн. дѣвицы, записано въ 1896 г.).
См. Шейнъ бѣл. пѣс. т. I, ч. I, стр. 549, № 688.

Врязнули ложки у века 4)
Пашли наши дзѣуки у лѣта,
Маслинка, бѣла вутка 5),
Казала вясна: «буду да ня хѣтка,

Маслинка, пализѣха,
Працягнися 6), маслинка,
Хаць да Духа.

(Отъ той же въ 1896 г.).

На маслянку поднившія бабы ходять привязывать колодки тѣмъ, кто не успѣлъ, въ этотъ мясоѣдъ выйти замужь или жениться. Виновный долженъ откупаться или горѣлкой или деньгами.

1) Во многихъ пѣсняхъ упоминается рубленая хата, рубленая клѣть. Можетъ быть пѣсни эти относятся къ тѣмъ временамъ, когда большею частью жили въ шалахахъ и плотничное искусство только начиналось. 2) Возлѣ. 3) Сядеть пряхъ. 4) Крышка отъ дожди. 5) Утка. 6) Продлился, протянися.

Здѣсь масляницу проводятъ болѣе скромно, чѣмъ въ сѣверной Россіи: зимой крестьянскія клячи по случаю плохихъ кормовъ бывають подъ часъ такъ занужены, что катанье никому и на умъ не идетъ.

Одни только зятя съ жонками обязательно на этой педѣлѣ ѣдутъ въ гости «икъ сцю» (т. е. тестю).

На видѣ отношенія между маткой и дочкой кажутся равнодушными, но на дѣлѣ онѣ питають другъ къ другу самыя нѣжныя чувства. Особенно если дочь выдана замужъ, тогда ея привязанность къ родителямъ удваивается: она положительно мечтаетъ о свиданіи съ родителями и ждетъ не дождется «маслянки».

Вотъ потянулись «съ нанядзѣлка» по просёлкамъ саночки одноконныя съ привязанной сзади спинкой, въ видѣ рѣшоточки. Это ѣдутъ съ своими мужьями «наши дачушачки у своей родной дворъ, до свайгѣ рѣднаго татухны.

Дауно я, дауно у татухны была	А я-жъ тыя дарожачки пратанчѣ,
И сцѣжачки и дарожачки	Чырвону калину паламаю,
Мўрамъ зарасли	Я й у свайгѣ татўсячки пабываю.
Калиною чырвѣною,	

(д. Жигалки, Стародуб. уѣзд., отъ 17 лѣтн. дѣвушки въ 1898 г.).

Дачка матку прасила—
 Матачка майя, я нѣга твайя
 Ни—ддавай ты мянѣ
 Далѣка ать сябѣ,
 Адай мянѣ у свайомѣ сялѣ,
 Близка длі сябѣ.
 Тирязъ тры двары шырокія,
 Тирязъ тры сады зиланія.
 Будуць мянѣ биць—ты пачўйишь,
 Ты, майя мамачка,
 Мянѣ парятўйишь,
 Адала ты мянѣ
 Далѣка ать сябѣ
 Тирязъ тры лясы—усѣ цѣмныя,

Тирязъ тры гары—усѣ крутыя,
 Тирязъ тры ряки—усѣ глыбокія.
 Будуць мянѣ биць—ни пачўйишь
 И ты, майя мамачка, ни парятўйишь,
 А я къ табѣ, мамачка, ни прыду,
 Тирязъ лѣсь буду йцыць, заблужуся,
 Па ряцѣ буду ильсець—затаплюся,
 На гару буду йцыць—ни узыду,
 Я къ табѣ, майя матусичка, ни прыду.
 Дзицїтка майо! тирязъ лѣсь будзишь ицыць,
 Праваднїчка вазми,
 Ты, майя дачушачка, ка мнѣ прыдзи,
 На гарѣ будзишь ицыць—
 Цопочыкъ вазми,
 Ты, майя дачушачка, ка мнѣ прыдзи.

(Отъ той же, въ 1898 г.).

Хотя маслянка и названа «пализухой, но на самомъ дѣлѣ въ эти дни у крестьянъ большое сухоѣденіе: бабы жалуются, что нечѣмъ «стравы заправляць», саломъ—грѣхъ, молока и масла не имѣется, потому что захудалыя коровѣнки еще не отелились. Одно только и берегутъ они къ маслянкѣ— это собранный лѣтомъ сухой соленый творогъ, который, разбалтывая,—кладутъ въ борщъ, въ жидкую кашу, въ бульбу и во всѣ прочія кушанья. У кого нѣтъ этого творога, тѣ заправляютъ алѣмемъ, т. е. коноплянымъ масломъ. Но у большинства нѣтъ уже къ масляной ни того, ни другого, а потому варятъ «нищимнцу», которая на взглядъ нашего крестьянина вовсе не недостатокъ. Онъ ѣсть ее приговаривая, «и за то спасибо Богу, абы хлѣбъ быу, а якъ хлѣбушка нема, во идзѣ горя».

Изы боизни остаться къ веснѣ безъ хлѣба, они съ осени продають, какъ излишнюю роскошь, продукты, могуціе служить приравой къ кушанью, и взаменъ ихъ покупають себѣ желаннаго хлѣбца. Везъ него только ему жизнь страшна.

Выбѣтъ ли конопляное масло,—на домашній расходъ оставляетъ весьма ничтожное количество; соберетъ ли баба грибовъ, фунтика три масла коровьяго,—«якая жъ зъ яго наѣдка; скарѣй треба прадаць, да хлѣбушка куиць, йонъ зъ восяни дзяшеуны». Зимѣ и осень налѣ полѣсюкъ питается еще сравнительно сносно, но весной и лѣтомъ очень скудно, оттого итвыходить: «якая ѣда, такая и работа».

Посмотриши на него, идетъ онъ, какъ «пень черезъ колоду». Найметса ли на

подѣйщину—«паглядая якъ волю изъ надъ дуги», да и «у свайомъ дварѣ робя спак-
валя¹⁾, дѣла ни вѣдукъ, у лѣсъ ня уцяке»; а между тѣмъ «туды никъ, сюды никъ и
дзень ни вяликъ».

М а р т ь.

«Якъ нѣбудзь скартали зимѹ—вясна на дварѣ, стала на трохи и сонняйка
пригрываць».

Вотъ и великій постъ. Еженедѣльно народъ валитъ въ церковь, чтобы на пер-
выхъ недѣляхъ поста «атгавицца, пакуль ни распустила».

Въ перемежку съ оттепелью, въ Мартѣ мѣсяцѣ бывають еще морозы, которые
такъ сильно скрѣпляютъ снѣгъ, что по поверхности высокичъ сугробовъ можно не только
ходить безъ лыжъ, но и ѣздить на лошадахъ. Это называется «серѣнь». По серѣну снѣ-
шать перевозить изъ лѣсу бревна и проч. матеріалъ, на прямикъ, безъ всякихъ до-
рогъ. Во время серѣновъ течеть кленовикъ, т. е. сладкій сокъ изъ кленовыхъ деревь-
евъ, а немного поздѣе «берѣзовикъ». Въ это время селье поодъ березами и кленами
разставляютъ чистенькія корытца, а березы и клены просверливають, вставляють туда
пучекъ соломы, по которой и сбѣгаетъ сокъ въ корытцо капля за каплей. Затѣмъ, когда
корытца наполняются, березовикъ носятъ ведрами въ погреба, выливають въ припа-
сенную зарадѣ бочку,—заправляютъ, и чрезъ нѣсколько времени получается квась—
великое подспорье весной, когда уже капуста и прочее варено съѣдено.

1 Марта—Евдокин; празднуютъ, не прядуть.

9-го Марта.—«Сѣраки» т. е. сорокъ мучениковъ. Прилетаютъ жаворонки съ
теплыхъ странъ. Крестьяне некутъ сорокъ галушекъ изъ разнаго тѣста, сами ѣдятъ и
скоту даютъ: «такъ гадница²⁾», говорятъ они; 17-го празднуютъ Алексѣя челоуѣка Божія—
«Щука ледъ разбивая».

25-го Марта «благавѣщанья, балшый и радасный празникъ, пщица гнязда ня уйдѣ».

Весь постъ грѣхъ пѣтъ. Только 25-го Марта священникъ разрѣшаетъ водить
хороводы и пѣтъ.

Въ селахъ и на поляхъ еще кое-гдѣ бѣлѣтся снѣгъ, а въ Росухѣ на Ласой
Горѣ, въ березничку уже сухо. Тамъ между побликней прошлогодней травкой, кое гдѣ
выглядываютъ молодые зеленые листочки и тутъ же подъ кустомъ орѣшника, начи-
наеть пробиваться поденѣжникъ.

Рада молодежь, что почувствовала подъ ногами пригрѣтую солнцемъ земельку
вѣсто «абрыдлага снѣгу».

Баслави, Божя,
Пѣсни зачынаци,
Вясну—красну гукѣци.
Вясна красна,

Што ты намъ вынясла
Вынясла карабѣнь яйцѣ
Дробнымъ дзѣтчамъ на забаву
и рыбятчамъ на пацѣху.

(с. Гарцово, Стародубскаго уѣзда, со словъ 26 лѣт. женщины въ 1895 г.).

Само собою разумѣется, что выбравшись изъ душевой хаты на зеленѹющую горку,
молодежи хочется рѣзвиться и двигаться, а потому всѣ весеннія пѣсни сопровождаются
хороводами, танцами и играми.

— «Ну-ця, тайячки¹⁾, у луку гуляць», кричатъ которая нибудь изъ нихъ.
И номѣстивъ въ кругъ двухъ, трехъ подростковъ, начинаютъ водить хороводъ и пѣтъ.

Лука майя, лука майя,
Лука зилиная,

Траука шаукавая,
Што й на той жа на луцѣ

1) Не торопясь. 2) Слѣдуетъ. 3) Отъ слова та т а я.

Казакъ коней пася,
 Па кладаци, па вярбовай
 Дзѣўка ваду нясе.
 Лука, майя лука,
 Лука зяляная,
 Кладачка вярбавая.
 Гнись, ни уламись,
 Дзѣўка, дзявница,
 Дай Паню вады напница.
 Лука майя, лука,

Лука зяляная.
 Ня буду пайницъ,
 У мянѣ маці не радная
 Будзе мянѣ бпцъ
 Калкаю шуншйнаю ²⁾,
 Стрыкучаю да крапивою,
 Вялицъ поуны ведры браць,
 Ни вялицъ атливаць
 Лука майя, лука,
 Лука зяляная.

(Со словъ 26 лѣт. женщ. въ с. Веркивки въ 1895 г.).

Послѣ каждаго припѣва «Лука майя, лука», нѣкоторыя здоровыя дѣвки берутъ на руки стоящихъ въ кругу подростковъ, и поднимаютъ ихъ выше головы: «штобъ довыгъ лёнъ радзйу».

«Вясняныя пѣсни» здѣшной мѣстности, какъ и всѣ прочія, очень живучи: изъ года въ годъ поетъ молодежь на Благовѣщеніе все одно и тоже и, какъ видно, поютъ это не одно столѣтіе, потому что въ одной ихъ хороводныхъ пѣсень упоминается языческой богъ Лада, переименованный въ Ляда.

При этой пѣснѣ играющія раздѣляются на двѣ партіи и каждая поетъ отдѣльно, взявшись за руки, стоя другъ противъ друга;

- 1-я партія: А мы ляда притали, притали,
 Зялёная наша йелачка, жоутый цвѣтъ.
 2-я партія: А мы проса сѣяли, сѣяли
 Зялёная наша йелачка, жоутый цвѣтъ.
 1-я партія: Мы кднй успусцимъ, успусцимъ,
 Зяленая наша йелачка, жоутый цвѣтъ.
 2-я партія: А мы кднй забярдемъ, забярдемъ,
 Зяленая наша йелачка, жоутый цвѣтъ.
 1-я партія: А мы кднй выкупимъ, выкупимъ
 Зяленая наша йелочка, жоутый цвѣтъ.
 2-я партія: А што дасьцы выкупу, выкупу,
 Зяленая наша йелачка, жоутый цвѣтъ.
 1-я партія: А сто рублей выкупу, выкупу
 Зяленая наша йелочка..
 2-я партія: Мы сто рублей ня возьмимъ, ня возьмимъ
 Зяленая наша йелачка..
 1-я партія: Мы дзѣвачку прыдадзимъ, прыдадзимъ
 Зяленая наша йелачка..
 2-я партія: Мы паняначку прададзимъ, прададзимъ,
 Зяленая наша йелачка, жоутый цвѣтъ.

Въ это время 1-я партія старается пробѣжать между рукъ 2-й партіи и не быть пойманной, пойманныя остаются, какъ выкупъ и т. д.

(с. Росухи, Мглин. уѣзда со словъ 17 лѣт. дѣв. въ 1898 г.).

Одинъ изъ парней ходятъ въ срединѣ хоровода, всѣ поютъ:

Йета поля жоутая—на што мнѣ,
 Я паѣду да милья да сваѣе,
 Йета поля зеляная—йета майо.

¹⁾ Шиповникъ.

Затѣмъ парень беретъ за руку дѣвку, которую «аблюбуя» выводитъ въ средину хоровода съ пѣсней:

Майя милѣнька, харашѣнька,	Я буду зъ милдоу
Бѣла, красна и румяна,	Медъ—вино пиць
Яйе личанька муливана,	И поля дзялиць.

Такъ продолжается, пока каждый не подбереть себѣ пары по симпатіи.

(с. Росуха, въ 1898 г. отъ той-же).

А у пиряпѣлочки да старѣнькій мужъ,	Ты-жъ майя, ты-жъ майя нивялѣчкая,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя пиряпелачка,	А у пиряпѣлачки да грудка балиць,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя нивялѣчкая,	Ты-жъ майя, ты-жъ майя пиряпѣлачка,
Што—й у пиряпѣлки да галоука балиць.	Ты-жъ майя, ты-жъ майя нивялѣчкая,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя пиряпѣлачка,	А у пиряпелачки да хлѣбца нема.
Ты-жъ майя, ты-жъ майя нивялѣчкая.	Ты-жъ майя, ты-жъ майя пиряпѣлачка,
Што—й у пиряпелки да дзѣтки маленьки,	Ты-жъ майя, ты-жъ майя нивялѣчкая,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя пиряпѣлачка,	А у пиряпѣлачки, да падошауки балиць,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя нивялѣчкая,	Ты-жъ майя, ты-жъ майя пиряпѣлачка,
А у пиряпѣлочки да ручки балиць	Ты-жъ майя, ты-жъ майя нивялѣчкая.
Ты-жъ майя, ты-жъ майя пиряпелачка,	

(с. Гарцово, Стародубскаго уѣзд. со словъ 25 лѣт. женщины въ 1897 г.).

Я на гѣрачки хаджу,	Стольки у мянѣ думачакъ.
Я калѣначку ламлю,	Ни журыся, майя мила,
Ой люлі, люлешачки,	Цябѣ ни забуду.
Я калѣначку ламлю,	Ой люлі, люлешачки,
Калѣначки наламлю,	Цябѣ ни забуду.
Да—й вяночыкъ саўйѣ,	Бѣлы сняжки разойдуцца,
Свайму мѣламу пашлю.	Быстры рѣчки разальюцца,
Ой люлі, люлешачки,	Ой люлі, люлешачки,
Свайму мѣламу пашлю.	Быстры рѣчки разальюцца,
Угадай, мой мѣлинькій,	Самъ къ табѣ прибуду,
Кольки у вянкѣ вѣтачакъ,	Па вялікаму распуту
Стольки у мянѣ думачакъ.	Ой люлі, люлешачки,
Ой люлі, люлешачки,	Па великаму распуту.

(с. Гирцево, Стародубскаго уѣзда, со словъ 26 лѣт. женщины въ 1898 г.).

Подростки большею частью тутъ же на бугрѣ «играюць у вѣшта небудзь», какъ напр., «у хрѣна». Это дѣлается такъ: всѣ садятся на землю другъ другу «въ пастанья»¹⁾ или «на улонья»²⁾, образуя такимъ образомъ длинный рядъ; одинъ изъ играющихъ ходитъ вдоль и кладетъ каждому на голову руку, припѣвая:

Ой, хрѣнъ мой, хрѣнъ,
Охъ и хто цябѣ расциу
И хто цябѣ паливау?

Хрѣнъ поетъ хоромъ:

Садзю мянѣ Селиванъ,
Паливау мянѣ Иванъ,
Селиванава жана
При гардѣн была,
Пирисаджавада, пирыважавала.

1) Пригаль. 2) На колѣни.

1-й играющій: Ты расци, расци мой хрѣнь
Жѣ жардзѣну у дѣужки ³⁾
Съ калоду у тоушки ⁴⁾

2-й играющій: Ступи—грюки...

Хрѣнь: Кто тамъ.

1-й играющій: Самъ панъ дварянинъ.

Хрѣнь: За чымъ?

2-й играющій: Пани лижала,
Хрѣну бажала

Хрѣнь: Ирви, да корни ни прырви.

И панъ тянетъ за руки перваго сидящаго, затѣмъ второго и т. д.

(д. Бородинки, Мглинскаго уѣзда со словъ 16 лѣт. хлопца въ 1896 г.).

Игра «у гусей».

Всѣ бѣгаютъ между кустами, затѣмъ одинъ изъ играющихъ сзываетъ:

Гуси лебядзи дамду.
Зачымъ?
Воукъ за гардѣй,
За якой?
За камяндѣй.

Всѣ садятся подѣ одинъ кустъ, мать тоже садится въ сторонѣ и засыпаетъ.
Волкъ подкрадывается и крадетъ одного. Проснувшись, мать плачетъ:

Дзѣтки маѣе,	Вдукъ пришду,
Галубѣтки маѣе,	Дзиця укрѣу,
На штожь я васъ кармила,	А я малада ня чула,
На, штожь я васъ пайила,	На припячку заснула.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со словъ 14 лѣт. хлопца, въ 1895 г.).

М. Косичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Примѣч. Обращаемъ вниманіе читателей на этотъ прекрасный трудъ, какъ наилучшую и наиболее полную монографію о Бѣлорусахъ, Черниговской губ. *Ред.*

³⁾ Въ длину. ⁴⁾ Въ толщину.

ОТДѢЛЪ II.

Литвины-Бѣлорусы Черниговской губерніи, ихъ бытъ и пѣсни.

(Окончаніе).

На Вяліадня (На Пасху).

Наконецъ разговѣлись наши постящіеся по неволѣ, по суровому Аеоисному уставу. Зато къ этому дню уже у каждаго припасено или кусочекъ солонины или «счагенди кашчонай бараннины», а иногда и парасеночекъ. Кромя того, въ каждой избѣ на столѣ видѣны бѣлый хлѣбъ. Странно и необычайно!

Это рѣдкое событіе бываетъ только разъ въ годъ. Въ пасху (т. е. куличъ) хозяйка уже непременно положитъ чего нибудь скоромнаго, въ родѣ яицъ, или молока, на томъ основаніи, что и въ церкви читающа пасха святая, пасха усчаствая пасха ии парожная».

На первый день, какъ и повсюду, никакихъ общественныхъ увеселеній не полагается. Вотъ въ полдень всѣ высыпали на улицу, къ солнышку: малыя бѣгаютъ, старыя сидятъ за воротами на молодочвахъ и «гамонюць¹⁾». Молодые тоже гдѣ-нибудь на бугрѣ сидятъ или ходятъ партіями въ «проходку» по лѣсу.

Только на 2-ой день послѣ обѣда начинается оживленіе и слышатся пѣсни:

Давайця, дзѣуки,
На калѣдацы сядзимъ
Пѣсянки зацягнимъ.
Вы, старыя дзяды;
Вярця сваіе кійи,
Изця вы у поля
Змянога жыта глядзѣци

Да радзцье²⁾ вы рады
Усе харошыя,
Якъ сямбу жанци.
Радзцье вы выселья,³⁾
Жоднаго скрмсежня,⁴⁾
Штобъ людзи глядзѣли
Жодныя нядзѣли.

(въ с. Гарцывѣ, Стародуб. уѣзд. со сл. 27 л. женщ. въ 1899 году).

Вотъ гдѣ-нибудь подъ дубомъ парни устраиваютъ общезвѣстную забаву «арэли»⁵⁾. Тутъ же невдалекѣ собираются дѣвки, вмѣсто музыкы одинъ изъ хлопцевъ ивѣтъ только бубенъ.

«Давайця сялязья вадзць», причитъ большинство. Вотъ становятся въ хороводъ и начинаютъ протяжно:

Сялязенька касатый,
Маладзѣць вудрынатый,

Сняжы, сялязенька,
Якъ старыя бабы скачуть?

Тотчасъ текстъ изъ протяжнаго переходитъ въ плясовой. Въ среднѣхъ хоровода танцуютъ, подражая старымъ бабамъ. Бубенъ дѣйствуетъ исправно, хоръ поетъ:

¹⁾ разговариваютъ.

²⁾ совѣтуйтесь ³⁾ свадьбы ⁴⁾ воскресенье ⁵⁾ качели.

Вотъ такъ
Таукуць макъ,
Вотъ и йетакъ,
Вотъ и такъ

Гарбамы киваюць,
Дзядду падманяюць,
Лёнъ пры дарозі
Вьцярь павывае!

Х о р ь.

Снязенька касатый,
Маладзецъ кудриватый,
Скажы, снязенька,
Якъ старыя дзяды скачуць.
Вотъ такъ,
Вотъ и йетакъ,

Вотъ такъ
Няпрыгджа,
Вотъ такъ
Нихароша,
Лёнъ пры дарозі
Вьцярь павывае.

Х о р ь.

Скажы, снязенька,
Снязенька касатый,
Якъ рыбаць скачуць.
Вотъ такъ,
Вотъ и йетакъ;
Вотъ такъ
Харашенька,

Вотъ такъ
Пригажёнъка.
Вывамы маргаюць,
Кудрамы махаюць,
Дзичаць падманяюць.
Лёнъ пры дарозі
Вьцярь павывае.

(Записано въ с. Гарцовѣ, Стародубскаго уѣзда со словъ 26 лѣт. женщ. въ 1899 году).

Хаджѹ я, гуляю
Па усѣмъ карагодѹ,
Хаджѹ, выглядаю
Харошаю цѣшу.

Занька сьрянкѹй,
Будзь ты мнѣ цѣща,
А я табѣ зяць буду,
Твайю дачкѹ узяць хдчу.

Когда хоръ называетъ тѣщу, тогда гуляющій въ кругу беретъ себѣ по выбору дѣвку и водить ее за руку; такимъ же манеромъ выбираютъ по симпатіи деверя, волюку и невѣстку.

Хаджѹ я, гуляю
Па усѣмъ карагодѹ,
Хаджѹ, выбираю
Харошаго шурьна,
Будзь ты мнѣ шуринь,
А я табѣ свайакъ буду,
Твайю сястру узяць хдчу,
Занька сьрянкѹй!...

Хаджѹ, я гуляю
Па усѣмъ карагодѹ,
Сабѣ выглядаю
Харошу нявѣсту,
Будзь ты мнѣ жана,
А я табѣ мужъ буду,
Замужъ цябе узяць хочѹ,
Занька сьрянкѹй и т. д.

(с. Лойцычы со сл. 27 л. 1898 г.)

Хороводная:

Што-й у нашамъ у сямѣ
Стайць вѣзера вадѣ,
Ой лёнъ, мой лёнъ,
Лёнъ зиланый,
Стайць вѣзера вадѣ.
Зь бвряжкѣамы на раунѣ.
Маладзецъ каня пайду
Каня вѣранога (bis)
Вькругъ кѣваннаго,
Ой лёнъ, мой лёнъ и т. д.
Конь вадѣ ня пѣе,

Капытамы бѣе (bis),
Молодца гѣрѣ бяре,
Ой лёнъ, мой лёнъ....
Нечымъ пашаньки рабиць,
Чыста поля бараньць,
А я пахара найму,
А я ямѹ заплачу.
Ой лёнъ, мой лёнъ...
Якъ пасѣю я лянѣкъ,
У чыстамъ полі кужалѣкъ,
Ты радзѣ, радзѣ, мой лёнъ,

Тѣнокъ, дѣвигъ и висѣкъ
Изъ кореня карянисть,
Изъ галоуки сямнисть.
Якъ праслышу пра свой лёнь,
Увесь натѣпанъ, навалёнъ
Тры дарѣжки враложало,

Тры дѣвчачки прабяжала
Ой лёнь, мой лёнь....
Адна Саша,
Друга Маша,
Третьця душачка Кацюша.

(д. Далматово, Стародубскаго уѣзда, со словъ 30 лѣт. женщины въ 1896 году).

Многія хороходныя пѣсни, которыя поють въ селахъ, какъ мнѣ кажется позаимствованы изъ ближайшихъ русскихъ раскольничьихъ слободъ, именно изъ Елѣнки, Воронька (Стародубскаго уѣзда), Клинцовъ (Суражскаго у.)

Охъ ты, маць майя,
Балиць галавѣ,
Ой-ли, вой лёли,
Балиць галава,
Гуляць хочыцца,
Да ня можыцца,
Я й атградуси,
Й нагуляюся.
Ой ли, вой—люли,
Пры цямной начы,
Пры ярѣй свячы,
Ой ли, вой люли,
Ой люлѣшачки,
Што-й съ надъ лѣсаньку,
Лѣсу цѣмнаго,
Изъ надъ садзюку,
Съ надъ злѣнаго,
Ой-ли, вой-люли
Ой люлѣшачки,
Выкаццалася сонца
Жаркая, расприкрасная,
Што-й за соньяйкамъ
Вясёлъ мѣсячка,
Ой ли—, вой люли,
Ой люлешачки,
Што-й за мѣсячкамъ
Дробны звѣздачки.
Тамъ ишли, прайшли
Да тры мѣлайцы.

Парни бравыя, кучерявыя,
Ой ли, вой люли,
Ой люлѣшачки,
Яны ишли—прайшли,
Станавлялися,
За адну дѣвчачку
Пасварылася.
Выхадзила къ йимъ
Красна дѣвчачка,
Выхадзила къ йимъ,
Гаварыла йимъ:
Што вы глупыя,
Няразумныя,
Вы ня бѣццяся, ни браняццася,
Аднаму каму я дастануса.
Дасталася дѣвчачка красная
Парню бравому, кучерявому.
Йонъ узяу яйе
За праву ручаньку,
Йонъ павѣу яйе
У карагдѣ гуляць,
Усिमъ таварышамъ,
Выхваляйница—
Хараша, браццы,
Душа Каццинька,
Майя милая,
Чарнабрывая,
Глаза карыя,
Развясельныя.

(со сл. 30 лѣт. женщ. въ х. Веркашья Стародубскаго у. въ 1899 году).

У майго у бацюшки
У варотахъ гуляньяйка,
Заря майя вячѣрная,
Гульня майо вясёлая!
Мой бацюшка у варотахъ
Дамоу мяне кляча.
Заря майя вячѣрная,
Гулянья майо вясёлая,
Я бацюшки ня слухала,
Гуляньяйка ня вѣдала.

Заря майя вячѣрная,
Гульня майя вясёлая.
У майго у свекарьки
У варотахъ гуляньяйка,
Мой свекарька у варотахъ
Дамоу мяне кляча.
Я свекра паслухала,
Гуляньяйка пакинула.
Заря майя вячѣрная.
Гулянья майо никѣмная.

(Въ 1899 году отъ той же).

Што-й на морю,
Морю синяму,
Па сняму, па хвалыньскаму
Плыве стада любядзіная
И зь малымі любядзітамі,
Па переду лябедушка б'лая.
Аткуль узяўся
Сызыкрылы арёл,
Развоў стада любядзіная

(д. Выстриковъ, Стародубскаго ўезда, со словъ 25-лѣтн. женщины, въ 1896 году).

Куды йду, куды йду,
Къ душѣ Каціньки зайду,
Ой калина, ой малина,
Здрастуй, Кацінька душа,
Дома маминька тваяя?
Ой калина, ой малина,
Нѣту бацюшки, нѣту матушкы,
Нѣту дома никаго,
Узѣжджай ка мнѣ на дворъ,
Станови свайго коня
Сирядзѣ майго двара,
Проди чорнаго стауба.
Благодарю, красавица,
За пріятство за твайо,
Ну скажы ка, душа Каця,
Идзѣ мнѣ плѣць павѣсницъ?
Павѣсь, павѣсь, дружокъ мой,
У майныхъ сѣнячкахъ навѣхъ ¹⁾
Да-й на нѣвинькай спяніѣ,
На сярэбраномъ гваздзѣ.
Благодарю, красавица,
За пріятства за твайо,
Да скажы ка, душа Каця,
Идзѣ мнѣ шляпу палажыць?
Паложъ, паложъ, дружокъ мой,
У майой коминачы навѣй,
На столікѣ цасовомъ.

(с. Гарцово, Стародубскаго ўезда, со словъ 24-лѣтн. женщ. въ 1898 году).

Ой выходьця, дзѣвачки,
На шырокую вулицу,
Люли—люлешачки,
На шырокую вулицу.
Выносьця, дзѣвачки,
Салауі на ручачкахъ.
Люли—люлешачки,
Салавейка зацабеча,
Дзѣўки пѣсни запяюць.
Разгадай-ка, салавейка,
Ты нашу загадачку,
Якъ за старымъ жыццѣ?
Люли—люлешачки

Да-й зь малымі любядзітамі,
Пусциу руду да й на сняму морю,
Б'лыі пушокъ на крутѣй биражокъ,
А крылупки па далейнаці,
Пала ваду б'ла рѣнца,
Брала ваду красна дзѣвица,
Аткуль узяўся разудалы маладзецъ—
Богъ на помачъ красна дзѣвица душа.

Благодарю, красавица,
За пріятства за твайо.
Ну скажы ка, душа Каця,
Идзѣ мнѣ спаць, пачываць?
Лажысь, лажысь, дружокъ мой,
У майой спаленьки навѣй;
На прыніѣ пухавѣй.
Благодарю, красавица,
За пріятства за твайо.
Кацінь бацюшка пріѣхау,
Кацю спрашывая—
Ты скажы-ка, душа Каця,
Што за лошадзѣ на дварѣ.
Прасці, бацюшка радзимыі,
Рана на базарѣ хадзіла,
Варану лошадзѣ купіла,
Рдуна тысячу дала,
Разсярднуса, разбраннуса,
У вѣву спалінку пашоу,
Добра молайца нашоу,
Ралскажы ка, душа Каця,
Што й за моладецъ лажыць?
Прасці, бацюшка радзимыі,
Рава на вутрынѣ пашла,
Сираднвачку знайшла.
На спітаньня ²⁾ узяла.

А за старинькиі быці
Горьку рѣдзачку грыцьці,
Што-й за раўнымъ быці
Мѣдъ—гаралачку пійці,
Чыравічкі васні.
Люли люлешачки.
Маладыі бяжыць, якъ заячка, ³⁾
Я за ймъ якъ павачка, ⁴⁾
Маладому прыгалаю,
Гаршѣкъ кашы замяшаю,
Люли—люлешачки.
А стараму прыгадаю,
У дуброву атваяду,

¹⁾ вѣвхъ. ²⁾ Воспитаніе. ³⁾ Заяць. ⁴⁾ Придумую.

Къ сыру дубу привяжу,
Камарыкамъ прыкажу—
Въздя вы-камарыки—мошки,

Ни стауци ¹⁾ ни трошки, ²⁾
Люди, люлешачки.

(д. Лупеки, Стародусскаго уѣзда отъ 16-лѣтн. дѣвки въ 1899 году).

Старѣнькій дзѣдзѣка
Па горѣду хѣдзя,
Канапельки сѣя,
Маладая малодка
У варѣтахъ стаяла,
Галубду зманяла—
Шуги, шуги, галубѣ,

На дзѣдавы канѣвни,
Кананель вливѣнц,
Дзѣду журбу ³⁾ задаванн,
Штобъ мнѣ маладѣй
Кананель ни браци,
Бѣлыхъ рукъ ни драци.

Ранней весной, вскорѣ послѣ пасхи всегда въ большомъ ходу слѣдующая пѣсня:

А чаго ты, канапелька,
Ни зялѣна стайншь.
Да якъ жа мнѣ канапельки
Зяляной стайци,
Люди люлешачки...
Съ корня канапельку
Вадзица падмыла
Па сѣредзи канапельку
Бура зламала.
Люди, люлешачкн,
Зверху канапельку,
Вирабейки ссыли,
Люди люлешачки,
Чаго ты, Лукерачка,
Ни вясѣла гуляйншь?
Якъ жа мнѣ, дзѣвачки,
Васелай гуляць,
Люди люлешачки,

Пабищауся татухна
За князя атдаць,
Люди люлешачки,
Родная матухна
У чарничаньки ⁴⁾
Люди люлешачки,
У чарничавьки.
Скригнули варѣты,
Растворчастыя,
Я жъ думада—
Вацька кдзецъ
Да-й князя вядзецъ,
Ажъ матухна
Чарничаньку вядзецъ,
Хоча мая маць
Мнѣ косы пастрычь,
У чарницы атдаць.

Игры в пѣсни продолжаются только первыѣ три дня, а на 4-й день каждый занимается своими работами «да яркуснаго скрсыненьна (артусное воскресенье). Затѣмъ на Ошнвой во вторникъ Рѣдунца. Название радуницы объясняется тѣмъ, что это есть самый радостный праздникъ умершихъ: йета йихъ веліка дня.

Съ утра на Рѣдунцу всѣ мужчины на работѣ, даже пашутъ въ полѣ. Бабы заняты стращней, но какъ только ударилъ колоколъ къ обѣднѣ,—съ каждаго двора несутъ въ церковь 5 сковородницъ на панихиду, поминальничку и рюмку меду. По окончаніи обѣдни считается за грѣхъ работать. Всѣ отъ мала до велика идутъ на кладбище. Каждый застилаетъ на своей могилкѣ скатерть, кладетъ кусочекъ «дасынданай» ⁵⁾ пасхи, красныя яйца, говядину и творогъ. Въ городахъ этотъ день или «дѣды», какъ ихъ тамъ называютъ, похожъ на шумную, пыльную ярмарку съ вышательствомъ полиціи. Въ деревняхъ же и селахъ все это происходитъ спокойно, безъ суеты, и даже первое время безмолвно. Только кое-гдѣ надъ свѣжей насыпью вырываются наружу чувства недавно осиротѣвшихъ.

«Христось воскресе! Христось воскресе! майо дзипятачка!» принадая къ могилкѣ съ краснымъ яичкомъ въ рукахъ, обливаясь слезами неутѣшная мать.

Вотъ окинула она взглядомъ возрождающуюся весеннюю природу: все начинаетъ цвѣсти и зеленѣть подъ теплымъ солнышкомъ... Матери становится еще тяжелѣе, и отъ избытка чувствъ она продолжаетъ свою мысль громко.

¹⁾ Не оставьте. ²⁾ Немножко. ³⁾ Заботу. ⁴⁾ Въ монахвн. ⁵⁾ Освященной.

«А укругъ жа цибѣ, майго дэнцгочкы, да усѣ такъ прыгджинька, циперь и бязачка ужо у лисційку, и ты жъ и ня устанышь, сираццинка майя бѣдчая! А цяньеръ жа и мотачка на свѣтъ божый выходзя и цыплѣначакъ зъ яйчка выключѣнца и листочкы и травиначка вылазя на цѣпля соньныка, адзынь жа ты горькій мой сындычкы въ зямелькы ня выйдзынь» и т. д.

Затѣмъ прѣзжаець священникъ съ причтомъ служить нан іхиду, а послѣ его ухода всѣ явства сносятся въ одно мѣсто. Христіанскіе обряды кончились, начинаютъ и по старой древней памяти языческая тразна: ѣдгъ, запиваюгъ н, пивши, приговариваютъ: пакройничакъ Аутухъ Сѣдаровичъ, някай яму тамъ легинька згадницца, любы у гаралачку,—заупакой жа яго душачкы, царства яму нябесная».

Пѣвши и наполучавшись порядочно, уходятъ съ кладбища на веселѣ, и по дорогѣ гдѣ-нибудь на пригоркѣ, какъ престарѣлыя бабы веселухи (конечно изъ тѣхъ у которыхъ нѣтъ свѣжихъ моглоковъ), такъ и дѣвука, вѣствѣ принимаются за хороводъ. «А ну-ця, тайчки, на доугій лёнь, штобъ лёнь радзну».

Пасѣяли дѣвуки лёнь,
Дѣвуки лёнь,
Стой пряма,
Дваржысь бржава,
Гавары, што сѣяли,
Пасѣнуши, палолы,
Палолы, палолы.
Стой пряма,
Дваржысь бржава,
Гавары, што палолы,

Вѣлы ручки калолы,
Калолы, калолы.
Стой пряма,
Дваржысь бржава,
Гавары, што калолы.
Аткуль увялуса парянѣкъ,
Звизау ляндыкъ у вянокъ,
Стой пряма,
Дваржысь бржава.
Гавары—звизау увянокъ.

(с. Невзорово, со сл. 20 лѣт. дѣвки, въ 1899 году.)

А иная болѣе охмѣлѣвшая и въ присядки пустится, притѣвая:
У вяликамъ у горадзи,
На прираснай вулицы,
Тамъ и Ганна гуляла,
Тамъ Ивѣанауна гуляла
И арешки ¹⁾ цатала
Съ сянью картамы йграла,
Казыряла, падказыривала.
Якъ пришоу къ йой татухна—
Польна Ганна, гуляць,
У арешки цатаць,
Сянью картамы играць
Казыряць, падказыриваць.
Ня удоймишь мяне, татухна,

Ня увоймишь мяне, родненькій,
Туть и мѣдъ салодкій,
Парнишачка маладѣй,
Падъ йимъ коникъ варавый,
Сядло кѣванная,
Атмулѣванная,
Самавары залатѣя,
Пивавары маладѣе.
Якъ пришла къ йой матухна,
Якъ пришла къ йой рѣдная—
Польна Ганна гуляць,
У арешки цатаць.

Затѣмъ приходятъ братецъ, сестрица и проч. родня, а отвѣтъ Ганны одинъ и тотъ же.

(с. Анушино, Стародубскаго у. со словъ 20 лѣт. женщины въ 1889 году).

И такъ, вотъ какъво бываетъ поминование усопшихъ. Евреи иногда, проинзивруа спрашиваютъ мужиковъ: «слухай, калі у васъ буде тѣе свято, што вутрамъ пашуть, у в абѣда плачуць и у вечару скачуць?»

Радунницей оканчиваются и остальные святки.

Женщины продолжаютъ снова и твять красны, бѣлпть полѣтна, мужнины огораживаютъ плетнями и пряслами огороды, но съ носѣванн не торопятся, не смотря на то, что тепло, и сѣвгу давно нѣтъ.

¹⁾ Игра въ честь и нечесть.

Овесь начинают сѣять въ концѣ апрѣля, а картошку еще позднѣе, и всякій увѣряетъ, «што у нашихъ мястахъ покуль земля харашо ни нагрѣница, догуль сѣмя ня пуска растка и картошка тольки завлякня у халоднай землѣ, а узойдя и ранняя и новная у в'адно уремъя». Грады рѣшаются садить лишь въ Маѣ. Но иногда утренники вымораживаютъ «грядавину и 10-го Мая, такъ что приходится вновь отсѣвать огурцы, фасоль и пр.

Изъ весеннихъ праздниковъ за апрѣль мѣсяць чтять Юрія 23 числа. Каждый хозяинъ встаетъ до свѣта и пасѣгъ скоть на ростъ, потому что роса на Юрья считается цѣлебной для всякой скотины. Такъ какъ Георгій побѣдоносець изображается на иконѣ всадникомъ, то его считаютъ покровителемъ лошадей, и тотчасъ по окончаніи обѣдни всѣ съ хоругвями и иконами, съ священникомъ во главѣ, двигаются за село служить молебнъ надъ табуномъ лошадей. Бываетъ также въ этотъ день водосвятіе и молебнъ въ полѣ надъ зелеными всходами ржи.

Въ простотѣ сердечной всѣ молятся очень усердно, «штобъ и жыцячко урадили и сячанина здарова была.

Внимательно стараются они повторять шопотомъ каждое слово, произнесенное священникомъ, а по окончаніи службы нерѣдко можно услышать такого рода рассказы.

«Я жъ, тайячка ты майя, два разы знаймавалась у в'ыкону, й капыцячки й гриуку святого коника пацалавала, усѣ да чыстѣ пацалавала».

М а й.

8-го празднуютъ Іоанна Богослова, 9-го Микола въсянаго. Съ этого дня шабашъ гонять коней на ночлегъ: сѣнокосы запускаются на траву.

11-го обновленіе Царьграда (послѣ землетрясенія). Воспоминаніе этого событія наши крестьяне переименовали «въ градободзье» и почитаютъ «Царьграда» за главнаго начальника или царя всѣхъ градовъ и градобитъ, въ особенности пахатъ нельзя на градободзье.

21-го празднуютъ царя Константина и Елены.

Въ Маѣ засѣвають ячмени, горохъ, просо. Въ послѣднихъ числахъ идетъ возка навозу и посѣвъ конопли почти до 5-го іюня

Кромѣ того весной происходитъ въ Полѣсскѣ довольно важная въ экономическомъ отношеніи работа: это кража лыкъ.

За лыко, особенно въ весеннюю безхлѣбницу, имѣеть оны существенные предметы необходимости, какъ напр. соль, деготь, хлѣбъ и т. п. Такъ же дубовая кора, лоза для дубленія овчины, все это довольно охотно покупается на базарахъ ближайшихъ городковъ.

Кромѣ того, теперь же каждый дѣлаетъ запасы лыкъ для обуви на круглый годъ, хотя своего собственнаго лѣса и не имѣеть.

Ежедневно цѣлый мѣсяць и болѣе съ cadaго двора по двѣ, по три души, забираются въ глушь панскихъ лѣсовъ, гдѣ нѣтъ лѣсничаго, и вечеромъ уже несутъ ко тихоньку лыки въ село, однимъ словомъ—въ свою норку тащатъ корку, да и въ самошь дѣлѣ:

Неужто лыкъ тебѣ не взять въ запасъ,
Когда такая благодать въ лѣсахъ у насъ.

Похищать лыки очень удобно: они растутъ въ страшной гущѣ. Полѣсцы на этотъ промыселъ забираются «у такую нямарѣчу, что вужъ ня пралаузе. Чуйнимъ штось шамая, глядзь—ажъ воучанятки, жо тувъ и гняздо ваучиная».

Но къ этому явленію наши привыкли: не очень-то пугаются и, перейдя на другое мѣсто, продолжаютъ работу, напѣвая не громко конечно:

А и дзѣ-жъ тѣя липиначка,
Што лыки дзеруца?

А й дзѣ-жъ тѣя дзяучыначка,
Што людзи смяюцца,

А ужо-жь тая личиначка
Дауно абадрата ¹⁾,

(с. Разсухи, Мглинск. у. со словъ 40 лѣт. женщици въ 1899 году).

Дзяучѣнка красна
Па гаю хадзила,
У гаѣ заблудзѣла,
Хлапчышачка малобдзвинькій,
Выведзь мяне з'гаю.
Дзяучовка красная,
Дардги ни знаю,

(Дупеки, Стародуб. уѣзд. со сл. 35 лѣт. женщ. въ 1898 г.).

Што-й купечаская дочь—
Па горыньки хадзила,
Пару сыноу радзила,
Охъ, охъ, охъ-охъ-хо-хо (припѣвъ),
Пару сыноу радзила.
Сама бабушкой была,
Сама йменья дала,
Иванюшу й Василья
У пяленачки спавила,
На цихій Дунай атвасла,
Охъ ты, цихій Дунай,
Ускальши майнихъ дзяцей,
А ты, траушка камышъ,
Майнихъ дзѣтакъ прыкалышъ,
Охъ ты, ннчая лаза,

А ужо-жь тая дшучыначка
Дауно замужь узята.

Скажи, красная дзѣвука,
Што за вывадъ бѣдзье?
— Атласць табѣ татухна
Каня варандга.
— Дзѣвачка красная,
У майго у татухны,
Коній багата.

Ни павыкаль йншѣ глаза,
Охъ вы, дикія псяся,
Ни задайца йншѣ таски,
Охъ ты, рыба бялуга,
Ускарми майнихъ сыноу
Да шаснадцаці гадоу.
Ни хадзила малада,
Лѣтъ шаснадцаць на ваду,
На симнацатамъ гаду,
Выйшла дзѣвука на ваду,
Стала дзѣвука ваду браць,
Стау караблнкъ прыплываць,
Што-й на томъ жа караблн
Двое мѣлайцоу сидзяць.

Эта пѣсня позаимствована въ 1861 году у дворовыхъ крестьянъ въ с. Росухѣ. Съ теченіемъ времени къ ней присоединился слѣдующій конецъ, записанный мною въ 1899 году въ с. Горянахъ, Мглинскаго уѣзда отъ 19 лѣт. дѣвки.

Адзінъ сядзиць ва насу,
Чеша русаю касу,
Другій сядзиць ва каршѣ,
Прама смотра на яйе.
Распытуя у яйе,
Ци пойдзвшъ ты за мяне?
За (а) днаго сама пайду,
За другѣга дочь атдамъ,
Пріѣхаушы сь падъ вница
Стау моладзёць гаварыць—
Скажи ка ты, дзѣвачка,
Зь'якѣга ты роду?
Я зь Кіява папдуна,
Па бацюшки Пятроуна,
— Скажи ты, моладзёць.
Якога ты роду?
Изъ Кіява паповичъ
Па бацюшки Пятровичъ.
Охъ, якій то свѣтъ настау,
Што братъ састры ня уназнау,
За сябѣ замужь узяу.

Гасподзь мянѣ сабарѣгъ,
Што сь сястрою спаць ня легъ,
Вадай папѣ праннали,
Врата сь сястрой звннчали.
Идзи, сястра, у намастырь,
Малиць Бога за увесь мірь,
А я пайду у цемный лѣсь,
Няхай мяне звѣрь изьѣсць.
Идзи, брапець, гароу,
А я пайду далинаю,
Скиннмся травнаю,
Ты цвѣтикамъ сненькикмъ,
А я цвѣтикамъ жоуцннькикмъ,
Парасцѣмъ мы падъ кустомъ,
Накрыннмся хварастомъ,
Будуць людзи траву йрваць
Врата сь сястрой памннаць:
Йгта тая травнца
Што братъ и сясгрия,
Будуць людзи касиць
И за насъ Бога праеиць.

¹⁾ ободрана.

Выше означенная пѣсня въ с. Росухѣ и окружающихъ ее селахъ поется только со слѣдующихъ строкъ:

Охъ якій-та свѣтъ настау,

а въ селахъ: Горянахъ и Кожемякахъ первая и вторая половина поется за одну пѣсню «Иванъ да Марья».

Охотнѣй всего поютъ пѣсни на общественныхъ работахъ; но такъ какъ весной всакій имѣетъ свое занятіе «кала двара» въ одиночку, то въ будніе дни не слышно совмѣстнаго пѣнія, развѣ какая-нибудь дѣвушка сабирауншъ цавель на луку или ставши полѣтны кала двара», запоетъ про милаго или про соловейку:

На вадѣ вутка купалася,
На биражочку сушылася,
Я малада журылася,
Ци было лѣта, ци ни было.
Я на вулицы ни гуляла,
Минне мамухна ни пушала,
У замораццы закутала,
Залатымъ замкомъ замыкала.
У замораццы кватырячка,

Шлю, пашню шырыначку,
Гляну, пагляну у кватырячку,
Ходзя, мой милый, па рыначку,
Тамъ мой милый танокъ водзя
З'найой прежняй падружачкай.
Каго у танку нена,
Да каго у караходзя?
Майго милаго у танку нема,
Майой падружачки у карагодзя.

(с. Росуха, Мглин. у. со словъ 35 лѣт. женщины въ 1899 г.).

Салавей мой малинскій,
Ни лятай рана на зарѣ,
Ни замакавай дарожачки
Ко мнѣ маладзѣ.
Зарасла маяя дарожка
Частымъ ельничкамъ,
Вярэничкамъ маладзѣмъ.
Охъ ты, татачка гаспадзинь,

Састрой гореньку у саду
Зѣ вакошканы, на сяло,
Штобъ жыць было висяло,
Штобъ милнскій ни прайшоу,
Падарачка ни пранѣсь,
Падарачка дарагодга,
Зѣ руки персяя залатѣга.

(с. Новоселки, Стародубскаго у. со сл. 45 женщ. въ 1891 г.).

Павѣй, павѣй, буйонъ вницарь,
Зѣ зялѣнага гаю.
Прибудь, миленькій дружочыкъ,
Зѣ далекаго краю.
Радъ бы, дзѣвачка, прыбыць,
Вочинь край далекій,
Глыбокія рѣчки,
Да мелкія ключы.
С'скучылася дзвучоначка,

Малодчыка ждучы,
Сядзінѣ бацька,
Мачыха ляхая
Ни пускаюць на вулицу,
Што я маладая,
Пусці мянѣ, маці,
На тѣй лужокъ прасці,
Ци ня пріянес буйонъ вѣцьверъ
Атъ милага вѣсці.

(с. Росуха, Мглин. у. со сл. 45 лѣт. женщины въ 1891 году).

А вѣтъ вышла на лужайку и молодка молодая. Еще въ прошломъ году пѣла она о желанномъ дружѣ, а теперь у нея уже другое горе, другая мечта: не ладная жизнь въ чужой семьѣ и стремленіе къ прежнему родинному гвѣду.

Охъ, якъ бы мнѣ маладзюсенкай
Да цяцвѣряччы крыльыа
Да пярпѣляччы перыа.
Я... я... я... я, малада,

Палацѣла бѣ я, маладзюсенка,
Падѣ бацькавы сѣны.
Охъ я... я... я... я, малада,
Мой татачка новы сѣны строя,

Святлицу будѹя,
Охъ я... я... я... я, малада,
Святлицу будѹя,
Мяне спамниная,
Охъ я... я... я... я, малада.
Нема майой душачкк

Нема майой гарюшачки.
Охъ я... я... я... я, малада,
А я, малада, слявой абальюся,
У ножки укланюся.
Охъ я... я... я... я, малада..

(с. Анушино, Старадуб. у. со сл. 30 лѣт. женщ. 1889 году).

Ня силну мяне бацька,
Ня силна мянѣ-й-матка,
Сама дура здувала
Лидашыцу злюбавала,
Ня глядзѣла маладѣ,
Ня на станѣ, ня на рожу,
Нагалилася малада

На вяликаю худобу¹⁾.
Вяликая худоба,
Живату-серцу-завзоба,
Чаго ты, мой бацьчыка,
Сквозь Дунай ни хадзю,
Горькай майой долячки
У рѣчачки ни утапу.

(с. Невзорова, Старадуб. уѣзд. со сл. 50 лѣт. женщ. въ 1895 году).

Выду я на гѣрачку,
На тую кругію,
Зириў, гляну на рѣчачку
На тую быструю.
Ци ня убачу
Ци ня убачу
Чаго на ряцѣ?
Тольки бачу
Тольки й виджу

Салавейку на кусьцѣ.
Польна, польна, салавейка,
У кусьци шабитаці,
Хочуць ужд ахотнички
Ружжа зариджаці,
Хочуць цябе, салавейку,
Сь свѣту жжыць,
Сь свѣту жжыць,
У кусьци застрялицѣ.

(с. Михайловець Стар. уѣзд. 1900 г. отъ 18 л. дѣв.).

Даліна даліначка,
Раздѣлье шырокае.
На той, на далінацы
Ничѣго ня рѣдзе:
Ня грибки ни ягадки,
Ня чѣрна смарѣдныя.
Тольки заурядзйлася
Игруша зялёная,
Што й падѣ той игрушаю

Заря занималася,
Сь падѣ тыя здрачки
Сонца вѣкацалось.
Играй, играй, соньняйка,
Играй играй жаркое,
Играй не по лѣтнему.
Лѣзя парень дзѣвѣшчу
На па прѣзнаму...

(Отъ той же).

Какъ въ одиночку, такъ и хоромъ поютъ всегда дѣвки громко, во все горло, чтобы было слышно и въ селѣ и за селомъ.

Въ концѣ каждаго стиха вмѣсто паузы тянуть голосомъ у - у - у - у! Этими отличаются мотивы весеннихъ пѣсенъ и лѣтнихъ.

Хмарна тучка, дробинь дожджыкъ,
Крапи, крапи, дробинь дожджыкъ,
На майо бѣла лицо,
Я умыюсь, набялюся,
Найду у мамухны спрашуся,
Радзняя мая маці,
Пусци вечарѣ пагуляци.
Гуляй, дочка, да пары,
Ни прагуливай зары,
Идзѣ ходзись, идзѣ гуляйшѣ,

Начаваць у дварѣ.
Я па садзюку хадзила,
На зяленаму гуляла,
Тамъ я цѣвѣчки нрвала,
Дли дружка прымѣты клала,
Штобъ мой милый дагадауся,
Па прымѣташъ мяне шывау,
Ни знайшоу милый прымѣты,
Знайшоу Машачку у саду.

(с. Новоселки, Старадубскаго уѣзда, со словъ 45-лѣтн. женщ. въ 1899 году).

¹⁾ добрд.

Итакъ даже, всё «дзвявоцкія» вясняныя пѣсни на одну тему: любовь и милый.

На валини салавей напѣвая,
На илани дробныя пташки пяюць,
Добру молайцу вазнобу задаюць,
Добрыи молодзьвецъ и ночку ни спау,
На дрыбчастыя гусельки играу,

Красну дзѣвицу душу забауду.
Ни журыся, красна дзѣвица душа,
Вотъ тады ты наплачыся,
Якъ са иной ни пабачыся.

(с. Апушино, Стародуб. уѣзда, со сл. 45-лѣтн. женщины въ 1892 году).

Стапта́на трава зяляная,
Хто жъ тую траву стаптау?
Стаптау траву дзядиначка,
Стаптау траву малодзьвенькій.
Й онъ да дзѣвачки хадзю,
Пырапелачакъ лавю,

Ни улавю пырапелачки,
Ни улавю карасцьельки,
А улавю двялчоначку
Да-й за правую ручачку,
За залатый персцявѣчыкъ
За шауковый паясочыкъ.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со сл. 20-лѣтн. дѣвки въ 1894 году).

Свяцѣу, свяцѣу йсенъ иѣсячка
Да-й прынерькаць стау,
Любіу парень дзѣбуку
Да-й пакидаць стау:
Ни ты ка мнѣ,

Ни я къ табѣ,
Ни будзюмъ хадзюци.
Ни ты мяне,
Ни я цябе
Ни буду любюци.

(с. Задубенье, Мглинскаго уѣзда, со словъ 20-лѣтн. женщины въ 1899 году).

Ябланы мая зялёная,
Дакуль табѣ у садзи стаяць, у зялёнамъ?
Стаю лѣта, стаю лѣта,
Стаю-й другѣя,
На трецця пушу
Каренья глыбокая
И гольяйка да дѣланьку
И лисцяйка шырокая.
Ты, красная Тацявачка,
Дакуль табѣ

У бацюшки жыццѣ, у рѣднаго?
Жыву лѣта, живу лѣта,
Жыву-й другѣя,
На трецця дажду
Свата дарога
И поязда, и поязда багатѣя,
Цяту васу да пояса,
Цяту ушлѣты шауковыя
Дзядинаццы маладѣму.

(д. Лупеки, Стародуб. уѣзда, со словъ 35-лѣтн. женщины въ 1899 году).

Цякла рѣчка ни вяличка
Зъ вишнёваго саду,
А я тую быстру рѣчку
Схочу—пыраскочу.
Атдай няне апецъ-маци
За кагѣ я хѣчу,
Идзѣ хата и камната
И дзвярѣу багата.
Дзвярѣчки маладыя,
Яны ни жанѣты,
Любюць жартаваццѣ:

Адзюмъ кнуе, другій нарне,
Треццѣй заснябѣнца.
Мой милинькій—раувивинькій
Истаго ня любя,
Зѣ падъ правыя, зѣ падъ ручачки,
Нагайку гатуя,
Нагаячка ни прастая,
Яна драцяная,
У три ряды звита,
Вудзюшь, мая миленькая,
Што вѣчара бѣта.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со словъ 35-лѣтн. женщ. въ 1896 году).

Охъ ты, дзѣвка, дзѣвка красная,
Тваяя доличка бищасная, ¹⁾
Яще дзѣвка у плянчакхъ
Яше гѣрчакъ у галѣвачкахъ.
Ночка цѣминькая, ни вяселинькая,
У мянѣ мамачка ня родвинькая
Ни савѣтливая:
Пасмылала мянѣ маладу
Позна ноччы па ваду,
Ни да рѣчки, ни да вѣзляра,
Да глыбокаго калѣдзяня.
Ява па наду идзе,
Гарѣчыя слѣзы ильде, ²⁾
Пасмылала яше мацн

(с. Грыденки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 20-лѣтн. дѣвки въ 1899 году).

Якъ найду я гарой—гарой,
Мае валы на прыгѣрѣйку,
Уси людзи дѣбры жывуць,
А я млада на бяздольяйку,

(д. Лужки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 40-лѣтн. женщины въ 1897 году).

Охъ ты Ваня, разудамый маладзецъ,
Куда ѣдишь, атыижджайишь даянка,
Каму мяне приручайишь маладу?
Съ нимъ я буду вясну красную гуляць?
Съ нимъ я буду йету анну зимаваць?

(с. Матоки, Новозыбковскаго уѣзда, со словъ 17-лѣтн. дѣвки, записано въ 1898 г.).

У высокъ цѣрний пасцѣлячки слѣци—
Таму госцяйку низнакомому
Салдацнику заслужоному...
Ужо й соньяйка увыходзила,
Дзѣвка съ цѣрема ни выхodziла,
Ужо й на дварѣ свѣтъ бялѣсинькій,
Краснай дзѣвки съ цѣрема нема.
Ужо на дварѣ новия абѣданьки,
Дзѣвка съ цѣрема идзе
Яше каса растрѣпина, ни заплѣчена.
Яше глазачки призаплаканы,
Рубашачка папарваная,
Сарѣжачки паприламанья...

Нехай жывуць, кали пажылося,
А я буду гаряваць,
Кали гора прышлося.

Гуляй, гуляй цвѣдникъ рѣвачка адна,
Йсць у мянѣ ще-й на луччы за цябе,
И вачамы и брдукамы пачарнѣй,
Ще-й лѣчанькамъ румянѣй.

Т р о й ц а .

Св. Духъ и Троица два праздника подъ рядъ. Наканунѣ за нѣсколько часовъ до захода солнца, селане перестаютъ работать. Мужчины идутъ въ лѣсъ сѣчь «Май», бабы и дѣвки жать яворъ на лугахъ, собирать травы и цвѣты въ лѣсу. Къ вечеру вездѣ у воротъ и въ дворахъ появляется цѣлый лѣсъ вѣптыхъ въ землю клѣновъ, березокъ, дубковъ и пр. Въ хатахъ вся божица тоже убрана зелеными вѣтками и преимущественно цвѣтами пахучей какалуши ³⁾. Утромъ въ день праздника, прежде чѣмъ заблаговѣстили къ обѣднѣ, изъ 4—5 приходскихъ деревень—всѣ двинулись въ село къ церкви.

Но это не означаетъ, что вся масса народа попадетъ во храмъ, пѣтъ тамъ въ господскіе праздники ужъ очень тѣсно и душно, такъ что часть молодежи и бабы съ грудными младенцами больше просиживаютъ на крыльцѣ и на цвинторѣ ⁴⁾. Старики же и пожилые стоятъ безвыходно въ храмѣ и молятся усердно. Станьте рядомъ, прислушайтесь: онъ знаетъ наизусть всю обѣдню и прекрасно суфлеруетъ священнику и клиросу каждую фразу.

Какъ только пообѣдали, дѣвки гурьбой идутъ въ березникъ завивать вѣнки, захвативъ съ собою янць, сала на яичницу, по дорогѣ громко поютъ, «штобъ уснигъ быдъ чутна, и которая не успѣла выйти изъ хаты—нехай даганая».

¹⁾ Несчастная. ²⁾ Леть. ³⁾ Черемуха. ⁴⁾ Кладбище—стенарз (Польск.).

Вы дѣвки — дѣвчачки,
Пойдвини у лужочки,
Мы зауйѣмъ вяночки

Да-й на уся свѣточки,
Да-й на уся свѣтыя,
Да-й на Духовныя.

Хлопцы выхоятъ на гулянье отдѣльно, своей компаніей, но они «духаютъ чуюць, идѣ дѣвки» и непременно очутятся въ томъ березнику, гдѣ вѣнки завиваютъ, они берутъ съ собою горѣлку и бубенъ.

А бабы на духовые свѣтки идутъ туда же кумиться, т. е. жарыць у ласу ябешню, щецъ и закусываць.

Подъ бубенъ исполняютъ извѣстный танецъ казачокъ. Дѣвки танцуютъ очень скромно, глава внизъ, руки спущены, но танцы замужнихъ женщинъ, особенно «падъ чарачкѣй», довольно оживлены, онѣ плишуть и въ то же время пригѣвають, сопровожда дѣсныя различными тѣлодвиженіями: то руки въ боки, то хлопають въ ладоши, приподнимаютъ руки по разнымъ направленіямъ и т. п. Впрочемъ, такихъ веселухъ мало: одна, двѣ на все село, такъ что зрителей всегда больше, чѣмъ дѣйствующихъ лицъ.

Я й за старымъ наживуся,
Напляшуся, найграбсья.
Нагуляйсья.
Охъ ты, старецъ мой,
Лихамарецъ мой!
Ни вялицъ мвѣ бялицца
И румяницца.
Стайць стариць падъ вакномъ,

Богу молицца,
А мнѣ, маладой,
Гуляць хѣчицца.
Захацьблась маладѣ
Да папѣць, пагуляць
Паправнаваць,
Пабясѣдаваць.

(д. Бородинка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 48-лѣтн. женщины записано въ 1898 г.).

Кумѣлся, любѣлся
И съ кумою пасварѣлся;
Тры дни, два дни яднѣлся,
Гарѣлкаю пахмѣлялся.
Кумѣсичка, любѣсичка,
Ни би майихъ вуцнѣять,

Маѣ вѣцнѣтѣи
Табѣ шкоды да нп нарабѣли:
Паядѣушы грѣчки,
Паляцѣли да рѣчки,
Паядѣушы пшаничаньки,
Паляцѣли да крыниччаньки.

(д. Бородинка, Мглинскаго у. со сл. 78 лѣтн. стар. въ 1898 году).

Ходятъ также завивать вѣнки въ жито (рожь), особенно въ Стародубскомъ уѣздѣ, гдѣ села расположены въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ лѣса. Въ вѣнокъ изъ васильковъ вилетають ленту и перстень и затѣмъ кладутъ его въ жито на ниву.

Нюкъ слѣдующую пѣсню, о которой сама пѣвица выразилась такъ: «Якъ идуць у жыта да нюкъ йету свѣтую пѣсню гурьбой, дыкъ во якъ харашо, такій голасъ жаласный, да харошый».

Што-й на гарѣ на Раманавай
Стайць церьква муливѣная,
Алилуй памилуй.
Што-й у той церькви
Прястолю стайць,
На престоли маць Марья,
Алилуй, памилуй.
Маць Марья сына радзила—
А развѣушы, папѣу, дзякоу сабирала,
Алилуй, памилуй.
Сабраушы, йена раду радзила,
Якоя йинѣе налажыць.
Налажыли йинѣе Святыи Ілля,

Маць Марья няулюбѣла,
И свѣчачки патушыла
И церькаўку зачынила,
Алилуй памилуй.
Сабрались къ йой папѣ, дзяки, архирѣи,
Налажыли йинѣе свѣтыи Іванъ Хрысціанъ,

Мать Марья няулюбѣла,
И церькаўку зачынила
И свѣчачки патушыла,
Алилуй, памилуй
Сабралися икъ йой
Да дванаццаць папѣу

Да дванаццаць архирэяў,
Налажыла йнжэ
Святый Хрыстось.
Аллуі, памилуі.
Маць Марыя спалюбіла
И свѣчачкі запаліла
И церькаўку атчыніла,
На каленячки стала,

Аллуі, памилуі.
Йена Бога малила,
У свайгоь серцы
Радасць 'мѣла,
Што-й яё сына
Хрыстомь праввали,
Аллуі, памилуі.

(с. Гріденки, Стародубскаго у. со сл. 18 лѣт. дѣвки въ 1899 году).

Г р я н а я .

8-ая недѣля послѣ пасхи, вслѣдъ за духовными святками, называется гряная. Это «русальная недѣля». Народное воображеніе полѣських обитателей рисуетъ русалокъ нагими женщинами, которыя живутъ въ лѣсахъ, на деревьяхъ проводя время въ забавахъ, качаясь и завивая вѣтви на вѣткахъ. Это души вкрещенныхъ младенцевъ.

На грянѣй надзѣли
Русалки сядзѣли,
Ой рана, рана
Русалки сядзѣли (bis)
Халодокъ капали,
Ой рана рана
Халодокъ капали
Да-й дзѣвакъ гукалі, ¹⁾
Дзѣвачкі—красачкі, ²⁾
Дайца намъ сарочку,
Ой рана, рана,
Дайца намъ сарочку,

Сядзимъ у халадѣчку,
Да-й заўбожь вяночки.
Ой рана, рана,
Да заўбожь вяночки
Мы на ўси святыхъ
Да-й на духавыя,
Ой рана, рана
Да-й на духавыя.
Вабачкі цѣткі
Дайца миѣ нямѣткі, ³⁾
Ой рана, рана
Дайца намъ нямѣткі.

(д. Водвинка, Мглин. у. со сл. 40 л. женщ. въ 1897 году).

Еще эта пѣсня поется съ слѣдующими измѣненіями.

На грянѣй надзѣли
Русалки сядзѣли,
Ой рана, рана...
Халодокъ капали
Да й ня выкапали,
Ой рана, рана,
Толькі выкапали
Варавую вѣтку.
Варавая вѣтка
Ни красна, ни ясна,
Ой рана, рана,

Што-й крашы таго
Адарка у бацькі.
Ой рана, рана
Па двару хадзила
Бацькау дворъ красила,
Ой рана, рана
На ганкі уступыла,
Ганкі асвяцила,
Ой рана, рана,
Ганкі асвяцила.

(с. Разсухи, Мглин. у. со сл. 40 лѣт. женщ. въ 1899 году).

А ужо пѣўні папѣли,
А я дамоу ни-йшла,
Ужо-й другія пяюць,
Я й ня думаю ниць.
Ужа заря узыйшла,
Я дамоу прышла

И свякруха разбурчалася,
А мой милый и 'зъ нагайкай идзѣе,
Якъ ударну мяне разъ,
Пакацились слезы, зъ глазъ,
Якъ ударну у другі,
Надламилися ноги.

¹⁾ звали ²⁾ краска-цвѣтокъ ³⁾ покрывало.

На гряной недѣлѣ нельзя ничего вить, крутить, гнуть, городить, кросны сновать. Изъ молодыхъ рѣдко кто теперь объяснить, почему чтять эту недѣлю. Только кто нибудь изъ стариковъ объяснить, что «у старину прайциць ня можна былѣд па лясу за русалкамы. Качаюцца бывала да вянки уюць ...ну на гряной и всѣредной йета ужо йихъ празникъ, во яны и ня любюць, штобъ работали в падшучаваюць часта».

Если соберется нѣсколько человекъ, стоитъ только предложить вопросъ, почему на гряной у васъ не работаютъ, то каждый изъ присутствующихъ засыпетъ васъ разсказами, что случается въ ховяйствѣ, если кто вздумаетъ работать въ это время.

«О! йета надѣвля ўредная, упрацўня, я разъ дзѣлау рагачъ для сахѣ. Якъ авациўся тыго гѣду ягнѣнакъ, какъ разъ якъ вы бачыця саху, качацца бурдюкомъ на спянь, а ножки у гѣру, паўрѣднн сахи, да ци ни ягнѣнакъ жа! жырны, поўныи такіи! Думау, думау, што тутъ дзѣлаць?... аджа мусю прырѣзаць, ня ѣсць жа ничего, дай-годзи»...

«Нѣ, баронь Божа што небудзь дзѣлаць, усе на скацыни акажѣцца, ни з'роду на мненца, а цяперъ жа, звиняйцы, такая васенняя урежѣя, што усякая скацынка у заняцци ¹⁾, ка:оўка ужо цылна, авѣчачка тожъ»...

«Да во-й са мной у томъ гадѣ прыключылась аказія, начинаецъ разсказъ кто-набудь изъ присутствующихъ: сагнуу я вязокъ къ санямъ, да яще тады и надумау: пусцякъ йета усѣ, большъ нчого, якъ бабскія прихамацѣ. Што жъ бы вы думали! Тожъ авечка акацила ягнѣнка, пара пярэднихъ ногъ ни даць, ни узяць—вязокъ: ножки сагнуты, ни магець хадзиць ни казеўца ²⁾. Жалка миѣ стала ягнѣнка; нѣчага дзѣлаць, зяюу съ савей тѣй вязокъ, што здѣлау и папасѣкъ на шматки. Глянуу у вечары на ягнѣнка, ажъ йонъ ужо и пабрыкуя и ножки спрямились». «Нѣ, вы мянѣ паслухайцы, спѣшитъ добавить третій расказчикъ: «вотъ-то пасѣкъ я абручду, да тамъ жа у лѣси кругомъ пня и загнуу ихъ. Приходжу йета у дворъ... Што такія цѣлка ходзе кругомъ шулы, якъ дурная, якъ разъ якъ я хадзиу кругомъ пня, гнѣушы абручы. Думау, думау, што рабиць? Узяу, да й пасѣкъ абручы и цѣлка атышлаась ать шулы и стала сѣна ѣсць».

Затѣмъ слѣдуютъ безконечные рассказы о томъ, что случилось у сосѣдей, какъ у Платона цыплята крутились, потому что онъ лыки вертѣль. Какъ «покойный бацька на всѣрадной заверты гнѣу», отчего сестра Аудоцця радзилась съ сагнутай ногой; какъ Адарка Жураўцова сновала крѣсны, и потому быкъ ходилъ, опустивши голову, отъ одного угла къ другому и т. д. и т. д.

Всѣ съ удовольствіемъ слушаютъ подобные рассказы и безусловно вѣрятъ имъ. «А я во што вамъ, браццы, скажу, добавляетъ одивъ изъ подгородныхъ жителей г. Стародуба, «Гряная такова, калн хто йетаго ни примѣчая, работая сабѣ на цихиньку, ничѣта яму зъ тагѣ ни бывая; а ви дай Богъ падумашъ абъ гряной за работай, ци хто скажа кинь, ня раби на йетай надѣвля, ну тады ужо яно ня пройдѣя даражъ».

І ю н ь.

Слѣдующее воскресенье за Троицей на 9-й недѣли отъ Пасхи-праздникъ «Всѣхъ Святыхъ и заговѣны на Петровскій постъ.

Наша окрнина отличается обиліемъ праздниковъ, не установленныхъ церковью. Наши крестьяне не работаютъ въ такіе дни, когда въ городахъ, въ присутственныхъ мѣстахъ и даже въ монастыряхъ не полагается никакого празднества. Назовемъ для примѣра нѣкоторые изъ вухъ: полженіе ризъ (т. е. перенесеніе хитона Христа Спасителя) нерукотвореннаго образа, Одигитрія, Тихвинской Божьей Матери, Св. Пантелеймона, Кувьмы и Демьяна и проч. По этому поводу существуетъ слѣдующій рассказъ: каждый разъ, какъ мужики являлись къ вѣмцу-управляющему съ докладомъ, что вавтра праздникъ, нельзя работать, вѣмецъ сердился, во покорялся обычаю.

¹⁾ въ ожиданіи приплода;²⁾ крошка.

Наконецъ приказчикъ объявляетъ, что завтра праздникъ всѣхъ Святыхъ. Обрадовался нѣмецъ: вотъ это очень хорошо, въ одинъ день всѣхъ отпраздновать и конецъ.

Но не въ продолжительномъ времени ему опять донесено было о предстоящемъ праздникѣ Ивана Купалы.

— Гдѣ-жѣ былъ этотъ, когда недавно всѣхъ святыхъ праздновали, кричалъ онъ, потерявши всякое терпѣніе, ахъ, вы лѣнтяи! Оттого вамъ и ѣсть нечего, что вы все праздники себѣ дѣлаете.

Еще кромѣ церковныхъ праздниковъ крестьяне сами себѣ установили пятницы, въ которыхъ нельзя бабамъ пряхть, а мужчинамъ пахать. Никто не расскажетъ вамъ, почему это, но всякій отвѣтитъ: у «пятницу ни пашуць, ни намы йета заведзена, ни намы и кончицца».

Пятницу называютъ святою въ прѣсказкѣ:

Кѣну, разгулялся сляпя,
Проци пяценки святыя.

Бабы, большія любительницы «кляцьбы», если ее подоврѣвають напр. въ веровствѣ пряхи, клянется такъ:

«Святая пяценка, калѣ я яйе бачыла, павылъзъ мнѣ вочы, штобъ я свайго дзичьѣнка ни разу болѣй ни пабачыла, штобъ мяне и самую такъ скруцила, акава тая пряха, а хто яйе увау, нехай таго за пячонки возьма, штобъ йонъ и да вечера выдадѣхау, хто яйе украу, нехай надъ тымъ вараныѣ крахѣя».

Причину, почему въ пятницу не пашутъ и не прядутъ, между тѣмъ какъ прочіи работами занимаются, мѣстные священники объясняютъ такъ: если татары заставляли и русскихъ князей кланяться своему Богу, то могли же они повелѣть, чтобы и народъ читлъ и праздновалъ ихъ пятницу. Приказанія этого народа, конечно, не слушалъ и, только завидя въ пятницу татарина, бросалъ свою работу. А такъ какъ громоздеку соху съ лошадыю и гребень съ стѣйномъ¹⁾ трудно было тотчасъ спрятать, то и рѣшили по пятницу не пахать и не пряхть.

Когда-же народъ узналъ, что въ святцахъ есть святая Параскева, нареченной Пятницы, тогда онъ день пятничный и Святую Параскеву соединилъ въ одно понятіе, а бабѣ воображеніе сдѣлало ее покровительницей пряхи. Они и теперь рассказываютъ что, «у якомся намастырѣ йикона святой пяценки бывая уся у пылу²⁾, якъ бабы мычуць мычки и прядуць по пятницамъ».

12-го іюня Св. Онуфрія. Съ этого дня начинается посѣвъ гречки, которая, если уйдетъ отъ морозовъ—утренниковъ, то родить лучше, чѣмъ рожь.

24-го Ивана Купалы (т. е. рождество Іоанна Крестителя). Наканунѣ Купалы каждый домохозяинъ везетъ или несетъ выкопанную съ корнемъ осинку и кладетъ на ворота. Въ эту ночь ходятъ вѣдьмы, которыя боятся лишь осинового кола. По той же причинѣ хозяйка дома кладетъ съ вечера крапиву жигучку на окно кватырки³⁾, «штобъ вѣдьма пастрикала морду, якъ будзя лѣзть».

Вѣрятъ также въ расцвѣтаніе папоротника въ эту ночь, и кому удастся сорвать этотъ цвѣтокъ, того всѣ желанія сбудутся. Собираютъ знахарскія⁴⁾ травы, особенно кто водится съ нечистымъ. Есть напр. такая трава «любжа»; корень ея представляетъ двѣ руки съ растопыренными пальцами. Но бываетъ такъ, что эти пальцы «сощепнуты», вродѣ того, какъ иногда складываютъ на молитвѣ. Это и есть приворотное велье. Если дать кому этого корня, то съѣвшій его полюбитъ васъ смертельно. Одна старуха рассказывала и конечно, какъ это всегда бываетъ, увѣряла, что сама была очевидцемъ, якъ адна женщѣна хацѣла даць приворотъ пѣну, да передъ тымъ для пробы дала каречнѣкъ у хлѣбѣ зѣѣсць нищай павадырка. Што жъ бы вы думали? Дзичуночка кинула свайхъ старцоу, прышла къ йой жиць, да-й кажа: цѣтачка, я жъ

¹⁾ стѣйно—доска съ дыркой, куда вставляется гребень.

²⁾ пыль. ³⁾ форточка. ⁴⁾ лѣчебныя.

якъ ни пабачу цябе, дыкъ гатова усё на сябѣ парваць, тошна мнѣ, нудна мнѣ, пакуль къ табѣ ни прыду». Эти самыя корни въ видѣ растопыренныхъ пальцевъ есть отворотное зелье. По этому поводу слѣдуетъ такой расказъ: «а во жь мужыку Адашки Зубаревой кто-сь дау атваротъ, дыкъ йонъ яйе ни вочы ни успуская, онѹ, праганяу зъ двара, адн яйе матка побхала ажны у Суражъ. Ой! Тамъ знахаръ хорошій, йонъ такъ йой сказау: я худога ничога ни знаю, ну, помачъ чалавѣку дамъ. Дау йонъ йой вады на тры зарѣ, а на чапвѣртую зарю кажа: йдзи у клѣць, тамъ надъ лутнай у щѣлцы скручано валосья, вотъ ты тоя валосья вынь, да заразы и спалѣ». Што жь бы вы думали, послѣ йетаго стали такъ дружна жыць, якъ галубятнѣ.

«Йосць, йосць худые людзи (я ни мало) продолжаетъ баба свой расказъ, што насыпаюць усякую усячыну. Аужа-жь у Калодзеськахъ насланы были черви куды ни глянн хазиннѣ — у муцѣ черви, у сали черви, дзезжку баба стана мѣсиць — и тамъ черви. Дыкъ тѣй хазиннѣ да бацюшки хадзиу. Бацюшки атчитавау, малебинъ правну. Да тыки йонъ зъ Варцова и знахаря привозну, дыкъ ужо ни знаю, атчагдъ получчила, ци ать бацюшки, ци ать знахаря».

Въ многіхъ сѣлахъ священники неоднократными запрещеніями вывели обычай раскладывать огонь подъ Ивана Купала, но въ иныхъ деревняхъ и по сіе время молодежь собирается съ вечера, раскладываютъ костѣръ гдѣ-нибудь на лугу близъ села, свачуть, перепрыгиваютъ черезъ огонь, при пѣніи пѣсенъ купальныхъ:

Ой рана на Йвана
Проци Йвана ночка мала,
Ой рана на Йвана,
Идзѣ купала начавала,
Ой рана на Йвана
Начавала у чыстамъ пдлі,
Ой рана на Йвана!
У чыстамъ поли, у густомъ жыци,
Ой рана на Йвана

Што купала вичѣрjala,
Ой рана на Йвана
Вичерjала вареники,
Ой рана на Йвана
Чымъ купала запивала?
Ой рана на Йвана
Запивала гарѣлачкай.
Ой рана на мвана.

Трава «любжа» еще называется Иванова голова, растеть она на лугахъ близъ рѣчки или болота. Вотъ къ ней и припѣвъ:

Иванова галава
У балоцы была,
Семъ дзѣнь скакала,

Семъ дзѣнь выжякала,
Семъ дзѣнь высыкала.

Если этотъ припѣвъ относится къ головѣ Іоанна Крестителя, то можно предположить, что онъ сложился при введеніи христіанства, такъ какъ въ немъ видно озлобленіе явчника къ евангельскимъ событіямъ.

Ой рана на Йвана
Пашли дзѣбуки у ягадки,
Ой рана на Йвана
Да тамъ яны заблудзились,
Ой рана на Йвана
Прыблудзились яны къ рѣццы,
Ой рана на Йвана
И къ рѣчаццы Дунаю,
Ой рана на Йвана
Прышло дзѣбукамъ Дунай плыць,
Ой рана на Йвана
Уси дзѣвачки пиряплыли,
Ой рана на Йвана
Сиротачки затонули,

Ой рана на Йвана
Прышли вѣсци да мачыки,
Ой рана на Йвана
Ни жаль жа мнѣ сиротачки,
А жаль жа мнѣ сорочачки,
Ой рана на Йвана
Сорочачка пасканная,
Ой рана на Йвана
Паасочыкъ — матузочыкъ.
Ой рана на Йвана
Пашли дзѣбуки у ягадки,
Ой рана на Йвана
Да у чорную смародыню,
Ой рана на Йвана

Да тамъ яны заблудзились,
Приблудзили къ рѣчацы,
Ой рана на Йвана
Уси дзѣвачки пиряпылы,
Ой рана на Йвана
Адна дзѣвачка затанула,
Ой рана на Йвана
Прышли вѣсци да рѣдныя мацц,
Ой рана на Йвана
Ни жаль жа мнѣ сарочачки,
(со словъ 48 лѣти. женщ. въ д. Барадѣшко, Мглинск. у. въ 1898 году).

Ой рана на Йвана,
Соньняйка играла
Дзѣвачка ваду брала,
Ой рана на Йвана
У ваду упала,
А за йою козачанька,
Ой рана на Йвана

Ой рана на Йвана
Сарочачка альлялая,
Ой рана на Йвана
Саяночыкъ мушкваный,
Ой рана на Йвана
А платочыкъ шауковый,
Ой рана на Йвана
А жаль жа мнѣ дачушачки.
Ой рана на Йвана.

Хоча яне рятавацѣ,
Ой рана на Йвана
Луччы буду, дзячучоначка—
Увадзѣ паталацѣ,
Чымъ съ табою, казачынька,
Дружынаю стацѣ
Ой рана на Йвана.

(отъ той же въ 1898 году).

Кромѣ священниковъ, въ настоящее время въ нѣкоторыхъ селахъ сельскіе старосты, какъ блюстители порядка и общественнаго спокойствія, стали запрещать раскладывать огонь на кущалу. Но молодежь не можетъ отрѣшиться отъ стараго, любимаго обычая и, не смотря ни на что, все таки сборища устраиваются. Но вмѣсто костра отправляются гурьбой на огороды «красць цыбулю» (лукъ). И прежде всего выкапываютъ весь лукъ у батюшки, какъ бы въ отвѣстку за запрещеніе забавы. Недавно (въ 1897 г.) разбиралось у земскаго начальника дѣло по жалобѣ жителей д. Бородинки за кражу луку подъ Ивана Купала.

Что въ селахъ непрѣменно есть нѣсколько бабъ, которыя по временамъ «скидаюцца вѣдьмой» и ходять по ночамъ отнимать молоко у коровъ, въ томъ по деревнямъ и до сіе время рѣдко кто сомнѣвается. Кто изъ бабъ этихъ занимается, узнать по виду трудно; но если набрать золы съ костра на Ивана Купала и стать съ ней на «рѣганькахъ¹⁾, сейчасъ сюда сбѣгутся всѣ сельскія вѣдьмы и будутъ просить отдать имъ золу. Вообще мѣсто скрещиванія переселочныхъ дорогъ считается мѣстомъ нехорошимъ, оттого и принято ставить тамъ распягіе и крестъ для усграненія сборища вѣдьмъ. Молоко отнимаетъ вѣдьма не у однихъ коровъ: такъ, побывавши въ гостяхъ у подозрѣваемой въ вѣдьмовствѣ, сосѣдки говорятъ: «яна мянѣ мытавала²⁾» малакомъ ча-ставаць, да я гребую ѣсць, затымъ, што тамъ ужо у яне каровы и собаачка и кошачка и кабыльля, усякая малако, тоя, што яна ходзя на начамъ да атыняа.

Вообще коровы считаются очень «урдшливы», стоить ее похвалить, позавидовать количеству молока или только посмотрѣть завистливымъ окомъ, т. е. сглазить, то она тотъ же вечеръ не дастъ молока «ни рѣсачки».

Поэтому, всякая старается пронести доенку съ молокомъ такъ, чтобы туда «Вожа храни» кто ни заглянулъ и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ каждая увѣряетъ сосѣдку, что ея корова «трясца даѣ». Попросятъ ли ребенокъ при комънибудь чужомъ молока, хотя бы молоко было въ взобиліи, но хорошаго хозяйка при стороннемъ лицѣ даетъ болѣею частью отвѣтъ въ родѣ слѣдующаго: «пагуляйжа сыннокъ, молока?—подоимъ быка», и затѣмъ говорить въ сторону: «мая корова хваробу» таго малака даѣе, только што даенку памочышь и ваши нечымы забялицы!»

¹⁾ на перекрестныхъ дорогахъ.

²⁾ пробовала.

Или, напримеръ, такого рода разговоръ: «Приходить кума Домна къ кумѣ Ганнѣ. сидятъ во дворѣ на «сѣняшиномъ» парози ¹⁾ гамбюнь, и видя передъ собою рыжаго теленка Домна кажа: да якая жъ, кума, твая цѣлачка пригожынькая, поунынькая, якъ гурочынь, а у майю, дыкъ хто яго вѣдал, баки чагось пауцягала».

«Ганна: нѣ, кумачка, йета жъ твой бычокъ суды зайшоу».

«Во нячыстая сила, а мнѣ жъ то прычудзилася! Якій йонъ тамъ жырвыи, хтобъ и прауду падумау, у яго жъ вонь маглы тарчаць, такіи инудальи чагось урадѣйся».

Если хозяйка слышитъ, что хвалить ея скотину, или даже ребенка, то сейчасъ же сама про себя шепчетъ: «сопъ табѣ у вочы, галауныя у зубы» и старается три раза плюнуть.

Петровка.

Іюньскій постъ передъ Петромъ и Павломъ (29-го Іюня) называется «Пятрдука». Этотъ постъ совмѣстно съ спасовскимъ постомъ передъ Успеньемъ, въ народѣ характеризуется такъ: Пятрдука—галаддука,—Спасаука—ласаука.

По истинѣ голодовка—это вѣрно.

Еще съ великаго поста бабы жалуются што нѣ съ чымъ къ пеццы пристуцицца: усѣ бульба, да бульба, да и тая нищинаая, но дальше—еще хуже. Вскорѣ послѣ пасхи и бульбу прыкончили, а што засталась—то пасѣяли. Довли и вареву, значить—въ погребѣ ни бураковъ, ни капуста, в потому и борщу не съ чего варить. «А ну, зирнешьгу клець, ци ни ма тамъ чаго?—у дзѣжку съ крупамы шкрабь ²⁾ увалнуса, а у бочку съ аржаной мукой и дауно». Значить, за провизіей ни въ погребъ, ни въ амбаръ не ходи. Взамѣнъ всего Богъ весной посылаетъ щавель на лугахъ, его то и варять въ соленой водѣ и «затаукаюць крошкой сала, а у кагд сала нема—зубаляюць малакомъ, это и есть борщъ, то-есть пребезвкусная похлебка. Но и безъ этой запнуки—сухой хлѣбъ жевать было бы неприглядно—а тутъ «сербанешъ цѣлаго и на жывацѣ якась удабнѣй становицца».

Когда же наступаетъ Петровка, то провіантъ еще сокращается, и остается одинъ щавель, который «хоць и атварыть и будзье йонъ цѣпенѣкъ»; но заправить ни саломъ, ни молокомъ нельзя, затымъ, што грѣхъ, только жыды, да паны вѣдзаци у постъ скардшная. И вотъ для этого у нихъ съ Марта мѣсяца въ погребѣ заготовлень березовый квасъ. Къ этому времени вырастаетъ на грядкахъ лабода, которую тоже отвариваютъ, разбавляютъ березовымъ квасомъ, и тогда получается холодецъ, благо на дворѣ въ Іюнь довольно жарко, а потому уже «холодная якась пріятнѣй на жывацѣ». И вотъ изо дня въ день всю петровку хлѣбъ и холодецъ, холодецъ и хлѣбъ и т. д. Единственной доступной приправой къ такой лабодѣ съ квасомъ могъ бы служить лукъ зеленый, но въ нашей землѣ съ глинистой подпочвой корнеплодыя растенія плохо родятъ, и потому изъ нашихъ бабъ только кое кто садить лукъ, и то въ такомъ маломъ количествѣ, что его, какъ любимое лакомство, сейчасъ же дѣти и свои и чужіе повытаскиваютъ и поѣдаютъ.

Ну, какъ тутъ при такой скудости не залѣзть въ чужой лѣсъ и надрать хоть лыкъ на покупку сѣстного для подкрѣпленія. Вотъ, дождавшись базарнаго дня и «навѣзъ йонъ пѣду воза лазы и дзесяць копъ лыкъ. То-то гостинцевъ въ дворъ навезъ! «Крамя аржанай муки яще цѣлыи пукъ зялѣныи цыбулл. Во натаукали бабы перьяу ³⁾, трохи пасалпли, да и вли уси съ хлѣбамъ, такъ смашна, што ажны за вушамы трыщиць. Яще привезъ тры хунты пшана, то ужо для дзацинка, а яще жъ дзясгакъ таранакъ купну». И вотъ по этому варится борщъ изъ той же лабоды в

¹⁾ На ворогѣ въ сѣняхъ.

²⁾ Когда въ пустую дежку опустить руку или посуду, то она поскребетъ дно, «шкрабня».

³⁾ Зеленые стволы лука.

квасу и на ведерный горшок расталкивается одна полтора копеечная рыбка. «Ядзяць и спасибоаюць, во слава Богу хоць трохи жывоць панарыць, а то усё йегый халадзець, да халадзець, ужо кйшкы папримывау; бизъ гарячаго, па йетамъ щаумо и ногъ ня пацягнешь, абрыдъ ужо йегый халадзець». Бабы въ Петровку заготовляютъ сухой соленый сыръ къ маслянкѣ, складываютъ его въ дежку и сверху, во избѣжаніе плѣсени, заливаютъ масломъ въ палець толщиною. Которая же изъ нихъ собереть трохи маслячка, то опять таки «ни для свайой души», а скорѣй его свѣженькимъ «прадасць ци панамъ, ци жидавъ, да й хлѣбца купя».

Оттого-то въ Петровку мало и пѣсенъ слышится, развѣ какой нибудь подростожь съ юной радости затянетъ пѣсенку, раввши щавель, да скоро и затихнетъ.

На просьбу спѣть онъ отвѣчаетъ:

У Пятроуку усе ни прыгожыя пѣсни, кароткія, ни складныя.

Однако же какія?

Да ну—йихъ! Тамъ йетыя дзѣуки пяюць:

Кацилися вазы зъ гары,
Разсыпалісь перени,
Минуліся дзьявція
Пятроускія пѣсни.

Ѣхали вазы зъ гары,
Разсыпалісь иглы,
Минуліся дзьявція
Пятроускія йгры.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда).

Во йету пяюць:

Я жыта пасѣяла,
Маё жыта рѣдзя,
Я казака спалюбіла
Йонъ да няне хѣдзя.
Я ни стала жыта сѣяць,
Ни стала радзниця,
Пиристала казака любіцы,
Ни стау йонъ хадзниця.
Я табѣ ни зяць,
А ты мнѣ ня цѣща,
Вышли дачку на вулицу,
Уцѣшь маё сердца.
Вышла дачка на вулицу,
Стала падъ вярбоу,
Нихто яйе ни чапая,

Пашла яна у дѣдру.
Катилися вазы зъ гары,
Паламалися сьпійцы.
Пашли нашы рыбятачки
На украинну жыцця.
Пойшла жъ бы я даганяты,
Да боюся мати.
Была мяне мая маці
У нован камнѣцы.
Ня би, маці,
Ня би, маці,
Цяперъ ни навучышь,
Спалюбіла лідачаго,
Цяперъ ни разлучышь.

(Отъ 18-ти лѣтн. дѣвки, въ с. Михайловкѣ, Стародуб. уѣзда).

Хаджу, хаджу кала стѣву,
Вадѣ ни дастану,
Сватай мянѣ, разсукнѣ сынѣ,
Ня уведзѣ у худу славу.
Хаджу, хаджу кала гаю,
Гаѣчыкъ ня гвѣнца

Прѣйдуць лѣта маладѣе,
Славачка минѣнца,
А я худой славы
Па вѣкъ ни баюся,
Ну, якъ выйду за вѣроты,
Атѣ вѣтру валѣся.

(д. Жигалки, Стародубскаго уѣзда).

29-го Іюня Петра и Павла. Разговѣны. Говядины за неимѣніемъ таковой не полагаются, развѣ у кого курочка ильцеца (т. е. несетъ жировыя яйца), тогда зарѣжутъ ее; разговляютъ же больше «карсунымъ», т. е. молочнымъ.

Въ этотъ день съ каждаго двора несутъ пастуху кувшинъ молока к навадзень хлѣба, въ то время, когда онъ возлѣ своей хаты начнетъ трубить въ трубу изъ бересты.

І ю л ь.

1-го числа Козьмы и Демьяна. Это простонародный измышленный праздникъ, такъ называемый Кузьма-сѣкать, который не щадя посѣчетъ все градоу, если въ этотъ день работать.

Лѣтомъ, когда все земледѣльческое богатство сдано подь открытое небо, въ охрану Божию, крестьянинъ съ надеждой и боязнью взираетъ на собирающіяся облака: поднимется ли вѣтеръ, зайдетъ ли солнышко въ хмару, уже у него болитъ сердце: «ци ня градавѣя туча, нехай Богъ крыя».

И дѣйствительно, какъ не бояться такой кары, которая въ одинъ часъ можетъ безъ всякой жалости уничтожить всю лѣтнюю работу и все годовое продовольствіе. Оттого, въ лѣтніе мѣсяцы, особенно въ Іюль мѣсяцѣ, въ самую рабочую пору, народъ старается чтить каждый праздникъ, боясь прогнѣвать какого нибудь святого. Въ Іюль у нихъ насчитывается одиннадцать праздничныхъ дней, плюсь четыре воскресныя и еще тезоименитство Государыни (22), что составитъ 16 праздниковъ, итого изъ 31 дн.—16 надо прогулять въ самую горячую, страдную пору.

2-го празднуютъ «риз-палаженья» положеніе ризы пресвятыя Богородицы.

8-го «Казанскія»—Казанской Божіей Матери.

10-го то же «риз-палаженья» Положеніе ризы Господа Иисуса Христа.

11-го Вольга, т. е. Св. Ольги.

15-го Владѣмира—т. е. Св. Князя Владиміра.

20-го Ильи пророка. Этотъ день особенно чтятъ, боясь прогнѣвить пророка, который ѣздитъ по небу и производитъ громъ, градъ и проч.

22-го Тезоименитство нынѣ вдовствующей Государыни.

24-го Глѣба—Бориса, т. е. Бориса и Глѣба. Празднуютъ этихъ святыхъ только по случайному созвучію словъ Глѣбъ—хлѣбъ и возвели его въ покровители хлѣба и въ этотъ день особенно боятся града и грозы.

28-го Ягитрія, т. е. Одыгитрія иконы Божіей Матери.

30-го Ивана-воина. Если желаютъ наказать и отгнать злѣйшему врагу и обидчику, то наняваютъ священника отслужить молебенъ Ивану-воину, который послѣ молебствія пошлетъ обидчику страшное наказаніе.

На сѣнокосахъ.

Съ уборкой сѣнокосовъ у насъ не торопятся. Начинаютъ косить не раньше 10-го Іюля. Ждутъ, чтобъ трава пастарѣла, оттого, что такое сѣно, говорятъ они, спорнѣй, чѣмъ съ молодой травы и «скацына здравѣй на живацѣ».

Падкашѣна, наднавалѣна
Травушка зелѣна,
Стала траука насыхѣна,
Туманъ палагаци,
Дробинъ дожджыкъ закурѣуся,
Парынь зъ дѣвничай залюбѣуся,
Йонъ и вѣлячки рашѣуся ¹⁾.

Охъ и што каму за дѣвѣла,
Што дѣвѣчка съ парнякъ сѣла,
Ява сѣла, пасадзѣла,
Пѣсянки запѣла,
Пра лѣсь пра дубрѣву,
Пра зелѣную мурѣву,
Траука зелѣная—дѣвука маладая.

(въ с. Росухѣ въ 1897 г., отъ 65-лѣтн. женщины).

¹⁾ Отрѣшился.

Што-й у дѣси, да й на сѣнакоси
Парнишачка да траву кося,
Тѣжъ, мой коникъ, траву зиланую,
Привлзешъ миѣ у дворѣ

(Отъ той же въ 1897 году).

Жану маладую,
Харошую да прыгожую,
Вужную да разумную
Маладую да Адарачку.

Идѣ зъ милымъ пастаяла
Тамъ траука павѣла.
Што—й—за мѣстамъ
Травѣ кустамъ.
Пришоу милый
Травы касиць
Да—й стау гаварницъ:
Бадай сѣна—агнѣмъ сѣла

Каса зламйлася,
Да штобъ мал Тацѣначка
Да—й—ни журылася.
Зѣ бацькамъ, зѣ маткай пасварюся,
Грихѣ набарюся,
Зѣ милымъ дружкомъ
Сустрѣнуса, ни нагаварюся.

(д. Водвинки, Мглинского уѣзда, въ 1896 г. отъ 60-лѣтн. женщины).

Н а ж н и в ѣ .

Жать жито и косить сѣно начинаютъ у насъ между 10-мъ и 15-мъ Юля.

Передъ жнивомъ въ полѣсьѣ рѣдко у кого есть свой хлѣбъ. И купить его негдѣ, кромѣ, какъ у «жида», который беретъ на каждомъ пудѣ по гривеннику лишняго.

А между тѣмъ, кушленный хлѣбъ «крѣпко не спорентъ», зато его ѣдятъ уже якъ прѣскурку ¹⁾, миркуюць ²⁾, чтобы хватило до новины, и ждутъ, не дождутся «пакуль жита паспѣя»...

Иная, проголодавшись, не прочь бы нажать и зеленятаго, но ей этого не позволятъ, потому что, по народному повѣрью, стоять хоть разъ «рязануць саридмъ, нажаць хоць жиньку ни у уремья,—жита стая сохнуць и выснацца».

Наконецъ давно желанный день насталь, чуть разсвѣтало, всѣ потянулись съ серпами. Оставаться во время жнива дома по какой бы то ни было причинѣ и скучно и досадно. Каждая считаетъ за удовольствіе поскорѣй стать въ ряды «жанцоу». Не мѣдъ ждетъ ее тамъ, но она любитъ свою страдную пору и ее тянетъ на ниву...

Тяжко съ ранней поры до поздняго вечера проработать серпомъ, согнувши спину, подъ палящимъ знойнымъ солнцемъ, но она никогда не промѣняетъ полевого труда на домашній, потому что въ чистомъ полѣ, на просторѣ, ускользають временно и горькія думы и мелкія хлопоты о насущномъ. Остается, какъ кристалъ одинъ чистый трудъ безъ заботы.

Не даромъ въ одной жнивной пѣсни поется.

«Я тутъ заначую
И журбы ниначую».

Ой дамѣу, дамѣу ³⁾,
На дварѣ ми рана
Расица прыпала.
Дамѣу ни найду,
Я тутъ заначую
И журбы ни начую.
Якъ ляжу я спаць
Падъ липавымъ кустамъ
Падъ шырокимъ листамъ,
Рувау пасцалѣ,

Другимъ напрунуса,
Я й никого ни баюся,
Тольки я баюся,
Што—й Господа Бога,
Да свайго нилубдга.
Гасподзь—Богъ висока,
А не любъ далѣка.
Гасподзь—Богъ у свѣци,
А не любъ у влѣци.

(с. Росуха, Мглинского уѣзда, со словъ 40-лѣтн. женщины въ 1897 г.).

¹⁾ Просфору. ²⁾ Расчисляютъ. ³⁾ Домой.

Дологъ и однообразенъ жаркій день на живѣ. Ни звука кругомъ... Безъ конца, колеблясь, шумятъ желтые колосья и убаюкиваютъ жницу тихимъ шелестомъ. Оттого подъ часъ нападаетъ на нее такого рода напасть, дремлетъ ей, бѣдной... она и сама не рада, но наклонить ея голованьку ко сну, какъ клонить сивѣлый колосокъ къ замлицѣ, а заснешь—на сусѣдній палосцы будуще смѣнца. Въ этомъ случаѣ одно гварство—пѣть, и вотъ является пѣсня, по неволѣ тянется она ее заунывнымъ напѣвомъ, какъ тянутся страдныя дни, которымъ «нима ни канца, ни беряга».

Въ этихъ пѣсняхъ содержаніе берется изъ обыденной жизни, гдѣ большею частью злобой дня является всегдашній непримиримый врагъ: свекровь и вся мужняя родня.

Была у мяне свякруха лиха,
Паслала мяне маладу
У пѣля адну,
Я маладѣ—адна баўся,
Ни такъ баюся,
Якъ жаць лянюся.
Я жыта ни жала,
А усе лажала.
Прашнулася—ужѣ ни рана,
Стала жаць,
Стала пилнаваць ¹⁾
Нажала дзвѣ копы и чатыри (снопа).
Пашла у дворъ—пахвалалася,
Ой маць, мая маць,
Я умарылася,
Якъ глянула у хату
Схаминулася ²⁾

(с. Росуха, со словъ 30-лѣтн. женщины въ 1898 году).

Ажанна удоуза ³⁾
Старшаго сыночка,
Узяла нявѣстачку
Ни у нарау сабѣ,
Ни на бѣла лицо,
Ни на чорны бровы.
Паўхау сынъ у дарожачку,—
Маладая жана—у сьцьепѣ лѣну браць,
А ня родная матушка
Стала яѣ клясь.
О сьцьепѣ, ты мой сьцьепѣ
Стань дайнаю,
Маладая нявѣстка,
Стань—былинаю.
Пріѣжджая сынъ зъ дороги
Да—й—пытая сваю матухну:
Ой, маць мая, матухна,
Да йдзѣ-жъ мая жонушка?
Твая жана у сьцяпу лѣнѣ бярэ,

(д. Шапочка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 25-лѣтн. женщ. въ 1896 г.).
(Ст. Шейнѣ блр. пѣсни, т. I, ч. 1, стр. 399, № 486, 484, 489).

На поли дзвца прызабылася,
Растаяя ты, прайетаяя,
Идзи, сука, б . . . дѣ,
Дзвцятки шукаць.
Иду я поля, и другога,
Усходжу я на трѣцье,
Стаяць пѣлачки,
Висць люличка,
Кала тыя люличка
Да тры нянички сѣрыя:
Адзінъ кажа: я забавляу,
Другіі кажа: я калыху,
Трѣціі кажа я спавивау,
Хто забавляу, тѣй ручку вламау—
Хто калыхау—тѣй ножку атарвау,
А хто спавивау, той саусимъ укрѣау.

Охъ я тамъ у сьцяпу быу,
И жанѣ ни видау,
Тольки—й—видѣу я
Тонкую былинначку,
Ой сынокъ мой, сынокъ,
Бяры ты сякѣру ⁴⁾,
Да йдзи у далину,
Да—й—сьсяки былину.
Першъ ⁵⁾ цюкнуу—нахилилася,
У други цюкнуу—павалилася.
У трѣцци цюкнуу—абъявилася.
Ай, мужъ ты, мой мужъ,
Я твая жана.
Йета твая маці
Такъ нарабила,
У сьцьяпу былинаю
Да—й нарадзила,
Нашихъ дробныхъ дзѣтчаць,
Да—й пасираццала.

¹⁾ Усердно работать. ²⁾ Опомнилась.

³⁾ Вдовы. ⁴⁾ Топоръ. ⁵⁾ Сперва.

Голубъ сызынкій—дружокъ миленькій
Завезъ мяне маладу на чужую старану,
Идзѣ роду нема, вяліка сецья,
Вяліка сецья вчераць стала,
А мяне маладу—паслалі на ваду,
Къ вадзѣ ішла—сілна плакала,
Ваду чѣрпаушы, умывалася,
Своимъ шытымъ рукавомъ утиралася
А у сѣни выпшла—прислухалася,
Што вяліка сецья гавбры:
Вяліка сецья мужа навбдзя,
Чаму ты жану ня бьешъ, ни дзярешъ?
За што ябѣ бецъ?—што умѣя рабѣць?
И усимъ наравіць?

Пашла жану у кѣбѣ,
Мужъ за йою у слѣдъ,
Здѣву ¹⁾ съ крѣпка плецъ.
Стау жану сѣць.
Узяу цалѣкъ,
Стау жану бецъ,
Ни панау на жагѣ,
Да на новай сцягѣ,
Новая сцяна увагнулася,
Маладая жану улякнулася ²⁾,
Сілна крѣпка яна завядужала ³⁾,
А кѣ выдзѣлі у начы
Богу душачку атдала.

(Отъ той же въ 1896 году).

Якъ паѣхау мой мужыкъ
Гарбду—пахаци,
Напаху—жа йонъ гарбду
На гряду квасдлі,
Да—й—прыѣхау да доманьку.
Стау жонку прасіцы—
Идзі, жонка, идзі, любка,
Квасолі садзіцы.
Пасадзіла я квасдлю
И пайшла да дому,
Заглянула у шыночкѣ
Сядзіць мужъ съ кумдлю,
Наужд-жъ ⁴⁾ табѣ, кума мая,
У дварѣ йма дзѣла,
Што-ты зѣ майнѣ чалавѣкамъ

У шинку заѣла?
А я свайо, кума, дзѣла
Ябѣ учѣра парабіла,
А я твайго чалавѣка
Дауно спалюбіла.
Идзі, жонка, идзі, любка,
Вчэрю варыцы,
Стау ябѣ мужычокъ
Да сільна прасіцы,
Наварыла баршчу—вашы
Усѣ поуныя чашы,
Атварнулася у куточкѣ,
Наплакала трешкі,
Нагнулася къ полу—
Уцѣрлася палюю.

(с. Задубенъе, Мглинскаго уѣзда, со словъ 22-лѣтн. женщины въ 1899 г.).

Якъ пайду я лугамъ,
Мой миленькій паша плугамъ,
Панясу яму я ѣсці,
Ци ня скажа йонъ мнѣ сѣсьці,
Панясу яму я шецъ,
Ци ня будзѣ гаманіць ⁵⁾.
Йонъ наѣуса и напуса,

Сѣу на плугъ да—й—зажурмуся,
Атчаго ты, милъ, заплакау,
Ци ты лѣта свайи утраціу,
Ци вылѣзла табѣ вѣчы,
Ци ты сватау мянѣ нѣччы?
Было свѣтла запаліцы,
У сусѣдзі распрасіцы.

(д. Новыя Ивойтены, со словъ 22-лѣтн. женщины въ 1899 года Мглинскаго уѣзда).

Извнуса хмѣль
Зѣ берѣзаю зялянѣю,
Нажнуса Лявонъ
Жѣ жанѣ маладѣю.
Нанаснуса сарочакъ бялѣнкихъ,
Штанѣю альянѣнкихъ.
Богъ яму дау
Жану маладѣю

Сямью висалюю:
У поля идучъ,
Якъ пчелки гудучъ,
Да усѣ баравыя.
Сы поля идучъ—
Пѣсянкі пѣдчъ,
Да усѣ жнунныя.

(отъ той же въ 1899 году).

¹⁾ Связь. ²⁾ Испугалася. ³⁾ Заболѣла. ⁴⁾ Неужели. ⁵⁾ Говорить.

Што—й вы мушки, комарыки мае,
Ни оть кусанья галавѣ мая балѣць
Атѣ галдуки бѣла личанька 1) гарыць
Што—й—гарыць, яно гарыць,
Свайму горю—наравіць.
Охъ и хто-жъ майму горю памѣжа
Охъ и хто-жъ майго дружка угавѣра?
И хто-жъ яго съ пѣдварѣдги вѣрня? 2)
Ахъ! вярнѣсь ты, мой миленькій дружѣкъ,

(Со словъ 45-лѣтн. женщины въ д. Жуково, Мглинскаго уѣзда въ 1897 году).

У Кіевѣ малчыкъ радѣўся,
У Пяцябурсѣ 3) йонѣ храціўся,
У дзярѣўнюшкѣ жыць папаў.
Найшли на Ванячку забѣты,
Дзяривеньскія работы,
Йонѣ и ночку мала спаў,
На Пяцярѣ гарываў,
Якъ паслала Йвана маці
Яравого жыта жаці.
Узыходзя Йванѣ на нѣўку,
Вярѣцца за каласіўку,
Важка Валя уздыхаў,

(д. Шапочка, оть 22-лѣтн. женщины въ 1898 году, Мглинскаго уѣзда).

Вѣлая бярѣза пры шліху стала,
Што—й тую бярѣзу—хто йдзе, тѣй
рубля,
Мяне маладу свѣкарѣ бьець, ругая,
Охъ Божа, мой Божа, милѣ мяне нялюба.
Са мной ня гаворя,
Вѣчарѣ кудры чѣша,
У пѣуначѣ гуляць хѣдзя,
А къ свѣту прыхѣдзя.
Йонѣ лажыцца спаць
У край—карватки 5),

(Отъ той же въ 1899 году).

Въ д. Дупекахъ предъвдущую пѣсню поюць такъ:

Што мнѣ горя гареваньяйка,
Цижалѣнькая уздыханьяйка,
Цижалѣй таго ня будзя,
Да што мужѣ жаны ня любя.
Йонѣ ня любя, ни жалѣя,
Сы вѣчара кудры чѣша,
Сы паўночы гуляць хѣдзя,
Къ бѣлу свѣту прыхѣдзя,
Ой што стукѣ пастукѣ у варѣты,
Ой да брыз па брыз калечка,
Жанѣ шельми ни славечка.
Атчиняй, жана, варѣты,
Идзѣ миленькій зѣ работы,

(со сл. 40-лѣтн. женщины въ 1899 г. въ д. Дупекахъ, Стародубскаго уѣзда).

Пойдзѣмъ мы у зялѣннѣй сядокѣ,
Тамъ мы сядзѣмъ падѣ ракітовымъ кустомѣ,
Пагавѣрѣмъ пра жѣцѣ, быцѣ сваю,
Пра валикую любѣ, якова любѣу на свѣци
цижала,
Разлучила насѣ ни мѣсяцѣ, ни заря,
Разлучила чужа далня старана
Да Маскоўская слабада.

Ни снапочка ни нажда.
Найшла на Йвана смѣка,
Парѣзау йонѣ бѣлые рѣки,
Палилася нѣжна крѣу,
Яго сударушка прыбывала,
Платѣмъ рѣку завывала,
Штобѣ крѣу ни цяклѣ 4),
Пайду къ матушцы далажуся,
Ка сударушки спрашуся,
Ты пазволь мнѣ, мая маць,
Къ сударушкѣ пагуляць.

Къ спянѣ вачамъ,
А ка мнѣ плічамъ,
Да—й цяжка уздыхаў,
Охъ Божа-жѣ мой, Божа,
Хто мянѣ разѣя,
Хоць разѣ пацалѣя.
Миленькій дружочыкъ,
Хадзі, я раззую,
Хоць семѣ пацалѣю.
Атступіся, ня любая,
Йосць у мянѣ другая.

Што—й дни 6), жана, лучину,
Станоу жана вячэрѣ,
Сьцяди мѣккую пасѣлю.
Сюдн, миленькій, разѣю,
Я й разѣю, я й раздѣўю,
Зеленѣ кафтанѣ развѣўшу.
Атступіся, ня любая,
Йосць у мяне другая.
Хоць у цябѣ тры чатѣра,
Я надѣ йми надѣ усны,
Я надѣ йми и старшая и болшая,
Я съ тобой на одноѣ рушничку стаала,
Вѣрна Богу прысягала.

1) Лицо. 2) Воротивъ. 3) Петербургъ. 4) Отъ сл. течь, текла. 5) Кровать. 6) Дуй.

Падъ гарою авёсь,
А на гарэ жита.
Падъ б'ялаю бярэзаю
Казаченька убитыѣ.
Йонъ убить, убить,
Укинуть у жыта,
Чырвонаю кытайкаю ¹⁾
Личанька накрыта.
Прышла дзяучына
Щъ чорныи вачамы
Падняла кытайку

Да й пацалавала,
Прышла другая,
То ни такая.
Прышла трецця
Зъ рубленны хаты,
Падняла кытайчу
Да й стала пытаци:
Ци ты пьянъ уйнуся,
Ци съ каня звалюся,
Ци зъ другой спазнауса,
Атъ мянѣ тцурауса.

(д. Шапочка, Мглинского уѣзда, со словъ 25-лѣтн. женщины въ 1897 году).

Литала сѣрая прыпѣлка
Да на жѣтаму полю,
Шукала сѣрая прыпѣлка
Свайго гнядзѣчка,
Идзѣ лижала яйе яйѣчка,
Идзѣ дзѣтки садзѣли,
И у палѣтъ палязѣли.
Хадзила бѣдная сирацѣнка
На багатаму полю,
Шукала бѣдная сирацѣнка
Свайго роднаго бацьки,

А знайшла студзеную вадзицу
У рубляномъ калодцу.
Ускалыхнися вадѣ
У рублѣнамъ калодцу,
Атгувнися, мой бацюшка,
На чужой старднцы.
Ни скалыхнулася вадѣ
У рубляномъ калодцу,
Ни атгукнуўся бацюшка
На чужой старднцы.

(с. Човпя, Стародубскаго уѣзда, со словъ 59-лѣтн. женщины въ 1899 году).
(См. Шейнъ, бар. пѣсни. Стр. 256. № 285, 284. Стр. 424, № 520).

Ойтъ, силазѣнька крылушки быстреньки,
Галоука сызѣнька,
Праляци поля шырокае, жыта ядрѣная,
Приняси бацькаву нѣгу
Къ на лѣбаму свѣкру,
Што—й у свекра мяне

Якъ ануцкаю ²⁾ труць—
Свѣкрава лютасць
И у дзвери ня лѣзя,
А бацькава нѣга,
Якъ жаркая соньянка.

(Отъ той же въ 1899 году).

У поли пшаница
Коласочки клича,
Коласамъ махая,
Голасамъ гукая—
Хоць мянѣ сажняца,
Хоць у стволѣ пусцяца,
Ни магу стаяца,
Кюласу дзержаца,

Красная дзяучына
Па двару хадзѣла,
Зъ бацькамъ гаманѣла—
Хоць мянѣ атдайца,
Хоць заяц прымайца,
Ни могу хадзѣца,
Русыхъ косъ насыца.

(д. Жлгалки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 18-лѣтн. дѣвушки въ 1895 году).
(См. Шейнъ, бѣлор. пѣс. Т. 1, ч. 1, стр. 193, 194. № 196 и 197).

Съ весны дѣвки поють пѣсни про милыхъ дружокъ. и бабы, конечно, дѣвицкихъ пѣсень не поють; но на живѣ и тѣ и другія поють однѣ и тѣ же пѣсни. И любимае пѣсни о нелюбомъ свѣкрѣ.

Ни шалуха да буѣнѣ вицярѣчкы
Па багатаму полю,
Ни какѣхня ³⁾ нярдная мѣци

Па чужою дзвняца,
Ня пытѣя, ци вялика дарѣжка,
Ци баяць ручки ножки,

¹⁾ Марля. ²⁾ Трапкою. ³⁾ Не вздохнеть.

Ци балиць сярэдзніка, ¹⁾?
А яна пытая,
Ци багата нажала,
Сколькі коць наклала?
Вся вцярочыць
Па чыстаму полю,
Журыцца родная маці
Па свайму дзядзіці,

(с. Коженякі, Мглинскаго ўада, со словъ 19-лѣтн. дѣвки въ 1899 г.).

Расцьё трава безкарённая,
А я малада—безродная.
Толькі у мяне роду,
Што адзінъ свѣкаръ.
Видць—журыць
Мяне йосць каму,
Пажалць мяне нѣкаму.
Свѣкаръка родный, татухна!
Пажалтй мяне хоць ты трошачки!
Свѣкаръка жалѣя:
Вожачки барѣ,
Мяне бѣдна бѣе.
Набѣуши бѣдна,
Самъ у пиръ пашду.
У пирѣ сядзіць

(Отъ той же въ 1899 году).

Вѣцаръ вѣе,
Траўку суша,
Игнаць жану жури:
Жана мая Парасачка,
Жана мая Иванауна,
Ци вино—ни упивайся

(Отъ той же въ 1899 году).

«На дабрѣнаць да-й Гдсподу Богу!
Жыта ядрѣная, добрый вечаръ!
И свѣкру й свякруси
И ня любаму друзн!»
А нхто маладзѣ ²⁾
Слова ни прамоуя,
Серца ни ражжала. ⁴⁾
Прамовила малада
Ня любаму дружнни
У новай каморы,
На бѣлинькамъ ложы,
Свекруха й каже:
Вы бяриця, да па калѣ у руки,
Праганиця са двара
Лѣтаю мядзвѣдзіцу».
«На што мяне биць
Я сама зъ двара найду,
Ручки зацанѣушы,

(Отъ той же въ 1899 году).

А яна пытая,
Ци багата нажала
Колькі коць наклала?
А яна пытая:
Ци вяліка дарѣжа,
Ци баляць ручки ножки,
Ци балиць сярэдзніка?

Выхваляйница:
Добре биць чужбѣ дзядці,
Чужою дзядці ни сулорлива ²⁾,
Яно у споръ няйдзѣць
Ни т'бывайница,
Толькі слѣзкамы
Аблывайница,
Ой дау жа мнѣ свекаръ крали,
Крали добрыя.
Нявѣстухна, ты дзядца майо,
Няси крали, ни развѣзывай,
Цярпи горя—ни расказавай!
Свѣкаръка, родный татухна,
Панасѣуши крали,—развѣзаць трѣба,
Цяриѣушы горя—расказаць трѣба.

Расцьи дзѣтакъ—ни старѣйся
Дзяржи хазяйства—ни журыся.
Игнацячка, ты, Давілавичъ,
Пиушы медъ—вино, пьянъ будзись,
Расцѣушы дзѣтакъ—будзись старица
Дзяржаушы хазяйства журилу будзись

Къ серцу прилажнушы.
Сяду я ва бѣлай бярэзи
При пуцѣ при дарѣзи,
Ня буду я кукаваца,
Якъ сѣрая вязюличка.
Да буду я пракилинаца
Свекра и свякруху
И ня люба друга,
Няси, Божа, тучу грамавѣю
Зъ буйными дажджамы,
Уби Божа свекра и свякруху
И ня лѣба друга,
Свѣкра у дарѣзи,
Свякруху на парѣзи
А ня любога лада
У новай каморы,
На бѣлинькамъ ложы.

¹⁾ Спина. ²⁾ Не сопротивляется. ³⁾ Молодой. ⁴⁾ Разжалобить.

Зѣлина, зѣлина калиначка у лѣзи,
 Йена зѣлена зломлина.
 Кто жъ яѣе зламѣу?
 Салавейки—вирыбѣйки,
 Усѣ мелкія пташки.
 Мѣлада, мѣлада Арыначка у бацьки,
 Йена малада заручѣна,
 Кто-жъ яѣе заручѣу?
 Пандуйе, сватууйе,
 Усѣ дѣвуны байры
 Прыѣхали къ йой
 На варѣномъ канѣчку
 У мулывадомъ вазочку,
 Зъ маладымъ парянѣчкамъ,
 Пасадзили у вазочкѣ
 Зъ маладымъ парянѣчкамъ.
 Навязли яѣе усѣ лугамы, бираганы

Калинавымъ мѣстамъ.
 Привязалі яѣе у сядо вялікая
 Къ багатаму ка двару.
 Да и вышлі жъ и къ йой
 Свекаръ и свякруха,
 Залѣуки лѣтѣуки,
 Дзівяречки—братѣчки
 Сталі яѣе витаць ¹⁾ и пытаць
 Ума пражадаць.
 Ці умѣешъ, Арыначка,
 Чѣрнымъ шѣукамъ шыць
 И зѣлатамъ вышываць?
 Я ня умѣю чѣрнымъ шѣукомъ шыць
 И зѣлатамъ вышываць,
 Толькі—й—умѣю
 Йядрѣная жыта жѣцц
 У кѣпачкі класьці.

(Со словъ той же въ 1899 году).

Што у полі ні бубнѣ вѣцпиръ вѣя,
 Тамъ удоука да пшаничаньку сѣя.
 Пасѣяушы, яна Бога прасіла:
 Кали жъ бы мая да пшаница урадзіла,
 Тады жъ бы я свайго сына жаніла.
 Яѣе удоука да да дому ні дайшла,
 Да ужо-жъ яѣе да пшаничанька узыйшла
 Яѣе удоука да на лауцы ня сѣла,
 А ужо-жъ удоукина да пшаница пасѣла.
 Пашла удоука да пшавічавькі жѣцц,
 Якъ выжала пріяѣлачку зъ дѣццым
 Дѣткі жъ майе, да прапала жъ я зъ мамы,
 Матка наша ня журыся ты мамы,
 Парасуцькі жа мы,—паляцкімъ жа мы сѣны,
 Паляцкімъ жа мы, да на сніяя моря, на жаутыя пяска.

(Въ 1858 году заучено мною отъ 20 лѣт. дѣвк.).

Ня вѣйца вы, вѣтры,
 Зъ гары да дѣму
 Сѣ чыстаго пѣля
 Ні навосьцы, вѣтры,
 Майму тѣтухні вѣсця,
 Мамухні жалосьцы,
 Што-й-жыву я ні у любѣсці
 Ні жыву—гарюю,
 Усѣ бѣду бѣдую.
 Закуруся сіленѣ дробнѣ дожджыкѣ
 Па багатаму полю,
 Закуруся мой тѣтухна рѣдны

На свайой старонцы,
 Па майой гѣркой дѣлцы.
 А курьсь, ні курьсь, дробнѣ дожджыкѣ,
 Па жѣбутому полю,
 Журьсь, ні журьсь, мой тѣтухна рѣдны,
 У канцы карваткі стаѣ,
 Пасѣбелячки ні сцялю.
 Ужо жъ мая пасѣбеляка
 Атъ слѣзакъ макрѣнька.
 Ужѣ жъ майѣ адѣбѣла у нагѣхъ ляжыць,
 Ужо мая разлѣука у галѣукахъ стайнѣц
 Мѣвѣ разлучаѣя.

(с. Горяны, Мглинскаго у., отъ 18 лѣт. дѣвк., въ 1899 г.).

¹⁾ Привѣтствовать.

Да ни запякѣй,
Ты жаркая сонца,
Майго бѣлаго лица,
Да майо лицо
Визь бялыла бѣла,
Визь красыла-красна.

(д. Бородинка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 18-лѣт. дѣвки, въ 1898 г.).

У вѣчары у вѣчарѣчку
Гнала дзѣвица карбу,
Спустилася къ ручаѣчку,
На зялённѣй лужбкѣ
Ѣдзя барынь маладѣй,
Параунауся са мной.
Раскажы-ка ты, дзяучѣнка,
Съ котораго ты сяла?
Изъ Пятроускаго сяла,

(Отъ той-же, въ 1898 г.).

Вѣлячка—да на мѣры,
Кримлячко—у калѣры.
Ну-ця—ну-ця, ще напильница
Вѣчернай парой,
Халадкѣмъ зъ расой,
Сярпомъ—ни касою.

Я хрысцянка твая.
Кали ты мая хрысцянка,
Пойдзись замужъ за мянѣ,
Што-й-ня можна таму стаць,
Штобъ пѣну хрысцянку узяць.
Ой пабачышь ты сама,
Якова твая судзѣба:
Ты см вѣчара хрысцянка,
Къ бѣлу свѣту гаспажа.

На заваці жаркая соньяйка, на заваці, У вялікую любоу ни удавайся
На выѣздзі мой мильнѣй, на выѣздзі, Вялікі хмѣль, мой мильнѣй, бизгалуйе,
Стала я свайму мйламу да прыказаваць— Вялікі сонь, мой мильнѣй—низдаруйе,
У вялікі хмѣль, мой мильнѣй, ни упивайся, Вялікая любоу, мой мильнѣй, абгавѣрѣя ¹⁾.
У вялікі сонь, мой мильнѣй, ни усыпайся,

(с. Манѣки, Новозыбковскаго уѣзда со словъ 25-лѣт. женщ. въ 1897 г.).

А в г у с т ь .

1-го числа праздникъ «Макаѳа» т. е. Макавеевъ. Послѣ литургіи крестный ходъ и водосвятіе на рѣкѣ. Съ этого дня начинается спасовскій постъ. Это и есть: «спасука-ласаука». Кромѣ того, что теперь въ каждомъ дворѣ есть свой собственный новый хлѣбъ, уже и картошка поспѣла—маладая янажъ смашна. На грядкахъ и буракъ и капуста и гурѣй у гародниковъ ни на чѣмъ. Теперь уже дѣлають холодецъ изъ свеклы и крошатъ туда огурцы. Это довольно вкусное блюдо. А кійки ²⁾ пареные развѣ не харчъ, благодареніе Господу Богу! Затѣмъ нѣкоторые нажали и намолотили ячменю. Бабы скорѣй натолкли въ ступѣ ячменныхъ крупъ, прапыдали ихъ въ почвахъ и наварили ячменной каши (жидкій супъ).

Надо замѣтить, что всѣ эти столь лакомыя кушанья приготавлиются тоже нищимыя», т. е. ни съ чѣмъ, по той причинѣ, что «у спасуку» малоко и сало—грѣхъ ѣсть, а алтю яще нема.

6-го Спасъ—Преображеніе Господне. Приносятъ святить въ церковь жито и яблоки. Бабы до Спаса не ѣдятъ яблокъ, особенно тѣ, у кого есть умершія дѣти, а то въ этотъ день: «тамъ на нѣби дзицьѣнку ни дадуць яблячка, штобъ matka да спаса няѣла».

15-го Первая Прячystая. (т. е. Успеніе Богородицы). День разговѣнъ. Ѣдятъ больше молочное, или съ саломъ свиннымъ. Во всеобщемъ употребленіи «маканья», т. е. горячія ржанія пампушки, облитыя творогомъ со сметаню.

18-го Храмы-й-Ліуры т. е. Фрола и Лавра. Этотъ день чтять, и въ нѣкоторыхъ селахъ устроены храмы во имя этихъ святыхъ.

29-го Усѣкновеніе главы Іоанна Крестителя. Постъ; не ѣдятъ фруктовы, которые имѣють подобіе головъ.

¹⁾ Осужденъе. ²⁾ Кукуруза.

Въ среднихъ числахъ Августа живо приходитъ къ концу. Вотъ настаетъ моментъ, когда какая нибудь семья дожинаетъ послѣднее жито.

«Пакинуць на барадѣ!» Командуетъ старшая. Серпы торжественно складываются. Всѣ становятся передъ недожатымъ мѣстомъ, бьютъ земные поклоны, прочитываютъ повседневныя молитвы, и затѣмъ старшая невѣстка сжинаетъ оставленную барадѣ въ одинъ снопъ, на корнѣ оставляютъ три колоска и завязываютъ ихъ красной ниткой и снова благоговѣнно молятся. Подъ конецъ зарываютъ тутъ же краюшку хлѣба съ слѣдующими словами:

Наука, ниука, атдай свою силу	На скацинку—лаёкъ, ¹⁾
На ниву—гнаёкъ,	А намъ на добрая здаруя.

Во время крѣпостничества, да и теперь въ большихъ экономіяхъ жницы изъ послѣдняго жита плетутъ вѣнокъ и торжественно несутъ его къ владѣльцу помѣщику или управляющему съ пѣснями:

А мы свайму пану	Идемъ мы зъ работы,
Учнили славу:	Раставляйца сталѣ цясавые,
Усѣ жыта нажали	Вмнасица миски, тарелки
И у копы паклали,	И на чарцы горэлки
Аткутайца вардты,	

(Заучено мною въ 1858 г. со словъ дворовыхъ).

У добраго пана за вѣнокъ полагалось угощеніе. На собственномъ же полѣ крестьянамъ некогда заниматься этими пустяками, они несутъ снопъ домой и ставятъ его на покугѣ, потомъ обмалачиваютъ и прячутъ зерна къ слѣдующему году, чтобы 6-го Августа на Спаса освятить его и святымъ житомъ засѣять первую полосу.

Обжинки—это такое радостное хозяйственное празднество, что его требуется чѣмъ нибудь ознаменовать: вотъ къ вечеру въ этотъ день и принято печь ситные пироги съ кашей или картофелемъ. Но какъ ни просто это кушанье, на повѣрку оказывается что оно не по карману земледѣльцу въ данное время, именно потому, что всегда жито дожинаютъ въ сносовъ постъ, когда по деревнямъ «нима ни росочки алѣю, а пироги нищимные, якавы вены». Такимъ образомъ оказывается, что нужда и обычай измѣняются.

Однако и послѣ обжинокъ бабской спитъ нѣтъ отдыха: треба жаць ямень, авесъ, прѣса, гречку качаць и затѣмъ приступать къ прочимъ осеннимъ работамъ.

Въ погожую осень поють онѣ на работахъ осеннія пѣсни, въ родѣ того напр.	Любя паринъ дѣвчаку
Грѣя, грѣя соньнайка	Ни на прѣжану
Ни на лѣтняму,	

(с. Разсухи въ 1899 году, отъ 18-лѣт. дѣвки).

Осеннія работы въ деревнѣ всегда одна спѣшнѣй другой. Пойдутъ ли дожди, хозяйинъ: «Божа жъ мой, гречачка у поли пагнѣецъ, а лета жъ самая надежная харчъ и скацины и сабѣ. «Житныя и яровныя копы бьютъ въ полѣ чужіе кови,—некогда перевезть на гумно, потому что «хлѣбъ ни атсѣявъ».

Но вотъ проглянуло солнышко, стало на пагоду, и задвигался, закопошился народъ въ полѣ, какъ молки. Везутъ, несутъ, тащутъ зимніе запасы въ дворъ, какъ мурашки къ муравейнику, а все для того, чтобы было что «въ лѣвую рѣку взять ²⁾».

Весь Августъ, начиная отъ Спаса (6-го) и пашутъ и сѣютъ хлѣбъ къ будущему году и не мало полагаютъ труда и прольютъ пота, прежде чѣмъ вскопаютъ свое и примитивной сошкой всю эту площадь, видимую глазомъ на горизонтѣ. Но вотъ наконецъ бросаетъ онъ послѣднюю горсть сѣмянъ въ землю, вабараниваетъ и многотрудному дѣлу коленъ. Кладетъ онъ на своемъ полѣ двѣ горсти соломы крестомъ, накладываетъ камушки, чтобы вѣтеръ не сдулъ, снимаетъ шапку и усердно молится: «зарадзя, Божа, и на крадзяга и на прасящага и на усякага добраго чаловѣка».

¹⁾ жиръ. ²⁾ въ лѣвой рукѣ хлѣбъ, а въ правой ложки.

Это—обработки, весьма радостный праздник во дворѣ.

На обработкахъ къ «вячерѣ пакуць пираги ржанія, рѣжуць баранчыка бяруць съ кварту водки и завуць свайныхъ харошыхъ сусѣдзей.

Такъ какъ осенью народъ сыгъ, то и пѣсни то и пѣсни раздаются гораздо чаще, чѣмъ весной.

Наляцѣли журавы
Изъ чужыя стараны,
Сѣли, пали на ралыі 2)
Да—і расказавали:
Сягд лѣта плохіі годъ,
Нлѣха жыта, плѣха ярѣ.
На ранявѣ жыцы
Да жанцы жнуць,
А на познямъ
У косы бьюць.
Дурный бацька

Горя майго вялікая,
Зѣ горя ножачки ня хѣдзюць,
Ручки дзѣлячка ня рѣбюць,
Мянѣ дзѣвочку здурѣли,
Сѣ плечъ галовачку звалілі,
Зѣ бѣла лица красачку змянілі.
Мянѣ мильны пакндѣя
У дарѣжку атѣжджѣя,
Якѣ вышла я у чыста поля

(с. Жуково, Мглинского у., со сл. 40-лѣт. женщины, въ 1896 г.).

Съ весны крестьяне наши ходятъ на заработки на Донъ. Осенью возвращаются, и не рѣдко жена или невѣста вмѣсто своего милаго получаютъ вѣсть о его смерти 2). Оттого слѣдующую пѣсню поютъ непременно «падъ восень».

Шуше гудзе заябная дубрѣука,
Плача в рыдая маладая удоука.
Уси зѣ Дону идуць,
А майго мвѣаго каня вядуць.
Пайду, пайду, каня расзѣдаю,
Пра свайго дружка распытѣю.
Охъ ты, конь мой, сивогрывый,
Скажи врауду, йдзѣ мой мильны?
Твой милъ убитый ляжыць,
У правой рѣцѣ хрестъ дзяржыць,
Лѣваю вадѣ мабирая

(Со сл. 25-лѣт. женщины, дер. Шапочка, въ 1896 г.).

См. Шейнъ, Бѣл. пѣс., т. I, ч. 1, стр. 479, № 590.

Дурнямъ стау,
Што другую жѣнку узѣу.
Йонъ съ первао дзяцей мау
А зѣ другою разагнау.
Ходзя бацька па дварѣ,
Нахилишы галаву,
Живи-жѣ, бацька, якѣ Богъ дау,
Кали дзяцей разагнау,
Якѣ будзешъ ты памираць,
Ня пойдзешъ мы паминаць.

Ляциць голубъ сивакрылы
И пытая: йдзѣ твой мильны?
Мой мильныкы на рабѣци
У сахарнамъ у заводан,
Йдзѣ дуѣя, йдзѣ начѣя
Возьми тапоръ, да-й-майструѣя.
Йго хазяинъ панука
И хазыка наругая,
Усѣ треба царѣць.

Да на сердца паливая,
Таварышу рѣчи размауляя—
Таварышу, рѣдны брѣцѣку,
Якѣ пойдзешъ ты на маю староначку,
Наказы ты майму роду,
Ни такъ роду, якѣ майбой жанѣ,
Маладой удовачки,
Нехай лна мянѣ не ждже!
Нехай замужъ идзе,
Пакуль мянѣ даждецца,
У волю у свѣци нажывецца

Уси дуги и салоцки вада панялѣ,
У садзі игруша, яблани цвѣтамъ зацвила,
Тѣй парѣю, у тѣя уремѣячка мянѣ маці
ралэйла,
А, радзѣишы, магукна дѣли ни дала,

Ни давалѣ да разума, у чужы людзі
атдала
У тую старонку незнакѣмую,
У тую сямѣю ни выселую.

1) паренина, т. е. смѣна подъ паромъ.

2) это конечно старая казачья пѣсня, тутъ же и конь говорить. Ред.

Якъ скинусь я, малада, сѣрай зязюляй,
Палячѹ я. малада, у сваю старонку
Сяду я, малада, у бацькаваѣ садочку,
Да закўкаю зязюличкай сѣрай.

Рѣдныі мой бацюшка
Па сѣнямъ ходзя,
Нявѣстусаѣкъ, ластусаѣкъ пабуджаі
И къ садзѣку прыслухаіцца.

Што-й у нашаѣ садзѣку
Жалабно няюць

Ци саловьюшка, ци зязюля сѣрая?
Бѣлыі братъ кажа: пайду падстраляю

(д. Жуково, Мглин. у. со сл. 45 лѣт. женщ. въ 1895 г.)

Што-й за гаѣмъ зязявенькімъ
Брала дзѣўка лёнъ бялёнькіі,
Яна брала, къ сырой зямля прылягала,
Горькі слѣзы праливала:
Охъ лёнъ, мой лёнъ ты бялёнькіі,
А хто-жъ цябѣ сѣіну? мой миленькіі

(д. Невзорова, Стародубскаго у. отъ 55 лѣт. женщ. въ 1896 г.)

Мядуница, мядуница луговая!
Чаго ни цвяцешъ на усѣмъ лўзи, на зя-
лёнаѣмъ?

Якъ жа я буду цвѣсть на усѣмъ лўзи,
Мошкі цвѣтчыкі абъядаюць,
Вады корні падмываюць,
Маладзѣнца, маладзѣнца маладая,
Учомъ ня ходзіць на вулицу на шы-
року?

Якъ жа мнѣ на вулицу хадзіць

(с. Лупеки, Стародуб. уѣзд. со сл. 40 лѣт. ж. въ 1899 г.)

Па полю, па полю
Полю чыстаму
Тамъ бягуць, бягуць
Ваўкі сѣрыя,
Нясуць галаву чалавѣччу.

(с. Кожемяки, Мглинскаго у. со сл. 18 лѣт. дѣвки въ 1896 году).

Въ с. Гарянахъ, Мглинск. у. поюць какъ бы продолженіе вышепомѣщенной пѣ-
сни, записано въ 1899 г. отъ 19 лѣт. дѣвки.

Братъ къ бережку ішоу,
Сястра патанўла,
Рѣчы мовіла:
Ня пѣ, брацець, зъ моря вады,
То усѣ кроўма
Ня ѣжъ, брацець, зъ моря рыбы,
То усѣ цвѣла майо.

Середній кажа: пайду пагляджѹ,
Мязёныі кажа: пайду лой скажу:
Кали салавейка—вылятай съ салу вонъ,
Кали ваша горькая—хадзі къ намъ на
дворъ,

Сядзь ты горькая за тясовыі столъ,
Раскажы ты. бѣдная, пра сваю жыцьцѣ.
Радзѣныі мой бацюшка, што я вамъ скажу
Зелінь лѣсь, дубровачка бязъ вѣтру шу-
миць

Чужыі ацець—маць бязъ пары жўрюць.

Парнішачка маладзёнькіі,
Чую, чую я нядолныку сваю,
Што ня быць яму у дамѹ,
А быць мѣлаіцу у някруцкамъ у набѣры
У салдацкамъ у прыбѣры.

Што свікруха кажа—сакатуха, растапцѣца.
А залўка кажа—лидѣчая пахмурѣца
Свекаръ кажа—мядвѣдзѣца лясавая,
Милыі кажа—маладзѣца каладая.
Сарѣка сакатуха па падъ коўлялю,
Раставчыца дачкѣ у бацькі,
Пахмурѣца—цѣмна ночка цямнѣсныя,
Мядвѣдзѣца у цѣмнаѣмъ лѣсі цямнѣсны-
комъ.

Тамъ па морю, морю сніяму.
Тамъ ляжаць брусы,
Врусы цѣсанныя,
Што-й па тыхъ па брусахъ
Братъ съ сястрою ішоу.

Ня касі брацець травѣ,
То каса мая,
Ня ламай каліны,
То краса мая,
Ня щіпла смародзіны,
То дзявоціна мая.

С е н т я б р ь .

6-е «Чуды», т. е. Чудо св. Архистратига Михаила. По церковному уставу праздника не полагается, а потому священникъ никогда объ этомъ днѣ и не напоминаетъ прихожанамъ. Но народъ своихъ собственныхъ излюбленныхъ праздниковъ никогда не забудеть.

Память неграмотнаго крестьянина есть самый точный и вѣрный календарь праздниковъ текущаго года. Крестьянинъ ведетъ свое счисленіе времени недѣлями и хоть за полгода и болѣе онъ вамъ расскажетъ, въ какой день недѣля будетъ известнаго ему святаго, когда заговѣнье, длиненъ ли мясоѣдъ, сколько недѣль Петровки въ этомъ году. Особенно бабы, эти архивариусы всѣхъ предразсудковъ, никогда не ошибутся въ своихъ вычисленіяхъ, и заранѣе всегда объявятъ: «што у чацвѣргъ будуць чуды».

Причины празднованія слѣдующія: кромѣ боязни градобитія у крестьянъ есть еще стихійная боязнь огня и пожара; вотъ и придумали они себѣ праздникъ: значить, нельзя сунуть овинъ, молотить: «Божа храни, нильга тапиць печку да восхода сонца, а то агонь, вылятая съ печи, свача па хаці, ажны чутна якъ вымаляе: чуды, чуды, чуды. Тяды ужо, якъ хто йосць у хаці, треба стишицца и утанць духъ. Агонь пагуляя, пагуляя, да назадь у печки и пойдзя. Такъ и на гумнѣ бывая, хто асмилница у истый дзень цяцло класць.

Въ нашихъ мѣстахъ, хотя рѣдко, но можно еще найти остатки преданія о поклоненіи огню. Въ д. Выстриковѣ, Стародубскаго уѣзда еще недавно умеръ старикъ, который «вепрямѣню клаушы цяцло падь авинъ, ирядъ тымъ якъ запалиць агонь снимау шапку и крестница и кажа: .. да а Бог-дра». Если вамъ удалось бы вызвать его на откровенность, то на вопросъ, кому ты говоришь: дай Боже здравствовать? онъ отвѣтитъ: «Каму? Перуну, съ агнемъ ни вяликія шутки! Такъ старые люди дѣлали, и насъ навучили, штобъ благалучна было съ агнѣмъ, а то врий Божа чаго и гумецца старыць».

Воклѣ деревни Галибисова, Стародубскаго уѣзда есть мѣсто, усѣянное курганами, гдѣ крестьяне находятъ иногда изъ чернаго кремня предметы, выдѣланные на подобіе плоской ложки съ заостреннымъ концомъ. Они называютъ этотъ предметъ и «грамовая стрѣла». Если ее сохранять въ домѣ, то въ хозяйствѣ и во всемъ прочемъ будетъ великое счастье: «благатства будзя вневодная», при одномъ только условіи, если только стрѣлу хранить въ тайнѣ и никому не показывать.

Что преданіе о Перунѣ и богѣ грома живетъ еще и теперь, видно изъ слѣдующаго предразсудка, въ связи съ христіанствомъ: для того, чтобы водились пчелы, слѣдуетъ изъ дуба, разбитаго громомъ, сдѣлать крестъ и поставить въ пастѣкѣ.

Когда послѣ свадьбы везуть молодого съ молодой, то передъ дворомъ раскладываютъ огонь, дружокъ съ помощью прочихъ бояръ тянетъ коней и телѣгу съ молодыми непрямѣню черезъ огонь, чтобы имъ Богъ послалъ благополучную жизнь.

8-е Другая Прячистая, т. е. Рождество Пресвятыя Богородицы.

14. «Здвигъ» Воздвижене Креста Господня. Въ этотъ день «уси гады, змѣй и вузы, здвигаюцца умѣста ¹⁾ и хаваюцца у землю: послѣ йетаго дня у лясу ни пабачышь ужо ни воднай гадзины».

26. Іоанна Богослова.

Н а х р а м о у щ ы н и

(на восяни).

Не смотря на усиленные работы, осень для крестьянина — самое благоденственное время года уже потому, что онъ всегда сытъ: хлѣбъ пока не покупной, поспѣваетъ вся городина, садовина. Подростають ягнятки, такъ что «кой кали даводицца и мясца спробываць».

¹⁾ Вмѣстѣ.

Оттого они и любятъ назначать престольные праздники храмовъ, непремѣнно осенью: Храмовщину празднуютъ два, три дня.

Наканунѣ, среди села варятъ въ казанѣ «брашній»¹⁾ медъ. Въ каждомъ дворѣ рѣжутъ барана или подвѣнника. Съ окрестныхъ селъ прїѣзжаютъ гости.

Однако, по заведенному порядку и обычаю и до сихъ поръ: «бизъ гарѣлки и праздникъ ни у праздникъ», а потому ее пьютъ во храмовщинѣ, не мѣривши.

Самыя дорогія гости—это выданныя въ чужія села замужнія дочки, которыя «наспытаушы нужды и ни сладкай жысци у чужой сямѣ, ляцяць якъ птушачки у бацькоу дворѣ».

Это для нихъ самый свѣтлый, самый радостный и желанный день въ году.

Про пѣздку въ праздникъ къ батькѣ, поетъ она даже пѣсню:

Што-й сьпадъ лѣсу, лѣсу цѣмнаго
Выхадвила туча грозная
Сы дажджамы, сы марозамы,
Сы вяликны прыгроаамы.
Той парою, у йета урѣмлячко
Дочка къ бацьки у госци вѣхала
Яна вѣхала, ни да вѣхала,
Сярѣдъ лѣсу стана вѣлася,
Яне лошады старайлася,

И павѣна аблайлася.
Якъ падъ кусцикамъ яна садзілася,
Съ салавѣмъ яна раду радзіла:
Саловьячка, дробна пташачка,
Ты ляци у наю старонку,
Накажы майну бацюшцы
Й роднай майой матушцы,
Што бяда са мной прыключылася.

(с. Росуха, Мглинск. у. въ 1898 г. со словъ 25 лѣт. женщ.).

Слѣдующія пѣсни поются также на храмовщинѣ:

Васѣлая бясвѣдачка,
Идѣтъ тѣтухна пѣе.
Йонъ пѣе, йонъ весель,
Радэймый мой,
А за мной маладой
Паслѣдъ шлѣ.
А я маладзюсненька

За вѣцямы, за гусьмы
Забарылася.
Друга вѣтки, гусачки
Па биражку пахаджывали,
Халодную вадзіцу прыкўшавали,
Зяленую травачку націпывали.

(д. Жуково, Мглинск. у. въ 1895 г. отъ 40 лѣт. женщ.).

Пицца, дзѣўки, медъ, гарѣлачку,
А я буду вадѣ пицца,
Што-й у свѣци бѣднату
Да-й худа пращыць.
У майго тѣтухны
Да усѣ жыццэчка рѣдзя,

А у мянѣ у бяздѣлнай
Кукаліна да мятліна.
Трэба мнѣ жыта жаці,
Кукаліну выбираці
Да-й зъ надлюбнымъ вѣвѣ каратаці.

(Отъ той же въ 1895 г.).

Наварыу брацець салѣдкаго мѣду,
Зазвау сястру багатуу,
А убѣгая сама прышла
Богатуу пасадыу на пѣкуци,

А убогую на прынечку,
Багатуу мѣдамъ частуа,
Пызванная вадзіцу пѣе.

(Отъ той же въ 1895 году).

Охъ вы, столики майе, вы цясовенькіе,
Охъ вы, госпяцкі майе, вы любѣуенькіе
Да чаго жѣ вы сядзіцьѣ,
Хлѣба—соли нї йясцьѣ,

Кали хлѣбъ пушѣць—яг вѣпалаю,
А хазяйнінъ нї васель, у яго прауды вы-
пытаю.

(Отъ той же въ 1898 году).

¹⁾ Отъ слова брашина. т. е. общество, гдѣ есть храмовой праздникъ.

Ой што-жь то за гадывна,
Што свой свайго ни навидзя.
Мужь ня любя жани нядужня,
Брать сястры убогія.
Прышла систра въ брату у госци,
Якъ ступила на калитачку,
Брацець глянүү у вватэрачау, —
Приймай, жана, абъдз са стала

(Отъ той же въ 1895 г.)

Ой шумь, драва да ва вўлицы,
Пайду, браццы, я паслўхаю—
Снягъ зь маткай болна брѣнюци,
И онъ брѣница, съ двара гоня:
Идзи, матка, зь майго двара,
Ужо ты мнѣ надокўчыла,
Жану маю ты вўсушила,
Майнхъ дзѣтакъ назнабала.
Пашла матка зь двара плўчучы,
На папѣчык¹⁾ напиряючысь,

(с. Росуха, Мглин. у. со сл. 60 лѣт. жен. въ 1895 году).

Разгарѣлася калина
Пирядь сѣньнякомъ стоючы.
Расплакалася дачўшачка
Пшрадъ татухнай стаючы—
Татухны та мой рѣдменькїй,
Ни жалгїй ты сыноу—саналоу,

(с. Жуково, Мглин. уезд. со сл. 30 лѣт. женщ. въ 1897 году).

Съ вўлицы, съ правулачку
Саколь вылетау,
Зь другѣго съ правулачка—сакалиця.
Дачка бацьку праваджала,
Слязьмы плакала,
За слязьмы дарожки ни бачыла,
За узрыднїяньмъ славечна ни пра-
мдувила.
Во, табѣ, бацюшка, праважаньняка,
Цижалая уздыханьняка,
Нешта табѣ, татухна, ни жалъ мянѣ,

(Отъ той же въ 1897 г.)

Ни увазнїла мая маць,
За каго мянѣ атдаць.
Атдала мянѣ маць
За горькаго пѣяницю.
Пѣць пѣяница вядзѣлю,
Пѣць пѣяница другую,
А я зь йнѣ гарюю.
Паслала мянѣ маць
Пѣяничаньку заганяць.
Якъ удару мянѣ разъ,
Пакаццїсь слѣзы зь глазъ.
Якъ удару у другї,

(Отъ той же въ 1897 г.)

Идзецъ въ нашъ систра мая.
Госця йета пачула,
Цижалѣньма уздыхнула, да я за-
плакала—
Ни бойсь, брацець, ни лїкайсь,
И съ абѣдаць ни хавайсь,
Да цябѣ я прышла ни абѣдаць,
А хацѣла цяби я втѣдаць.

Слязьмы абліваючысь,
Идзе поле, йдзе другѣя
И усхѣдзя яна на дарожку.
Шуме, гудзе шляхъ дарѣжка
Сынъ за маткай на вѣдаговъ йдзе—
Вярнїсь, мая мамухна, назаць дамѣу,
У мянѣ у дварѣ нищасцяйка,
Здохъ у мяне конь варовый,
А жана мая у блудъ панла,
А дзѣтачки по мїру.

Пажалгїй тваю дачўшачку,
Я дачўшачка—гарѣшачка
У бацьки жыла, гѣра бачыла,
Замужъ пайшла—ще—й—пагѣрала,
Журбы-кѣдпату²⁾—ще—й—пабѣ-
лила.

Ци ни знайнїць, якаво за нѣяньмъ
быць,
Пѣць пѣянога—ни унївайнїца,
Прыдзя дамѣу—надругѣянїца,
Пасѣвъ майго цѣла бѣлая,
Падрау майго плїцця цвѣтная,
Пабму майго галѣвачку буйнїю,
Падрау маю кашулю крѣпнїю
И надъ вѣнаць майнѣ надсїм-
хѣянїца.

Скацїлася зь дарѣги,
Прадѣю жъ мой, прадѣю,
Прапала жъ я съ табою.
Пранїу ваня и сядло,
Пранїу майго усѣ дабрѣ,
Пранїу валѣ и карову,
Правѣ я мяне чарнабрѣну.
— Пѣльна, мїла, галасїць,
Идзи печку тапѣць.
На што мнѣ яѣ тапїць,
Кали нѣчаго варїць.

¹⁾ Палочку.

Што-й на дварѣ дожджыкъ
Пацисѣсеньку рамоны.
Вратъ зъ братамъ гамоня—
Мы паѣдзимъ, брацецъ,
Къ сястрѣ у гѣсци,
Якъ атдали—ни видали.
Падѣжджаюць къ новымъ варѣтамъ,
Систра па двару хѣдзи,
Варанѣга каця у рукахъ водзя.
Ѣдуць гѣсци дарагя,
Два майе браты радные.
Падажджыце, майе браццы,

(с. Жуково, Мгл. у. въ 1894 г. со сл. 45 л. жен.).

Харашо таму у свѣци жыць,
У каго на сѣрцы пичали нѣтъ,
У галавѣ заботушки,
У рачивамъ сѣрцы—азнобушки.
Вышла замужъ зи няудалаго,
Узяу йонъ мяне, якъ рыбиначку

(д. Невзорово, отъ 30 л. женщ. въ 1894 г.)

На праходзи выселыя дни,
Наступають тѣмныя нѣчы:
Темна нѣчка—дѣукамъ сухатѣ.
Сѹша жѹря парень дѣвицу:
Скажы, дѣвачка, прауды ни патѣй:
Вѣрна любашъ, али, дѣука, нѣтъ.
— Люблю, парень, одного тябе,
За то жъ я люблю, што близка жывешъ,

Стародубск. у., с. Михайловскъ отъ 20 л. дѣвицы.

Найду къ миламу спрашуся.
Устань, милый, прабудзѣся,
Ѣдуць гѣсци дарагя—
Два майе браты радныя.
— Атступѣся, ни любая,
Мнѣ тваѣе браты ня любы.
Идзе сястра съ цыримѣчку,
Смыля слѣны, якъ зъ рукавѣчка,
Вязѣця назадъ, майе браццы,
Ни кажыця аццу—мацы,
Што вы у сястры пабывали,
Хлѣба соли ни видали.

Ссушѹ, жжурѹ на былиначку
Сама млада я у грѣхъ найду,
Цябе, сукина сына, иссушу и жжурю,
Ссушѹшы, ижжурѹшы,
У грѣбъ палажу.

Харошо хѣдишь:
Сапѣжачки ў тябе на рыпѣхъ,
А зѣлинъ кахтанъ увесь на твитахъ,
Пухѣвая шляпа съ паулинымъ ия-
ромъ,
Пирчатачки щѣ чыстымъ сирабромъ,
А самъ ты, дружѣкъ, чарнабрѹ.

Октябрь.

Въ этомъ мѣсяцѣ мало праздничныхъ дней, только 1 числа «Паврѹ Прасвятны Багародзицы».

До глубокой осени крестьяне этой мѣстности заняты уборкой конопли. Въ ихъ хозяйствѣ это единственный продуктъ, который идетъ въ продажу и приносить отъ 25 р. и до 50 р. доходу. Богачъ же получаетъ по сотни съ конопли и пеньки. Но вѣдь это почти весь его годовой доходъ. Надо расплатиться и съ тѣми, у кого «пазычѹ вясной на хлѣбъ», и въ казначейство внести «пазяземныя» и проч. казенныя недоимки и прожить съ семьей на эту сумму круглый годъ.

Впрочемъ, сверхъ того иной (не изъ бѣдныхъ), конечно, имѣетъ еще рублей на 10—15 овса, которымъ не балуетъ своихъ клячь, а блюдетъ на продажу къ веснѣ.

Вратъ коноплю, т. е. дергать ее изъ земли, есть по истинѣ мозолевый трудъ. Корнями своими она крѣпко и прочно держится въ почвѣ, а потому отъ напряженія при выдергиваніи, на ладоняхъ появляются зеленныя полосы, которыя при дальнѣйшей работѣ углубляются и превращаются въ трещины.

Вранѣ конопля исполняютъ большею частью руками женщинъ; и чего только нѣтъ на этихъ рукахъ: и мозоли и лишыи и рубцы! И этими руками копаецъ она каждое утро картошку «на вѣшя»¹⁾, отчего трещины заполняются грязью; грязь на-

¹⁾ На ѣду.

долго въѣдается въ тѣло: рубцы припухаютъ, а держать ихъ въ чистотѣ некогда, надо цѣлый день стоять на ногахъ у конопли. Холодъ, вѣтеръ; осенняя игла знюбитъ тѣло; но забираться въ теплую хату еще «ня приспѣла урешлячко, треба барджѣй халацка браць, а то канапелька лыницца ¹⁾, а тутъ яще на йотыкъ дняхъ свиньни упаднись ²⁾ у картошку, цѣлый канецъ узрыли ни знавѣшъ што и халпыць, ци бульбу, ци канопля».

Работаютъ до поздней зарн, такъ что иногда не успѣваютъ вечеромъ перевезти вырытую «картошку» домой, а между тѣмъ ваши селяне хватки на руку: ничего не клади плохо, а потому сосѣди называютъ это село «воровская Рассуха», въ отличіе отъ деревни Рассухи, находящейся въ Стародубскомъ уѣздѣ.

По поводу кражи картофеля, казакъ Емельянъ Кобяновъ недавно (въ 1898 г.) «выгадау» ³⁾ пѣсню на манеръ салдацкой:

Ты Расуха, ты Расуха,
Маць расуськая знылѣ.
Пра цябе, ты, маць Расуха,
Далѣка славачка пошла,
Далѣка славачка пошла
Пра Платова Казака:
У Платона Казака
Да случылася бѣда;
На вѣзвѣйкай на палосцы
Накапау йонѣ мѣхъ картошки,
Да побѣняй зарн канау,
У дворѣ яе ни забрау
Да заутраго оставлау.
На заутраго вычаркомъ

Бѣдя Платонъ за мяшкобъ,—
На вузвѣйкай на палосцы
Нѣтъ ни мѣха, ни картошки.
Платонъ дамоу варацѣуса
И жъ жовкаю пабранѣуса,—
Ахъ ты, жовка, ты, Вусцѣвка,
Што-й капала, то пропало,
Ну цяперъ будзѣшъ капалець,
Да зарѣншы дамоу браць,
Пазарѣншы да вазѣць,
Людзей у грѣхъ ни увадзѣць.
Глухая мая башка,
Што—й ви узяу учора мяшка.

(с. Росуха; сочин. 20 лѣтъ хлопца 1898 года).

Родичи.

«Тыразъ ⁴⁾ три нядзѣли отъ Пакравѣ дни ходзюць родичи», т. е. поминальная суббота.

Родичи—это бабская эра, отъ которой онѣ ведутъ свой умственный календарь праздниковъ, отсчитывая время недѣлями.

Въ этотъ день служится общая заупокойная обѣдня и крестьяне посылаютъ въ церковь панухиду, т. е. четыре сковородницы ⁵⁾ и чарочку меду.

Собственно въ церкви мало народу въ этотъ день, но всѣ поминаютъ родичей дома, по своему или вѣрѣе, по язычески справляютъ тризну ѣдоу.

Еще до свѣта (очень рано) каждая хозяйка вытапливаетъ хату и «гатуя дванадцать страу ⁶⁾». Едва развидѣтель, ѣдятъ блины съ саломъ и прочими приправами и такъ плотно наѣдаются, что уже до вечера не обѣдаютъ, и на весь день мужчины отправляются пеньку мочить или запасаться на зиму дровами, а къ сумеркамъ каждый спѣшитъ «у дворѣ паминаць родичовъ» съ великимъ аппетитомъ.

Собралась вся семья въ хату, на столѣ бѣлая скатерть, зажженная восковая свѣча, а у мисцы канѣтъ или кдлево, т. е. медовая сыта и туда «пакрышаво баранькоу или булки». Прежде немножко помолятся за впокой душочки нашихъ радиталеу», а затѣмъ, каждый по очереди съѣдаетъ ложку кдлева.

Всякая хозяйка строго на строго придерживается очереди, «якую страву за якѣй падаваць, такъ ужѣ ни вымы заведзѣно, ни намы и кончицка», говорятъ они.

¹⁾ Не пришло время, нужно скорѣй торопиться брать канапельки будетъ вымыпаться зерно. ²⁾ утравилась. ³⁾ выдумалъ. ⁴⁾ черезъ. ⁵⁾ плоскія ржаныя лепешки. ⁶⁾ страва—кушанье.

И такъ перво на перво «идаецца канунъ¹⁾ затимъ—каравайцы²⁾, апасля йстаго кулѣшъ съ саломъ³⁾, 4-е каўбаса, 5-е лапша, 6-е картошка зъ пады гавядзины, 7-е гавядзина жариная, 8-е застыль⁴⁾, 9-е жидкая каша съ гавядзиной, 10-е борщъ, 11-е малако, 12-е густая каша съ масламъ. Кашей обязательно заканчивается поминальный обѣдъ, оттого она и называется у нихъ «каша—разганяша».

«У йетый дзень гадоцца вышцы па чарцы гарэлки за упакой радзиталёвъ, а у прѣтчамъ якія у каго дастаткы, калі у каго нема на што купиць—абойдудца й-такъ. Иджа сказана: па змаві конь вязе».

Въ этомъ мѣсяцѣ, управившись съ уборкой на огородахъ, бабы начинаютъ правиць (убирать) варива, т. е. скоблить и квасить буракъ на зиму.

«Жбодная пѣрва на перва агледзи (смотритъ) мѣсяца, а то якъ паставиць на скарѣ цы на трецый нядзѣли, усѣ чыстусинька пагнѣ, памнее».

Есть изъ нихъ впрочемъ и передовыя, которыя говорятъ: «якъ я нп знаю калі тэй сходъ, калі маладзникъ, да сдѣлаю усѣ по хазяйска, якъ слѣдъ быць, ды у мянѣ усѣ удашна и смашва и николі ничагусинька ня гнѣць».

Вообще относительно луны можно сказать, что нерѣдко и теперь сказываются остатки древняго обоготворенія этого свѣтила. Напр. увидѣвши новый мѣсяць на небѣ, крестьянинъ непременно снимаетъ шапку и благоговѣйно перекрестится.

Мать поучаетъ своего ребенка такъ: «ни показвай на мѣсячка²⁾ палцамъ, грѣхъ! укуси трохи палца!»

Еще при первомъ видѣ луны, невѣста останавливается и говоритъ:

Маладзйкъ маладзй,
У цябе рогъ заламй
Ты пасвѣту хѣдзишъ.

Няуждъ ты майго милаго ня бачышъ.

Найдзи жъ ты яго,

Прывядзи жъ ты яго,

Съ камъ мнѣ вѣкъ вѣкаваць

Штобъ мнѣ тагѣ у ва снй павидаць.

(С. Старое Зацубенье, записано въ 1867 году со словъ 20 лѣт. женщины).

И въ это время беретъ въ подъ правой ноги землю, ложась спать, кладетъ ее подъ подушку и ожидаетъ въ сновидѣннхъ суженаго.

Чтобъ зубы не болѣли, увидѣвши первый разъ луну, говорятъ:

Маладзйкъ, маладзйкъ,
На табѣ зубъ дубяный,
А мнѣ дай стальный.

(отъ той же въ 1867 г.).

Въ концѣ Октября я въ первой половинѣ Ноября бабы заняты прядевоми: мочать въ сажалкамъ поскоини, стелить по долинамъ лёнъ, потомъ сушать все это въ баняхъ и мнугъ, чтобы зимой было, что пряхъ. Это ихъ послѣдняя работа на стужѣ: осень начинаетъ склоняться къ зимѣ; небо грозитъ снѣговыми тучами. Поэтому «жбодная паспяшая управицца къ Пилипавскимъ загавинамъ» (14 Ноября).

Къ этому дню «ужо и скѣтъ стау на мѣсци», т. е. его больше не говяють на нашу. «Мужчины яще паруюцца калі пеньки, а бабы ужд паставили гребни и прядуць у ценлай хаци». Наконецъ то онѣ отогрѣлись «накалѣушись (замерзшись) на канопляхъ».

Такъ какъ дни въ это время года слишкомъ коротки, то крестьяне встаютъ съ первыми пѣтухами.

Старикамъ и пожилымъ «рушатливымъ (заботливымъ) людямъ важко (тяжело) коротать долгія ночи. «Прашнесья, и думайшъ якъ пращыць, чимъ пракарницца, ужо и боки забалаць ать ляжни, покуль пѣуни папѣли».

Молодежь же наоборотъ: ее трудно разбудить: съ молоду сладко снится

¹⁾... Канунъ — медовыя сыта съ накрошенными туда бубликами или будкой.
²⁾ Прѣсные гречневые блины. ³⁾ жидкое тѣсто изъ гороховой муки жарится на сковородкѣ.

въ ночи и на зарѣ. Жутко покидать согрѣтую постель, оттого за пражей и «дремлется ей младѣшенькой.

Тогда она принимается пѣть:

Пряду, сакѳчу, ¹⁾
 Спацячки хѳчу,
 Палажу я галѳвачку
 На свекраву падушачку,
 Ци ня падрямлю.
 Свекарь идзець,
 Якъ бура гудзець:
 Санливая, дрямливая,
 Нявѣстачка наша.
 Пряду, сакѳчу,
 Спацячки хѳчу,
 Палажу я галѳвачку
 На свякрусну падушачку,
 Ци ни падрямлю.

Свякруха бяжыць,
 Якъ каршунъ ляциць:
 Санливая, дрямливая,
 На работу лянвивая,
 Нявѣстачка наша.
 Пряду, сакѳчу
 Спацячки я хѳчу.
 Палажу я галѳвачку
 На дзеверяву падушачку.
 Ци ни падрямлю.
 Дзеверь шумиць,
 Якъ сѳкаль ляциць,
 Вясѳлая, харѳшая,
 Нявѣстачка наша.

(с. Росуха, Мглин. у., со сл. 55 лѣт. женщины въ 1896 году).

Атъяжджу мужъ у дарѳгу
 Пакидау жану здарѳву.
 Прѣжджая изъ дарѳги,
 Пытая у милья здароуя,
 Чаго, мила, дужа забалѣла?
 Ци я табѣ болна?
 Щаку ударну.
 Ци я табѣ здарѳвуйка умѳлю.
 Ой умру, умру,
 Я жыва ня буду.
 Ой ѳдъ, милый, въ нѳву гараѳѳчку,
 Купи, милый, крамну ²⁾ сарѳчку.
 Паложъ мяне у вишневамъ садѳчку.
 Выкапай ты, милый,

Чырвѳну калину,
 Пасадзи калину на мою магилу.
 Будуць ка миѣ салавейки прылятаѳи,
 Будуць яны пѣсни шабитаѳи.
 У нядзельку паранѣнько,
 Яще сонца ни узыхѳдзя,
 Милый па вулачки ходзя.
 Малѣнькаго дзицѳтачку нѳся,
 Устань, мила, устань, прабудзѳся,
 Ужѳ твайѳ дзицѳтачка плѳча.
 — Кали табѣ дзицѳтачка жалка,
 Найми яму мамку и няньку,
 А кали ни жалка, падай суды у
 ямку.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзд. со словъ 40 лѣт. женщ. въ 1899 году).

Слѣдующую пѣсню иногда запоетъ, прывши, молодница для того, чтобы свекровь услышала, и нерѣдко свекруха и начинаетъ бранить свою невѣстку за подобную пѣсню:

Матка доничку кахала,
 Да-й ня у дружнню сямью атдавала—
 Жыви, дѳбачка, прывыкѳй,
 Якъ стануць сварыцца
 У зялѣный садъ уцякѳй:
 У зяленамъ саду калѳина
 На той калѳини зязѳля
 Раннѣйка кукуя,
 Нѳхто зязѳля ня чуя
 Тольки —й— чуя яѳѣ нявѣстка,

Рана па виду хѳдзючы,
 Свекра и свякруху кляичу,
 Яны вады прынясе, да-й плача.
 Яѳѣ милый пытая—
 Чаго, мила, уздыхайнѳшь?
 Плачу, милнѣй, я плачу,
 Твайѳой матухни ни владжу (не угожу)
 Вады прынясу—навѣлля, (повелѣ-
 ваетъ),
 Ложки памью—ня возми,

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со словъ 27 лѣтней женщины въ 1899 году).

¹⁾ мужжу веретяномъ. ²⁾ крамъ—товаръ лавочный.

Хатку памяту—ня ступи.
Охъ ты, татачка, салавѣячка,
Ни руби дзеряца, куды яно ня
хйлицца,

Ни, тдавай дачкѣ замужъ
За каго ня хѳчицца,
(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со сл. 55 лѣт. женщины въ 1897 году).

Загуманилася здрька
Пирядъ силнинькимъ дожджомъ,
Расплакалась красна дзѣвка
Пирядъ дѳбримъ малайцѳмъ.
Атчаго, удалъ малѳйчыкъ,
Учѳра зъ вѣчара ня быу?
Вѣрна знаю, што другую

(с. Гарцево, Стародубскаго уѣзда со словъ 26 лѣтней женщ. въ 1899 году).

Я нидауна сиратаю стала
Да багата горичка упазнала.
Сказали мнѣ вражы люди—
Ида замужъ, добре табѣ буде.
Я люцкую волечку учинила,
Вышла замужъ—галовачку утапнула,
Утанила галовачку у воду,
Напауся милый паганого роду,
Нѣе гарѣлку, якъ холодную воду.
Я не знаю, якъ ему гадѣти,
Устану рана да начну будити:

(1900 года отъ 20 л. дѣвки въ с. Вѣгочъ, Чернигов. губ., Городнянскаго у.)

Ой Божа, Божа, когда шей вечеръ буде,
Што про мяне наговоруцца люди.
Гавѳрють старѳе, говорють малѳе,
Ще къ тому й вороженьки злые,
Не такъ вороги, якъ неродная мати,
Ложьки, сирата, ни вячѣряушы спати,
Ни вячерила, ни буду абѣдять,
Пустити жъ мяне до роду
Радѳны атвѣдять.
Бягу я лугамы—
Луги растылаются.
Бягу я садамы—
Сады распцвѣтаюцца.
Бягу я сяломъ—
Вороги утѣшаюцца.
Ни утишайтися,
Пракляты варѳжаньки,

Отъ той же.

Охъ ты каваль, кавалѣчыкъ,
Дѳбрый, удалый, каваль мастярочыкъ,
Чомъ ты, каваль, рана ни куѣшь,
Ди ты сабѣ злѣза ни майишь?
Исць у мянѣ злѣзанька багата
Да-й-усѣ стальянѣя,
Иосць у мяне дачкѣ Кацѣрына—
Дзѣвка маладѣя!

(с. Лупеки, Стародуб. уѣзд. отъ 40 л. женщ. въ 1899 году).

Ни за старого, ни за малаго.
Атдай дочку, да за роунаго,
Ни за рѳуннымъ быць—сухата мая,
А за любымъ быць—красата мая,
Самы варѳячки аткутаюцца,
Якъ мой татухна у госпейки ѳдвя.
лѣт. женщины въ 1897 году).
Ты сцѣжачку пратарѳу.
Ты тары, удалъ малѳйчыкъ,
Я другую пратарю.
— А я тваю дарожачку
Усю пасадкай абсаджу,
Штобъ хадзила. ни блудзила
Клѣнъ дверява пасаджу.

Устань, милый, мѣе цалованье,
Ужѳ гатова табѣ умыванье.
Стайтѣ табѣ вадица у кубѳчку,
Виситѣ рушничокъ на калѳчку.
Стѳу милый съ пастели оставитѣ,
А я атъ яго за дверь утикаѣти.
— Чаго, мила, за двери утикаишь,
Ти ты майишь нѳравау ни знаишь?
— Я нидауна за табою стала
Да уси тваѣе нѳровы упазнала.

Што я ни найду
До дому дарожаньки.
Ой я не знаю,
Якъ ворогамъ гадѣти:
Ти у ѳбламъ, ти у чорнамъ хадити?
Хади у ѳбламъ, скажутѣ—хвасѣйивая,
Хади у чѳрнамъ, скажутѣ—дрямливая.
Бягу я поле, бягу й другѳе.
На третѣемъ поли сѣла атдыхать,
Ажъ тамъ брачики коней пасуть.
Старшѳй братъ меншаго посылаѣ:
Вѣжи, братецъ, то наша сястрица,
— То ни сястрица, то чужъ—чу-
жаница,
Ой Божа, Божа! Якова я стала,
Што мая радѳна мяне не спазнала.

Яна сабѣ сына аридзила,
Арадзиушы, увяла й загубила,
Загубиушы, у садокъ нашла,
Зъ вѣтрамъ гаманѣла:
Охъ вы, вѣтры, вы буйныя вѣтры,
Замаяциця вы сцѣжѣки—дарѳжки,
Да штобъ туды людзи ни хадзили
Майго дзницячки ни будзили.

Сяджу, сяджу у вандица,
Выглядаю чарнаморца,
Чарнаморець идзе,
Смярыхъ коней вядзе,
На восьмань вараднѣ
Самъ у кахтани виланомъ,
Ни заѣхау йонъ да дому,
Падъѣжджа къ Дону,
Стану йонъ коній напанѣци
Чарнамориць патанѣци.
Чарнамориць патанѣца,
Сваю мѣлау гукѣа:
Рятуй, рятуй, мая мѣла,

Калі вѣрна любіла!
И радабъ я рятаваці,
Да ня умѣю-й-выплываці!
Калі бъ чдвинъ, да вясѣла,
Стала вода прыбываці—
Рятавала-бъ цябъ сѣрца.
Пакўль людзи сабрѣлися,
Чарнамориць затапѣюся,
Мой мѣлянскій, патанѣцшъ,
Мяне мѣлоу напѣдайшъ!
Пашлѣу мѣлянскій вадѣю,
Застаюся я удавою.

(Заучено въ 1859 г. въ с. Росухѣ, Мглинскаго уѣзда, со словъ 20 лѣтн. дворовой дѣвки).

Закукали вязюлички,
Тирявъ садзникъ лятучѣ,
Заплакала красна дѣвука,
Вѣду пасцель сцялючѣ.
Пасцель мая тонка, бѣла,
Учомъ на табѣ мулка спаць?
Да якъ прыдзя цѣмна ноча,
Нѣ съ кнѣжъ слѣвичка сказаць.
Якъ паѣхау мой мѣлянскій
На нарѣ гуляць,
Пакѣнуу мяне горя гаряваць.

Гарявала ночачку, гарявала дзѣвѣ,
На треццяю ночачку
Вышла на зарѣ,—
Балиць мое сѣрца
Ташницца души!
Бяры войстру шаблю,
Да рѣжь маю грудзь,
Вымай майго сѣрца
Да ни маю вѣру,
Пуцай людзи бачуць,
Якавѣ мая любѣу.

(С. Платково, Стародубскаго уѣзда со словъ 20 лѣт. дѣвки въ 1897 года).

Чаго, Машачка, на личавька, бляднѣ,
Нѣту краски, нѣтъ румянца у лица,
Памуццѣлись Машин глазки съ таски,
Рада бъ я и къ мѣламу пайцѣцъ,
Рада бъ, рада дружка у вочв напѣдаць,

Рада бъ, рада дружка у глѣзы маругаць,
Учомъ ты, Ванька, разбязсовисный ты
стау,
Дзѣ ты, Ваня, свою совѣсть растираю,
Ци ты у карты, у бильяарты прайнтраю.

(отъ той же въ 1897 году).

Раскажу я вамъ, надружки,
Пра нищасця пра свойо.
Ци вы знали майго друга,
Якій хвабрый маладзѣць.
Чѣрный вѣравъ, сѣлный войнѣ
Атлѣчѣюся на вайнѣ,
Бнуса, драуса зъ варагѣамы,
Тамъ галоуку палажѣу,
На маскоуськамъ на кладбищы
Тамъ мой милый палажонъ,
На йонъ памятникъ высокій
Разукрашанъ сирябромъ,

У дваваццаць часоу ночы
Ходзя дзѣвица адна,
Къ йой выходзя на гулявья.
Зъ бѣлай камеры мяртвѣць,
Чаго, дзѣва, поздна холзѣшъ?
Ты ни бойся никога,
Охъ и якъ жа шѣтъ бяцца,
Тутъ мой милый схаравѣнъ,
На йонъ памятникъ высокій,
Разукрашанъ сирябромъ,
На йонъ камушакъ няжолый,
Мѣль ня можа зъ гроба устаць.

(Отъ той же въ 1897 году).

Последнія двѣ пѣсни, очевидно, позднѣйшей формациі, и происхождение ихъ можно объяснить тѣмъ, что въ Платковѣ жили прежде помѣшники Троицкіе, и вотъ, должно быть, прислуга слышала отъ господъ:

Моего-ль вы знали друга,
Онъ былъ бравый молодець и т. д.

и вотъ изъ разныхъ отрывковъ состряпали пѣсню.

Кто лѣнивъ прясць, того называютъ ялдоха—святоха и въ насмѣшку надъ лѣнью—разсказываютъ такую сказку.

Жилъ былъ сабѣ мужыкъ зъ жѣнкой. Яна ляннлась прясць, усѣ насила куплѣнныя сарочки. Вилыла зроду ня мыла, якъ надѣвня чыстую сарочку,—заразъ грязную у печь, да-й-спала.

Во, паѣхау разъ яѣе мужыкъ у горадъ, жонка к наказуя: глядзи жъ, привязи мнѣ аттуль сарочку.

Вдзя мужыкъ съ горада у дворъ, сустрыкая салдата. Йонъ и прося (мужъ)—пад-вязи мяне, дзядзька.

Садзись, кажа, служивый.

Вдуць па цихиньки да гамонюць, мужыкъ и расказалъ свайо горя, пра ляннвую жану.

Добра жъ, кажа салдатъ, я яѣе вывчу прясць.

Тольки што мужыкъ на парогъ, и жонка съ печи крычыць: а што купну сарочку?

Купну, да гуску.

Дарма, што вужку, и за тую спасибо; да заразъ здѣла свайю сарочку, да у печку; а сама барджѣй на печку, да аттуль и крычыць: падавай новую сарочку, а то я сакалѣю (смерзну).

Што ты, цетка, голая сядзись, пытая салдатъ.

Нема сарочки.

Чаму жъ ты ни врдзешъ?

А я—Ялдоха-Святоха, й прясць мнѣ вильга, усе праздникъ: у панядзѣлакъ я радвилась, ня можна прясць, у автораць па нымѣю къ папу хадзили, у серяду были подкресни, а у чацвергъ храсцнлась, у пятницу ни прядуць, а у субботу, яка жъ работа? Падмыць, надмесць и гребянь у хату ня несць, а у надзѣлю празникъ.

Эге жъ, у надзѣлю празникъ, што прауда, то прауда. Дыкъ ты Ялдоха-Святоха, а я Иванъ Храсцицель, кажа салдатъ, да якъ начау яѣе пугай храсциць да прыгавариваць:

Во, табѣ, Ялдоха-Святоха, будзись прясць? будзись прясць?

Прасциця, Иванъ Храсцицель, буду и прясць и ткаць, тольки помилуйця.

Съ тыхъ поръ баба годзе ляжаць на пачы, а мужыкъ болій ни куплау йоѣ крашннхъ сарочакъ.

На прызыви.

Въ концѣ Октября начпнается «прызну у салдаты».

Въ 1860 г. разсказывала одна старуха, которой тогда было уже около 70 лѣтъ, что, бывало, вербовщики ходягъ по селу, несуть горѣлку, жареныхъ «курей, валоуя мяса, у бубны бьюць, играюць и пяюць:

Пристань, Юрку,
Да вярбунку,
Будзись ѣспи
У масла кўрку!

Будзись ѣсци,
Будзись пици,
Будзись хороше ходзѣци.

Прошли и тѣ недавнѣе еще времена, когда не было всесословной воинской повинности, когда солдатъ несъ службу въ теченіе всей жизни и, оставивъ родину юношей, возвращался домой старикомъ инвалидомъ.

Вотъ, тогда-то матери и жены оплакивали рекрутъ, какъ мертвецовъ.

Далеко не то теперь при пятилѣтнемъ срокѣ службы: нынѣшній новобранецъ подъ часъ и не доволевъ, если ему «ня бреюць лобъ», потому что «маладому и самому хочица свѣту пабачыць».

Однако матери и теперь не перестают оплакивать своих сыновей новобранцев. Который сыночек на призывѣ, она уже за мѣсяць дастъ ему сладкій кусочекъ за завтракъ, напр. всей семьѣ поставитъ на столъ миску съ гороховымъ кулецомъ, а кто на призывѣ, тому асѣба прядѣ ¹⁾ салца на сковородцы и примовя: Ыжъ, мой котъ, а то тамъ за паць гадоу, ты можа и крошкы сала у вочы ни пабачышь. Печеть рѣзаны ²⁾—семьѣ памажэ сыражъ зъ малакомъ разведеннымъ, а будущему солдату «малычкэмъ памасля» и т. п.

«У прызыўная урежыя усюды па сѣлашъ паяць рязруцкія пѣсни».

Кавали—сягдъ лѣта грѣчка ня урадзила,
Ажны грѣчка яце сусимъ ня усходзила,
На гардахъ чачоты маки цвитуць,
Па дзярвунямъ салдацины йдуць.
Выйшла маці, свайго сынка спазнаваці,
Зайдзі, сынку, да да дѣманьку,
Щашу ³⁾, змѣю да буйву галованьку.
Табѣ, маці, мнѣ галоуки ни часаці,
Змыюць мнѣ галованьку да дробныя дожджы,
Ращешуць мнѣ кудры да буйныя вѣтры,
Разабьюць па днаму валасѣчку,
Развѣюць па чыстаму плечку.

(с. Кожемяки, Мглинск. у. со сл. 20 лѣт. парня 1898 года).

Раскадайся, сырый дубъ,
Заутра марозъ будзѣ,
Убярѣйся, удовинѣ сыночъ,
Заутра паходъ будзѣ.
Янъ марову ни баюся,
Заразъ раскынуся:
Кареньяйка у сыру землю
Лисцяйка да долу.
Янъ паходу ни баюся,
Заразъ убярѣся,
Чабоцны на вѣжанькы,
Шабельку у ручкы.

Палывайці дарожачку,
Штобъ ни пылілася,
Прыкажыця аццѣ маці,
Штобъ ни журмыся.
Дарожаньку налівали,
А яна усѣ пыліца,
Аццу маці наказали,
А яны усѣ журюцца.
Нема тыя дарожачкы,
Што ня будзѣ пыліцца
Нема таго ацца, маці,
Што ня бузуць журюцца.

(отъ того же въ 1898 году).

Чаго, салавейка, смуцень, ни вясѣль?
Што дробна пташачка зажурылася?
Запѣу бы я пѣсянны,
У мянѣ гѣласу нема,
Кливуу бы я зиряты,

Мнѣ вѣлячкы нема.
Залѣзная кѣтка
Мянѣ садзяржыць,
Зялена дубровачка
Мянѣ ни звысялицѣ.

(с. Манюки, отъ 20 лѣт. хлопца въ 1899 года, Новозыбковскаго у).

На гарѣ высокая
Два дуба стайны,
Падъ тыми дубамы
Дзвѣ магілы ляжыць.
Дзвѣ са слязамы
Распрашывае,

Ци нема жъ—то тутъ
Дружка майяго?
Магіла сказала—
Нема тутъ яго,
Другая сказала
Забудзь пра яго.

(отъ того же въ 1899 году).

¹⁾ Жарить. ²⁾ Ржаные пироги. ³⁾ Причесу.

Брала дзѣвачка
Ягадки суніцы,
Усю далиначку исхадзвля,
Ня знашла дзѣўка таго,
Каго спалюбыла.
Вяруць молайца
У салдаты.
Што й па вулицы
Вдуць каняшы,

(с. Росуха Мглин. у. со сл. 19 лѣт. парня въ 1899 году).

Назначыли добраго молайца
На гравічаньку службыць,
Па йомъ плача радзімая наці,
Силна убывайница,

(отъ того же въ 1899 году).

Охъ, и шляхъ ты, мой шляхъ,
Чаго запылнуся?
Охъ и якъ жа мнѣ, шляху,
Шырокай дарожцы,
Да мнѣ ня пыліца!
Што-й па мнѣ то, па мнѣ,
Шырокай дарожцы,
Багата рэкрутъ ганяюць.
Што-й па перяду йдзе
Малады палкдунникъ,
Идзе, маршыруа
Што-й назадзі усихъ
Идзецъ душа дзѣвнца.
Охъ и якъ то мнѣ,

(д. Вородинка, Мглинскаго Уѣзда, со словъ 19 лѣтн. хлопца въ 1899. году).

У сѣничкахъ за дзверями
Молайца спаймала,
Назадъ руки завязала,
Пасадзіли добра молайца
У писанамъ вазочку
Самы сѣли у пярэдочку,
Падъ судъ падвазіли,
Паль мѣру становіли,
Рубашку скидали,

(заучено въ 1861 г. отъ 30 лѣт. парня въ с. Росухѣ Мглинскаго у.).

Варьянтъ этой пѣсни записанъ то же въ с. Росухѣ въ 1899 г. со сл. 19 лѣтняго хлопца.

Што-й адзінъ та я, адзінъ
У матушки нарадзіўся,
У някруты, у салдацкі
Маладзецъ згадзўся.
Узяли добраго молайца.
Узяли у някруты,
Зывали яму, добраму молайцу,
Назадъ бѣлы руки,
Пасадзіли яго у вазочку,
Станавіли яго,
У салдацкамъ станочку.

(со сл. 20 лѣт. хлопца вол. Росухѣ Мглинск. у. въ 1899 году).

Да усѣ парамы.
Стайць дзѣўка
У вардѣчкахъ,
Абывайница слэзны,
Ня плачъ, дзѣвачка,
Ня журыся, ня быць табѣ за мною,
Ня зваць табѣ
Мяне чалавѣкамъ, (мужешъ)
Мнѣ цабе жаню.

Ня плачъ, рѣдна маці,
Ня плачъ ты пры мнѣ,
Наплачўсяся й бнзъ мяне.

Краснай дзѣвнцы,
Якъ мнѣ ня журыцца,
Што-й адзінъ то у мяне
Садокъ зиланенькій,
И тѣй усмаха.
Што-й адзінъ то у мяне
Дружокъ размылюсненькій,
И тѣй атѣжджа.
Польна соннайку па садзнку хадзнца,
Польна жаркму цвѣтъ яблани сушыцы,
Охъ и якъ жа мнѣ ня плакаць, ня
тужыць,
Мнѣ навѣкъ сабѣ такога ня найднць.

Яго цѣла абглядэлі
Русы кудры падрязэлі.
Што-й праснўся добрый моладзецъ —
Вы пуснця мяне, браццы,
Къ аццу, маццы,
Съ ацдомъ маткай навідаюсь,
Жѣ жаной парукаюсь (пожму руку).
Надъ дзѣткамі пауцѣшаюсь.

Годзя дѣбу зиланѣму стаяцъ,
Пришла осень, стау лнстѣ спадаці,
Вязуць молайца у салдаты,
Па йомъ плача ацець, рѣдна маці.
Ня плачъ маці, ты уже старѣя.

Няхай плача жана махадая,
Калі яѣе долчка такая.
Калі бѣ жа знау, зроду бѣ ня жанўся,
Няхай бы я навѣкъ хлопцамъ вала-
чўся.

Варьянтъ вышеприведенной пѣсни въ д. Вѣрновичахъ, Стародубскаго уѣзда отъ 40 лѣт. человѣка въ 1899 г.

Польна табѣ дубу на карни стаяци
Скора съ цабе, дубу, лнстѣ будзя
спадаци.

Плача ацець—маци,
Хочуць ихъ сынѣчка
У рекруты атдаци.
Ни плачѣ маци,
Да ужо-жѣ ты старая,
Нехай плача
Жана маладая.
Яще будзя плакаць
Дзвцятка малѣ.
Я пайду служыць,
У Варшаву горадъ
У горадъ я вялкий.
Тамъ сабѣ достану
Валшыя харошы.
Вазьму я съ сабою
Жану маладую,
Пайду тамъ на рынакъ
Куплю йой платочыкъ,
Частый грыбяшчыкъ.
Жана будзя прыбирацца,
Грыбяшчыкамъ часацца,

Малоя дзвцятка уцнцатца.
На маць я старую
Буду забывацца.
Повязьли нашыхъ някрутушакъ
Зѣ вечара у ранки (рано)
Усѣ лясамы да барамы,
Крутымъ гарамы.
Сызыя варанятачки
Усѣ поле укрыли,
Малады някруткамъ
Жали нарабляи.
Не такъ жали, не такъ жали,
Я болій пичали.
Сызыя варанятачки,
Падымайцись у гору,
Маладыя някруцки
Зьвярнитесь да дому.
— И рады бѣ мы зьвярнуцись,
Майоръ ни нуцца.
Хоча зѣ нами, зѣ нами, някрутамы
Турка вайнаца,
Турецкаю зешлю
У палонъ забираць.
Чорнымъ порахомъ стреляци.

(Отъ того же).

Кала саду залѣнаго
Дарожка лажала.
Ой тамъ мать свайго сына
У салдаты трыджала:
Харошъ сынку нарадзѣюся,
У салдаты згадзѣюся,
Яго коникъ варовинькѣй
На двару играйя.
Яго мзци старѣнькая
Плача и уздыхайя,
Сусѣдзѣ правляная:
Сусѣдзи моѣ близкѣя
Вы, вораги цыжкѣя!

Ой вы майго горя знали,
Да мѣвѣ ни казалы.
Цяперъ жа вы мѣвѣ сказалы,
Якъ майго сына узлыи.
Повязьли майго сынѣчка
У городъ у Варшаву.
На вѣрну прысягу.
Прысягай жа, мой сынѣчкѣ,
Богу, государю.
Да хто царю вѣрна служба,
Ни плача, ни тѣжа,
А хто царя зьыважава
Усѣ плача рыдая.

(Отъ того же).

Ты, верба мая, верба кучяравая,
Ты ня стой, ня стой
Надъ рякой быстрой.
Ни пускай гольляйка
На синя моря.
На синаму морю
Тамъ карабль плавѣць.
Якъ у томъ жа караблѣ
Тры палкѣ салдаты,
Маладыхъ рыбать,

Ахвицѣроу пяць.
Ахвицѣръ на салдаты
Шыбка бронница.
Рядавы салдаты
Дамой прѣсница—
Ахвицѣръ—майоръ
Атпусци мянѣ дамѣ.
Къ аццу, къ мацѣри.
Къ малымъ дзѣгушкамъ.

(Въ с. Невзоровѣ, Стародубскаго уѣзда, со сл. 17 лѣтняго парня въ 1897 году).

Явъ паѣхау инпираторъ
Сваю армію сматрѣць,
Абищауся Александръ
Къ Ражаству дамоу прыбыць.
Уси праздники праходюць,
Александра дома нѣтъ.
Яго маминька радная

Стаскавалася па йомъ,
Яго жана маладан
Дзень и ночку у слязахъ.
Александръ инпираторъ
Усяхъ сиротамы видау,
У Таганроги жыць канчау.

(с. Росука, Мглинск. уѣзда; записано со сл. 25 лѣт. въ 1875 году).

Пѣсни, которыя поють мужчины.

Хлопцы рѣже и меньше поють, чѣмъ дѣвки, и не раздѣляютъ своихъ пѣсенъ по временамъ года; впрочемъ, п ихъ пѣсни имѣють три отдѣла: рекрутскія, солдатскія и тюремныя. За исключеніемъ рекрутскихъ, поють сплошь, когда кто какую ведумаетъ. Не стануть они тоже ни за что пѣть бабскихъ и дзявацкихъ пѣсанъ, такъ что хлопцы имѣють свою собственную устную словесность.

Историческихъ пѣсенъ тоже нѣтъ; только про Платова казака живетъ еще воспоминаіе.

Маць Рассѣя, маць Рассѣя,
Маць Рассейская зямля.
Пра цябе, маць Рассѣя,
Далёка слава праішла,
Да пра бѣлаго царя,
Да пра бѣлаго царя,
Пра Платога казака.
Платоу слауныи войннъ бѣу,
Свайой барады ня брѣу,
Платоу законъ прыступіу,
Брытву, ножанцы купіу,
Свайю бараду абрѣу.
У хранцуза у гасіахъ бѣу.
Хранцузъ яго ни увазнау,
За вубраный столь саджау,
За бѣлыя руки брау,
Ты, храньцюзькая каргѣ,
Ня умѣу ты, варона,
Сѣкала у кавцяхъ джиржаць

Чарку рому паднасіу,
Яго ниласці прасіу—
Выпи рюмку, выпі дзѣвѣ,
Скажы праудачку и мнѣ,
Хто началникъ у Масквѣ?
Я у Масквѣ ни разъ бывау,
Многа паноу, купцоу знау,
Аднаго тольки ни знау
Я Платога казака.
Кали бѣ хто яго указуа,
Ябѣ таму многа казнѣ дау.
— А на што казну цираць,
Яго й-такъ можна увазнаць,
Платоу на каня садзіуся
И съ хранцузамъ пабранныя—
Ты варона, ты варона,
Тольки умѣла ты, варона,
У чистамъ пѣли ваеваць.

(въ 1898 г. с. сл. 19 л. парня, въ с. Гарцовѣ, Стародубск. у.).

Слѣдующая пѣсня про Платова пѣлась въ 1863 г. хоромъ ребятъ и записана со словъ 40 лѣт. шаповала тогда же).

Ты, Расея, ты Расея,
Ты расейская земля
Пра цябе, зямля Расея,
Многа славы гавараць,
Пра Платога казака.
У Платога казака
Нябрытая барада
И ня стрыжаны вусы,
На грудзяхъ висяць хресты.

Убираўся Платоу
Къ Винаплату (Бонапарту) на пакѣднѣ,
На шырокіи дворъ увѣжджау.
Винаплать яго сустрыкау,
У харомы вазывау,
За дубовый столь саджау
Стаканъ волки надлвау.
Охъ, и выпі купецъ,
Ты, расейскій маладзецъ.

Загадаю я загадочку,
Ты изволь мнѣ отгадать.
Я на ярмалки гуляю,
Ахницерау узнаваю,
Аднаго я ни угадаю
Я Платога казака.
Хто бѣ мнѣ яго указау,
Много-бы суммѣ таму дау.

Ахъ, на што сумму даваць,
Яго-й такъ можна увазнаць.
У Платога казака
Ни брѣтая барада,
Платоу бараду аббрыу,
У хранцуза у гасцяхъ быу.
Хранцузъ яго ни увазнау,
За дубовый стожъ саджау.

Слѣдующая пѣсня позаимствована въ 1863 году въ с. Росухѣ.

Пиша, пиша кароль прускій
Гасударыни у Саватъ
Прашу цябе, сударыня,
Ни прагнѣвайся на мяне,
Ой атдай-ка, сударыня,
Да тры слауvinныхъ гарадѣ:
Атдай городъ, отдай ницярѣ,
Атдай слауvinную Маскву,
Каля ты ни атдася,
Дыкъ я цябе разарю и разабью,
У каменнѣ Маскву увайдѣ,
Рядавыхъ салдатъ настаулю
На купечискихъ дамахъ,
А самъ стану, кароль прускій,
Я у царьскагъ у дварцѣ.
Дыкъ зачытѣ ты, сударыня,

Прызадумашысь стайишъ,
Тольки бѣлы руки домишъ,
Ничаго ни гаварышъ.
То ня пыль у полі запылѣся,
То йшло воська князя Василья.
Князь Василья на вайну пашду
А за ймѣ наслы па тры, па чатыры.
Ты вярнись, вярнись князь Василья,
Твая жана сына спарадзила,
Спарадзиушы, Богу душѣ атдала
Падѣжджая князь Василья къ цырянѣ,
То ни кавалики куюць,
То жанѣ яго дамавиу буваюць.
То ни пташачки у саднику пяюць,
То князя Василья да дробныя дѣтки
Па свайой роднай маццы плѣчуць.

(Записано въ с. Кожемякахъ въ 1898 г. отъ 80-лѣтн. старика, Мглинскаго у.).

Поля чыстая турецкая,
Мы кагда цябе поля, пройдемъ,
Усп бургы, твайе дарожачки,
Уси миста слауvinны, прыбрасны.
Мы сайдемся съ нипрыацелемъ

Съ такой ардой нявѣрнаю.
Ва часнѣй дзень сирадѣ
Падхадвили къ нипрыацялю,
Кагда турки напивалися
И на Рассею собириалися.

(Записано въ 1861 г. отъ 30 лѣт. жен.).

Польна, польна вамъ, сняждчки,
На сырой зямли лижаць.
Польна, польна вамъ, салдацки,
Горя гарываць.

Пара привыкаць
Къ турецкимъ степямъ,
Къ турецкимъ гарадамъ.

(с. Невзорова, въ 1890 г.).

Пѣсни тюремныя.

Вѣцяръ вѣя, павѣяя,
Садъ зялѣниный шумиць.
Сама дѣвица ни звая,
Идѣ яе милый сядзиць.
Што-й у горадзи у Адесци,
На вулицы на раунѣ,
Тамъ стала да тры башни,
На сярѣдку балшый домъ.
То ни домъ, ни балница

Настаящая цюрьма,
Тамъ сядзиць яе милый
Парянечыкъ удалой
За дубовыми дзвирями.
Ничаго парне ни видна
Только й слышавъ звонъ ключѣу,
Ключники дзверн аттваряя—
Выхадзи-ка братъ сюды.
Якъ йонъ вышау на свѣтъ божий,

Кругомъ сабѣ аснатрѣуса,
Ахрысцнуса тры разы.
Аткуль узаяуса тѣй священинкѣ,
(д. Бородинка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 16-лѣтн. хлопца въ 1899 году).

Стау йонъ правила чытаць,
Аткуль узаяуса тѣй судзебный,
Стау рашѣньня выкликаць.

Какой проступокъ и что приводитъ молодой въ острогъ, объ этомъ пѣсни умалчиваютъ.

Впрочемъ, слѣдующая изъ нихъ нѣсколько объясняетъ причину неволюшки и выражаетъ обманутую любовь, доведшую дѣвку до худя славы, до великаго стыда и преступленія:

Охъ ты, пташка канарейка,
Разгани печаль мою.
Майо горя уснѣть извѣстна
Обмануу милой мяне.
Йонъ на мяне прывабмуса,
Я на яго—никогда,
Атчыню я у клѣтцы дзвери,
Пушу пташачку на волю.
На палѣци свайой пташцы
Три славечки разкажу:
Ахъ ты, пташка канарейка,

Ляци у гѣру високо,
Сядзь на ябланци кудравай,
Запѣй пѣсянку яму
Пра жысць горькую мою.
Охъ ты, воля, мая воля,
Да чаго ты давяла!
Давяла ты мяне воля,
Да славушки, да худой,
Да вяликаго стыда,
Да каминнаго астрага.

(х. Александровки, Мглинскаго у., со сл. 40 л. женщ. въ 1889 г.

А худая славушка неумолимая напр.:

Ни виновинъ парабокъ,
Винавата дзѣвца,

Яще сонца ни зайшло,
Гатѣва пасцьдѣлька.

(с. Красновичи, Суражскаго у., въ 1871 г., отъ 60-лѣтн. старуха).

Жаль жа мнѣ ни Тацяну,
Жаль жа мнѣ ни ядѣ:

Ни паслала пасцьдѣлячки,
Лиха мацари ядѣ.

(Отъ той же въ 1871 году).

Сяджу я у няволи—цянинцы балшбй
Никаго ня виджу я пирядъ сабой,
Сматру у вакошка—таварышъ идзець,
Таварышъ, таварышъ, пажалуй сюды,
Хадзи, братъ таварышъ, на нашу гару
Идвѣ сонца ня свѣця и мѣсяць ни
бывая,

Тамъ гуляю я!
Идзи, братъ таварышъ, у зяленый ты садъ,
У зяленамъ у саду салавей пяць
Намъ, братъ, таварышъ, разлуку даець.

(Въ 1891 году отъ 20-лѣтн. парня, въ с. Невзоровѣ, Стародубскаго уѣзда).

Охъ, якъ дау мнѣ Богъ
Нищасную дѣлю.
Павяли мою дѣлю
На чужую старану у нявѣлю.
Доля на идзець, упирайница,
За мою маладзецкую шыю хватайница.
На дварѣ марозаньки люты
Прымарозили зялѣзы на жываты
Я ирвау, ирвау—зялѣзы на рвѣцца,
Знаць мнѣ молайцу зъ нявѣли ни
вярвѣцца.

Што-й зъ вѣчара пагода
Ка блу свѣту марѣзь.
Ишоу, прайшоу брадзяга,
Виздомный чалавѣкъ.
На сустрѣчу йшоу брадзяги
Яго прыяциль дарагой:
Твая маминька радная
У сырой зямлѣ ляжыць,
А падружка дарагая
Падъ вянцѣмъ зъ другимъ стайницъ,
Дзѣлаць нечаго брадзяга,

Паварачывай назадъ!
 Ишоу я лѣсамъ,
 Ишоу я цѣнымъ,
 Уздумау малчыкъ атдыхнуць.
 Жарка соннейка прыгрѣло,
 Стау я, малчыкъ, засыпаць,
 Стала ночка наступіць.
 Узялі молайца, забралі,
 Руки ногі пазвязалі
 И атправілі у настрогъ.
 У в'астрозі дзверь шырока
 Да калітачка вўзка,
 Ни пускаюць нікуда.
 Ты зап'ей, зап'ей, жаваранокъ,
 Зап'ей вясной на праталінцы,
 Ты падай голасъ тирязь цѣмныі лѣсъ
 У Маскву каміную отъ нявольнічка.
 Йонъ ни годъ сядзіць и ни два,
 А сядзіць йонъ роуно дзевяць гадоу,
 На дзясятый годъ стау письмо вісаць.

Напішу письмо къ аццу й маціры
 Ацець—матушка, паратуйца,
 — Што й у нашай радні
 Плутбу ни было.
 Ни плутбу, ни варду,
 Ни разбійничью.
 Што-й адзінь у насъ сынъ
 Да-й тэй падпалкоўнічакъ.
 Па карманамъ вѣцяръ вѣя,
 Кашалекъ пустый грывіць,
 Абарваніць ни рабѣя,
 За ряшотваю сядзіць.
 Ноги босы, цѣла грязна
 И рубашка якъ смалъ.
 На рукахъ яго браслеты,
 На нагахъ усе капдалі.
 Чорныі воранъ, другъ залетныі,
 Ляці къ мільнякэй скарэй,
 Атадай мілаго паштэньня,
 Ще-й заглазныі пацалуі.

Пѣсни, которыя поюцца хлопцамі по большей части хоромъ, «когда заугодно».

Удоука свайго сына
 На Донъ пасылала —
 Ёдзь, мой сынонь,
 Да-й ни барыся,
 На чужой старонцы
 Да-й ни жайнся.
 Ни чудъ сына годъ
 Ни чудъ и другій,
 На трецьцій гадокъ
 Ёдзя сынонь
 Да ни самъ съ сабою,
 А зъ маладою да жандоу.
 Вышла маці
 Сына сустрыкаці,
 Вынясла яна
 Тры чары вина.
 Адна чара вина зылана

Другая чара якъ мита—рута.
 Первую чару—сама вышпа,
 Другую сыну—паднясла
 А трецьцю чару—жанѣ маладѣй,
 Ня пи, мая мила, усю чару адна,
 Выгѣльмъ съ табой мы па палавінѣ
 И ляжымъ съ табой у адной дама-
 вині.

Сынонь упиуся, съ каня зваліўся,
 А нявѣстуска съ павозкі.
 Палажылі сына—край дарожні
 А нявѣстачку—край далиначкі,
 На сыночку расцы зяленыі дубчыкъ,
 На нявѣстачкі бѣлая бязеза.
 Яны раслі, раслі, сыхіліліся,
 Да ужо-жъ мае дзѣтачкі такі
 злюбіліся.

(Дер. Бородніка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 18 лѣт. парня въ 1898 г.).
 См. Шейнъ Ёлор. пѣсни т. 1, ч. 1, стр. 247. № 546, 547, 548, 549.

Засцвѣтала сіня мѡра
 Разнымы агнямы
 Да усѣ караблямы.
 Што-й у тыхъ жа карабляхъ
 Матрѡсы гуляюць.
 Яны къ сабѣ красну дзѣвуку
 Гуляць падбываюць.
 Пѡвдзімъ, красна дзѣвука,

Пѡвдзімъ гуляць зъ нами.
 Мы цябе, красная дзѣвука,
 Напѡимъ, накормимъ,
 Съ сабой спаць паложымъ.
 Спи, красная дзѣвука,
 Спи, ни прашыпайся.
 Прашнулася дзѣвука
 Пасярядн моря,

Матросики галубочки,
Наганяйця къ броду.
Божачка мой милый,

(Отъ того же въ 1898 году).

Ни лятай ты, сызъ галубчыкъ,
На майо свѣтла вакно.
Ты лиця, лиця, галубчыкъ,
Ця канюшаньку нову.
Асидлай ты, сызъ галубчыкъ,
Мнѣ варѣншиька каня.
У чыстагъ поли, край дарожки,
Распяла дзѣўка шапѣрь (віс)
Съ тонкихъ бѣлыхъ налацѣнь.
Узяла голуба на руки
Стала галавѣ часаць. (біс),
Стау галубчыкъ засыпаць.

(х. Александровка, Мглинскаго у. со сл. 35 лѣт. жен. въ 1897 г.)

Кали бѣ жа мнѣ
Чарка да пляшка
Да жѣнка Натѣшка!
Самъ бы я па вадзѣцу хадзѣу,
Сваю-бѣ милаю за рѣчачку вадзѣу,

(дер. Невзорово, Стародубскаго у. со словъ).

Ва турецкай, ва старонки
Уси салдацки у шарѣнку,
Яны пушки заряжаюць,
У Турѣчыву стрѣляюць.
Яны ходзюць, маршыруюць,
Сялна тужуць и гарюць;
Янарѣловы сыночки ходзюць, уцѣ-
шаюць

(с. Росуха Мглинск. у. со сл. 18 лѣт. пар. въ 1891 г.).

Матка доньку пытала,
Чаго доня смѣтна?
Сама я пра то знаю
Каго вѣрна люблю.
Люблю дружка сярдешна,
Люблю яго дауно.
У поли вѣтры свищуць,
Ваенный громъ гримницъ.
Нихто такъ ни страждаа,
Якъ милый на вайнѣ.

(с. Маяюкн, Новозыбковскаго уѣзда, со словъ 16 лѣт. парня въ 1896 г.).

Цѣща для зяця пирогъ пѣкля,
Соли, да мукп на чатыри рубли,
Сахару, изюму, на вялікую сумму.
Якъ стау йой пирогъ, да дванадцать
рублёу.

А зяцюшка сѣу да увесь пирогъ
зѣўу
Якъ цѣбе, зяцюшка, да ни разарвало!

(с. Новзорово, 18 лѣт. хлопц. въ 1894 г.).

Цяперъ жа мнѣ, краснай дзѣўцы,
Ни видаць свайго рѣду.

Я думала, галубецъ,
Ажъ-то—Сенька маладзецъ.
Заснуу голубъ, заснуу сѣзымъ
У краснай дзѣўки на рукахъ,
На шаужовыхъ рукавахъ,
Прашнууць голубъ,
Прашнууць—сѣзымъ,
Нима дзѣўки, ни каня,
Ни шауковаго шатра.
Людзя пашуць, людзя сѣюць,
А я, маладзецъ, хаджу,
У рукахъ пужачку дзяржѣу.

Я бѣ яйе цалавау, милавѣу,
Я бѣ жа йой кухаварачку нанѣу:
Кала люлячки няличка,
Кала пѣчы кухаварачка.

Вѣлымъ, розовымъ платочкомъ
Па вѣтру махаюць.
Охъ вы цыцця (молчите), ни тужыця
Што-й за ваша за старанья,
У сѣхъ дзеньгамы награджѣу,
Што за вашы за бѣльныя раны,
Усѣхъ хрѣстамы ударѣу.

И онъ рѣжка заряджау
И пушакъ ни баясу,
Усѣ думѣу аба мнѣ.
Убить, убить галубчыкъ,
Падъ кусцикамъ ляжыць,
Была бѣ я волнай пташкай
Зылитала-бѣ я къ яму,
Я костачки-бѣ забрала.
У тасовый гробникъ склала
Зямельки-бѣ прыдала.

Симярѣхъ бы зяцѣу я бѣ пакашта-
вала,

Придзи ка мнѣ, цѣшухна, у маслянку,
Я цѣбе, цѣшухна, начастуу
У семь дубинѣ, да дубовенькихъ.
А восьмуу бярэзавау на табѣ
Я да рукъ зламау.

Жыу сабѣ кароль,
 Кароль удалой,
 ионъ мѣу сабѣ дзвѣ дачкѣ,
 Распрыкрасныхъ сабой.
 Болшая—смуглянка,
 Якъ черная ночь,
 Мѣншал—блянка
 Якъ царская дочь.
 Болшая мѣншую
 Манила патайкомъ—
 Пойдзмигъ, пойдзмигъ, сястрыца,
 На биряждкѣ са мной,
 Паглядзмигъ тамъ, сястрыца,
 Якъ моря вѣбрано
 Силнаю валиню,
 Пѣзнаю марскою.
 И болшая мѣншую
 Спихнула зъ биряжку.
 Рятуй мяне, сястрыца,
 Рятуй мяне, сястра,
 Атады табѣ калечка
 Майго жаниха.

(с. Маниюки, Новозыбковского у. со сл. 16 лѣт. парня въ 1896 г.).

У барына, у барына хараша была
 жана
 А у лакея, у лакея, ще-й палуччы
 была.
 Давай, лакей, давай, лакей, памяняежъ
 на жану.
 Ни хочю, барышъ, миняцца, ни хочю
 миняць жану,
 Вашу жану, вашу жану часта у госци
 завуць.
 Мая жана, мая жана да ня ходзиць
 никуды.
 —Падлець лакей, падлець лакей,
 яго у салдаты сдаць,
 Жану яго, жану яго у прислуги
 узяць.
 Што-й за рѣчкай за рякой,
 Царѣнь грѣчку качаѣ

(с. Росуха, Мглинского уѣзда, со словъ 20 лѣт. хлопца въ 1894 году).

Станимъ, браццы, у кругавую
 Запайѣмъ пѣсию навѣю
 Сынъ на маццы капусту вазѣу,
 Маладу жану у прысцяжку вадзю,
 ионъ на матушку панѣукавая,

(с. Ивайтѣнки, Мглинского у. со словъ 20 лѣтн. парня въ 1890 году).

—Калечка у наслѣдства
 Дастанница мѣѣ,
 Якъ ты захлынешься
 У холодной валиѣ.
 Рятуйца! накажыца
 Матухны-й адцу.
 Прибрали красотку
 Мянѣ ка вянцу.
 Были у мянѣ музыкки
 Усѣ волны марскія,
 Были у мянѣ свашки
 Заморскія пташки.
 Рыбаловцы хлопцы рыбу лавили,
 Выцягнули сѣщи на кругъ биряждкѣ
 Вытрусил сь сѣщи царскую дочь.
 Здѣлалі архву зъ яѣе буйныхъ косць,
 Ссукали струны зъ яѣе русыхъ косць,
 Поставили архву прѣци царскихъ
 варогъ,
 Зайграли на архву—сабрауса народъ,
 Слухайца люди, што архва крычыць,
 Болшую сястрыцу павѣсиць вялиць.

У Марусеньки пытая:
 Марусенька, душанька
 Ци пусьдишь ты начаваць?
 Навѣдзя панъ, будзя знаць,
 Марусичка, душачка
 Мы старѣжу поставимъ
 На чатыры старай
 Па чатыры маскалн.
 Маскалки заснули
 Прыѣхау панъ — ня чули.
 Марусинька — душачка,
 Скажи прауду усю мѣѣ,
 Чаго пляшка на сталь?
 Маскалики праѣжджали,
 Мѣдъ, пиво куповали,
 Красно пиво куповали,
 Бутылачки распивали.

А на жоначку патпрукавая,
 Што-й на матушку дубинаю,
 А на жоначку—быливною.
 Ой—ты! ну-на мая матушка,
 Ой и стой-ты, мая жоначка!

Таварышъ, таварышъ, вѣрный таварышъ мой, я умру.
 Паложъ мянѣ, брадець, вѣрный таварышъ, въ вишневамъ саду,
 У вишневамъ садочку, на жоутомъ пясочку надъ рибнаю.
 Рябина высока, лисцяйка шырока, кучѣрлява,

Спустила голяга зь верху да корня, ще—й—да долапкы,
 Да прыкрыло цѣло бурлацкое, бѣлае, ще-й галовакы.
 Ничто ни заплача па бѣламу цѣлу па бурлацкому
 Да ни ацецъ, ни маці, ни братъ, ни сястрыца.

Што й у поли, пры далини
 Сядзійць сокаль на каліни,
 Буйну ягаду клюбе.
 Сядзійць дзѣўка у святлицы
 Гарючыя слѣзы лье.
 Зарасла дарожачка,
 Прызамѣтинъ п слядокъ,
 Штобъ и милый ни хадзіу,
 Дарожачни ви тарыу.
 Падарачка ни насіу,
 Падарачка дарагодга,
 Зъ рукы персяя залатѣга.
 Пагляджу я на калечка,
 Забалиць маю сярдечка,
 Балиць серца и животъ,
 Што ни у праўдзи милъ живѣць,
 Польна табѣ, сакдліку,

(с. Маниюки, Новозыбковскаго у. со словъ 16 лѣт. хлопца въ 1896 г.).

Худо, худо браццы жыць,
 На чужыхъ малодакъ паглядаючы.
 Што-й чужыя малодки,
 Якъ макавый цвѣтъ;
 Пуце жъ майой неудащачки
 У бѣламъ свѣци нѣтъ.
 Якъ вазьму я неудащачку
 За бѣлыя руки,
 Пазиду я неудащачку
 У млынъ глыбокій
 Плыви, плыви, неудащачка,
 Услѣдъ за водою.
 Надоѣло, неудащачка,
 Жывучы съ табою.

Горьку ягаду клеваць,
 Будзя табѣ, дѣвчачка,
 Гарючыя слѣзы праливаць.
 Маниюцкія рыбяты
 На гульнію—закаты.
 Якъ пашли яны у салдаты,
 Ни багацька праслужылі,
 Уздумалі бѣжаць
 Прыбѣжалі къ Дунай—рѣчки.
 Ключуць пярывозу,
 Пярывозу нѣту,
 Нидалече лодка.
 Охъ мы сядзімъ да паѣдзімъ
 На сваю старонку,
 Какъ на нашай на старонки
 Кватеры новыя,
 Хазяечки маладыя.

Худо, худо, браццы, жыць
 Бизъ неудащачки.
 Чацьвертая надзѣлчачка
 Бизъ бѣлай рубашачки.
 Ёсць у мянѣ сядзѣлечко
 Ще-й вардоный конь,
 Тольки сѣць паѣхаць
 Къ свайму стю (тестю) на дворъ
 Здарбу, здарбу, цѣстюшка,
 Цѣща, добрый дзень,
 Атадалі мнѣ неудащачку
 На адзінъ дзень.
 Атадавалі мы дачку хазяечку
 Табѣ на увесь вѣкъ.

Н о я б р ь .

8-го—Архистратига Михаила. Во многыхъ селахъ храмовыя праздники.

Вообще, начиная съ Августа и оканчивая филипповскими заговѣнами, что ни праздникъ, то храмовщина въ какомъ-нибудь селѣ, потому что «па восени и у вярѣбья пива ёсць, чымъ сусѣда пачасгавать».

И, дѣйствительно, отъ «рдичау и да загавянью, по деревнямъ и селамъ у насъ царствуютъ относительное благоденствіе по части питанія и продовольствія: каждый домохозяинъ отъ времени до времени рѣжетъ овечку. Чтобы говядины этой хватало на долго, бабы ежедневно кладутъ въ борщъ кусочекъ перебринны или голодницы, а по праздникамъ жарятъ мягкій кусокъ съ «бульбой», но вѣрлѣ не жарятъ, а парятъ надъ сковородкой, въ легкомъ духу, отчего получается довольно безвкусное мясо, волокна котораго дерутся вдоль, какъ лыки. Густая каша считается великою роскошью и подается только на великія празднества. Каждая хозяйка старается быть очень

бережлива съ крупами, она помнитъ весенній холодецъ съ лабадой и на претензію донашнихъ, что каша, т. е. супъ, крѣпко жидка, отвѣчаетъ: «ѣжьци, слава Богу и за йега, а то будзь разамъ густа, а разамъ пуста, а щаюлю инцимиваго ня хѣчыця?».

Въ каждомъ дворѣ держатъ отъ 5 до 10 штукъ овецъ, порода совершенно протая, шерсть грубая, мясо имѣетъ нѣсколько специфической запахъ, особенно у худыхъ овецъ. Какъ только начнутся заморозки, каждый хозяинъ оставляетъ нѣсколько штукъ на сѣмь, а остальныхъ рѣжутъ и вѣшаютъ въ амбарахъ на морозъ, чтобы былъ запасъ къ Рождеству. Подобное перемерзшее мясо теряетъ всякій вкусъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ; но овецъ рѣжутъ раньше для того, чтобы хватило корму оставшимся на зиму. Запасливый хозяинъ невремѣнно парь двѣ бараньяхъ лопатокъ посушить и затѣмъ выконтитъ къ Пасхѣ, что тоже довольно безвкусно.

12-го числа Ивана Милостиваго празднуютъ. «У йетый дзень гадѣцца што нѣбудзь даць каму нѣбудзь, у угоду святому».

14-го—заговѣны на филипповскій постъ. Это самые обильные и богатые заговѣны въ году. Впрочемъ, столъ не отличается разнообразіемъ, та же самая баранина «у борщи, баранина у жидкой кашы, картошка жидкая съ бараниной, картошка густая съ бараниной у лѣдцы (въ мискѣ) и т. л. и т. д.

Въ этотъ день уже полагается каша густая, какъ пирожное, а въ богатыхъ дворахъ бываетъ даже лапша пшанишная. Молока теперь рѣшительно ни у кого уже нѣтъ, такъ какъ коровы тельны. Оттого говорятъ, что осенью угощаютъ «любага госця малакомъ, а ня любага мѣдоль».

Кстати о мѣдѣ: здѣсь нѣкоторые крестьяне, «хто хѣча пакушаць салѣдкаго», ставятъ въ лѣсу на деревѣ свой «наузникъ»¹⁾, куда подчасъ и поселяется какой-нибудь странствующій рой. Тогда крестьянинъ забираетъ пчѣлъ къ себѣ и пчому удается черезъ годъ имѣть уже два улья.

До заговѣнъ, т. е. до 14-го, всегда нанимается общественный пастухъ и коныхъ, и съ этого дня уже скоть не гоняется въ поле, и вмѣсто подножнаго получаетъ хозяйскій кормъ. Сѣно даютъ только лошадямъ, а коровъ кормятъ житной соломою, гречаной и дѣлаютъ «струшку, т. е. съ соломою смѣшиваютъ для закрасы немного сѣна. Яровая солома уже считается «сладный»¹⁾ кусокъ для скацины».

Съ какого-бы времени парабкѣ и челядки ни поступали къ хозяину въ наемъ, они непременно договариваются или «да рѣдзичау или да пилнауськихъ загавинъ».

Особенно дѣвки очень интересуются пробить дома зиму, чтобы побольше нап्राсть для свадебныхъ подарковъ и для приданаго.

Съ началомъ поста, пока алей еще не выбили, пришлось бы опять варить «инцимнцу», но бабы на этотъ разъ догадливы: «дуринь кашы навѣря, калѣ крупы лосць», говорятъ онѣ и таскаютъ изъ амбара по немножку конопля, которую съ вечера подсушиваютъ, «дѣсвиткомъ» толкутъ въ деревянной ступѣ, разводять водой, цѣдятъ, и этимъ молокомъ забѣляютъ борщи и супы. Такая заправка гораздо лучше молочной. а яшний супъ зъ залпукой» даже очень вкусенъ. Иная лакомка въ какъ-нибудь святой день это самое конопляное молоко ставитъ на огонь и стущенную накипь сверху снимаетъ ложкой въ отдѣльную посуду, гдѣ и получается конопляная сметана, которой обливаютъ горячіе рѣзники изъ ржаной муки. Но блюдо это считается очень употребнымъ, и потому хозяинъ не вытерпитъ, чтобы не сдѣлать выговора бабъ своей: «ну, ты лѣсая да смѣшнаго, усн конопля майе паперейдчышъ (попортишь) и биць алей нѣ-съ-чаго будзь».

Въ этомъ мѣсяцѣ каждый старается свезти поскорѣй коноплю на маслобойню, такъ какъ тамъ всегда очень «завозно», то сваленные мѣшки съ коноплями ожидаютъ очереди недѣль двѣ, три и даже мѣсяць. Зачастую мужикъ слаживаетъ дѣло съ хозяиномъ маслобойни, запродаетъ коноплю и получаетъ залатокъ.

Гдѣ маслобойня, тамъ бываетъ обыкновенно и винокурня, а въ настоящее время и лавки мононоліи. Вотъ тутъ уже крестьянинъ бываетъ при рѣдкой обстановкѣ: «и

¹⁾ маленький пчелиный улей; ²⁾ лакомый.

гроши у вишени и винаполья тутъ жа». Но онъ остороженъ, не мотъ: «отворотитсл, захавая гроши куды нѣбудзъ за поясъ, аба у анучы». А для вынивки много-ли чедвѣку нужно?—Мелочи... ну, рублнкъ, не больше. На эту сумму онъ и товаришу поднасе, и самъ накоицца еле можаху, такъ что лѣдвн, лѣдвн узлѣзя на калесы, а затѣмъ конь уже самъ вязе его у дворъ бизъ вджакъ».

21.—Введеніе Пресвятяя Богородицы во храмъ. Наканунѣ, ложась спать, дѣвки загадываютъ: «святая ввядзевня, вядзи мянѣ туды, идзѣ мнѣ жыць».

24-го.—Екатерины и 30-го.—Анедрия Первозваннаго считаются предрождественскими праздниками, и потому съ этихъ дней начинается гаданье: пекутъ лепешку на одной соли, и желающая повидать во снѣ своего будущаго «чалавѣка», загадываетъ, ложась въ постель и съѣвши соленую лепешку: сужаный, ряджаный, приди мнѣ вады падаць.

Декабрь.

4-го Варвары великомученицы.

5-го Саввы. Нерѣдко къ этому времени ложится снѣгъ, какъ бы въ подтвержденіе народной примѣги: «Савва моспя, а Миколà гвоздь»¹⁾.

6-го Николая—Мирликійскаго. Хотя не всегда, но бываютъ въ это время порядочные холода, и потому существуетъ такое дѣленіе: первые морозы Микольскіе, вторые хрященскіе.

Къ 6-му декабрю уже устанавливаются цѣны на алей.

Пенька и алей единственные здѣсь продукты, которые идутъ въ продажу. Работаетъ то онъ цѣлое лѣто, а доходу получаетъ отъ 50—100 рублей, но ему вѣдь «пракармйцца и то добра».

А семьѣ-то рѣдко въ какой хатѣ найдегся менѣе десяти человекъ съ дѣтьми, конечно, включительно.

Съ коноплянаго дохода прежде всего торопятся отдать «надзямельныя» и проч. казенные сборы, расчитаться съ долгами и на черный весенній день завернуть и въ трапицу и заткнуть куда нибудь въ щелку амбара, «штобъ хто схды»²⁾ ни падглядзѣу». А нному «да зарѣзу треба коника купиць», встати въ м. Погарѣ Никольская ярмарка.

Бываетъ изъ нихъ, впрочемъ, много и такихъ богачей, которые, сложивши коноплю на маслобнѣ, зайдутъ къ купцу въ контору, сведутъ счеты забраннѣмъ деньгамъ и все тутъ. А полочки то въ итогѣ и нѣтъ, развѣ много, много, что попадетъ какал нибудь счастливая пятерка въ карманъ, такъ сказать, на разводъ «на сѣмя».

Взамѣнъ конопли, во дворъ привозится еще съ маслобнни конопляная макуха. Это большое подспорье въ хозяйствѣ; она идетъ на обмѣшку рогатому скоту, лошадямъ и прочей дворовой живности, не исключая и собакъ. Ржаную же муку на обмѣшку расходуютъ очень осторожно, такъ какъ, помолотивши хлѣбъ и свѣдши свои хлѣбные итоги, хозяева иной годъ ведутъ такого рода разгворы между собою:

1-й Ну, Карнѣвичъ, хвалицясь, ци багата у васъ хлѣба? Мож-а-бъ вы мнѣ да налѣцца пазычыли хоць пудоу зъ дзяситакъ?

2-й Нѣ, брацнику, у йетамъ гаду, хто яго зная, ци хваця да маслянки, ци нѣ.

3-й Во, а у мяне дай Богъ, дай Богъ, штобъ да Ражтва ханйла.

4-й И то добра а во якъ у мяне, дыкъ я йетый годъ отъ радзичау кунляю.

5-й А мы зъ братамъ намалацѣли тамъ трясцуху—пасѣяли кольки былд, да дзѣв клунки на прудъ атвязли³⁾, во и хлѣбъ увесь».

Къ декабрю мѣсяцу оканчиваются всѣ срочныя работы: жито домолочено еще въ ноябрѣ, чтобъ его на гумнѣ мышъ не точила, пеньку изъ сажалокъ тоже давно «вы-

¹⁾ отъ слова гвоздь. ²⁾ отъ слова сховаць—спрятать. ³⁾ молотъ на муку.

тыгали», свезли и разставили на просушку, слѣдовательно, свободного времени у крестьянина остается достаточно.

Ходить зимой ва заработотки онъ не охотникъ, «да и дзень карѳтакъ, ци багаты чаго зробишь» п вотъ каждый изъ нихъ «пдруицца кала двара: скоть гадуя, у лѣсь за драваы ѣздзя, лапца пляце».

Въ началѣ зимы у многихъ хлѣбъ еще не доѣденъ, бабы то и дѣло, что некутъ горяченькіе блинны, кстатн алей выбигъ и «пакинули на расходъ хунтоу 20, а то и цѣлый пудъ», возможно, пока свѣженькимъ алейцежъ маслитъ усякія мякотки.

Хотя этого «хлѣбца и алейца» хватить не на долго, но... что будетъ дальше, о томъ на теплой печкѣ при горячихъ пампушкахъ и галушкахъ «ни злишкомъ руницца».

За нѣсколько дней до Рождества по селамъ то тамъ, то сямъ, на площадкахъ или огородахъ видѣются огоньки: домохозяйева, заколовши «кормнаго» кабана, смалюць яго соломою.

Эго великое событіе совершается разъ въ году. Сало рѣжутъ на четырехъ - угольные квадратики, солятъ и складываютъ въ дежку на всю годовую пропорцію для заправы «сгравы». Изъ говядины дѣлають колбасы.

При малыхъ достаткахъ и неурожаѣ только прикармливають небольшого «подсвинка», а потому получается не сало, а «адаы—шкурки, а каубасы съ налиць у тоушки».

Но тѣмъ не менѣе уже на рождественскіе праздники въ каждомъ дворѣ колбасы. Даже священнику, когда онъ ходитъ съ крестомъ полагается кусокъ сала и колбаса.

Каляда.

(рождественскіе святки).

24-го декабря «на куццю» особенно бабы ничего не ѣдятъ до вечерней зари—вѣвды. Зато передъ вечеромъ куда ни взглянешь, надъ каждой хатой вьется дымокъ—это топить печи и варятъ кутью (ячменная густая каша), а также кутью изъ всякаго «збожжа» для скота.

Въ каждую кашу стемляютъ деревянные крестики и ставятъ кутью и «узваръ», т. е. отваренныя сушенныя яблоки—подъ образами въ сѣно, въ воспоминаніе младенца Христа, лежащаго въ ясляхъ.

Вечеряють трохи позднѣй, зато въ сумерки ѣдятъ блины.

Если въ дворѣ есть дѣвки, то онѣ первыми дѣломъ стараются «захавадъ первый блинъ, съ которымъ идуць подъ окна надслухавадъ пра што у хаці гамолюць», то и случицца.

Хорошо, если разговориваютъ о хлѣбѣ, о богатствѣ, о женитьбѣ, а то иногда идетъ разговоръ и о покойникахъ. «Иванъ или Романъ, што у томъ гаду ѣу съ нами куццю, сѣ лѣта яго душачка только на хаці лятаа».

Кромѣ того въ эту пору дѣвки цѣлыми партіями ходять подъ окна «щадраваць у тмя двары идзя йосць нявѣсты и хлопцы ня жанатые». Имъ то и адресуюцца всякія хвалебныя пѣсни съ припѣвами.

Святый вечаръ добрымъ людзямъ.

Што-й у вароцьечкахъ
Стаяла дрэвачка купарисная,
Падъ тымъ дрэвачкашъ
Пава хадзила, перья раняла.
Святый вечаръ добрымъ людзямъ.
Дзѣвачка хадзила
Перьячка збирала,

Вяночыкъ пляла (бія),
На галоуку клала,
Да церькви ишла.
Святый вечаръ добрымъ людзямъ.
Наны-й карали дзівавался,
Ци йета царѣуна
Ци каралеуна,

Святый вечарь добрымъ людзямъ!
Я ни царёуна, ни каралеуна,
Я Ганна Иванауна

Дай—Кужалева (фанили тоі, кому
поють.

(с. Росуха, Мглинского у. со сл. 18 лѣтн. дѣвки въ 1889 году).

Хадзі Галичка на вичарійцы,
Святый вечарь добрымъ людзямъ!
Ни пайду, сястрицы,
Да-й на вичарійцы,
Прыѣхау на мнѣ рѣдныі брахнйіка
Да прывезь мнѣ тры радасці,
Тры радасці, тры вясѣласці
Первая радасць—зялёныі сайнѣ
Другая радасць—арѣвыі вянѣкѣ,
А трецця радасць—залатыі персянѣ.

Галичка прыбиралася—нариджалася
Да церкву ишла.
На ганкі узыйшла—
Ганкі укланілісь.
У цѣркау узыйшла—
Цѣркау асвяцілася.
Паны сустрыкалі—шяпки здзівялі,
Ци йета панна? Ци каралеуна?
Аж йета наша Галичка Аудакімоуна,
Святый вечарь добрымъ людзямъ!

(с. Росуха, Мглин. у. отъ той же въ 1889 году).

У ляску, у ляску,
На жѣдугамъ пяску,
Святый вечарь добрымъ людзямъ!
Тамъ пчѣлы гудуць,
Цѣркау будуюць
Святый вечарь добрымъ людзямъ!
Съ трѣма вакнамы,
Съ чатырма вугламы,
Святый вечарь добрымъ людзямъ!
Первая вакнца
Жаркая сѣнца,
Святый вечарь добрымъ людзямъ!
Другаі вакнца

Вясѣль мѣсячка.
Святый вечарь добрымъ людзямъ!
Трецця вакнца
Дробны звѣздачки,
Святый вечарь добрымъ людзямъ!
Жаркая соньяіка—
То Владымірка
Вясѣль мѣсячка —
То красная дзѣвачка.
Святый вечарь добрымъ людзямъ!
Дробныя звѣздачки
То пяць дѣвчачкі
Святый вечарь добрымъ людзямъ!

(с. Кожемяки, Мглинск. у. со сл. 19-лѣтн. дѣвки въ 1898 году).

Слѣдующая пѣсня поется хозяину, у котораго нѣсколько сыновей:

Ой рана, рана пѣуни папѣли,
Ще-й ранѣй тагѣ Микѣлка устау,
Па двару пахадзіу,
Званкомъ пазваніу,
Вратцау пабудзіу,
Святый вечарь добрымъ людзямъ!
Уставайца, браццы,
Сидлайца кѣніі,
Тѣвця у дубрѣвы зялёныя,

Сякіца масты калынавыя,
Будуць нѣдцѣ тры празнікі,
Первыі празнічакъ святѣе Ражствѣ.
Другіі празнічакъ святѣга Василья,
Трецціі празнічакъ святѣга хрышчѣныя
На Ражствѣ — разгавляньіка,
На Василья—гуляньіка,
На Хрышчѣныя развѣджаньіка.

(с. Росуха, Мглинского л. со словъ 20-лѣтн. дѣвки въ 1899 году).

За эти пѣсни хозяинъ высылаетъ шадровщинамъ сала, по кусочку колбасы, а скорѣй всего по блину. Панъ же даетъ нѣсколько копеекъ.

Съ кѣнѣ мало цермонятыся, тому поють слѣдующее:

Щадрую, щадрую,
Каубаскі чую,
Святый вечарь
Добрымъ людзямъ!
Дайца каубасу,

Я у дворѣ панясу
Святый вечарь добрымъ людзямъ!
Дайца другую,
Я пашадрую,
Святый вечарь добрымъ людзямъ!

(въ 1899 г. отъ той же).

Если долго ничего не высылаютъ, то одна изъ дѣвокъ говоритъ у оконнаго стекла:

«Дарица, ни барица, коретки свотки, памерзли лытки».

Еще въ этотъ вечеръ подростки водятъ «козу» по дворамъ.

Въ этой костюмированной игрѣ никакой идилюгии: одинъ изъ хлопцевъ надѣваетъ на себя вывороченный на изнанку ножухъ, становится на четвереньки и топчется на одномъ мѣстѣ. Остальные хлопцы поютъ:

Го-го—каза,

Го-го—сѣрая,

Ни хадап каза

Падъ Михайлауська,

Тамъ йосць стрялцы,

Хочуць казу убиць,

Дзяцей асирациць.

(с. Росуха въ 1899 г. со сл. 18-лѣтн. парня).

25-го—Рождество Христово.

Рождественскими праздниками, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, каждый ищетъ попользованіе развлечься и повеселить себя чѣмъ бы то ни было. Но чѣмъ же, спрашивается?

Вотъ и первый день праздника: утромъ у каждого поселанина время занято: надѣвъ свои праздничные наряды, всѣ стремятся въ Божій храмъ помолиться, поставить «свѣчачку на свайе мазалёныя», и бросить въ брызготку, кто сколько можетъ. Обѣдня кончилась. Разсыпались всѣ по своимъ дворамъ разговляться. Лица у всѣхъ довольныя, веселыя, у каждого такъ и написано: дождались, слава Богу, праздничка Господня.

Къ обѣду въ этотъ день почти у каждого припасена «крошка мяса».

Покушали, легли отдохнуть. Вставши глянули на небо: еще рано, солнце съ полдня не свернуло.

Чѣмъ же тутъ позабавиться? Куда себя пристроить? Поехалъ бы за ворота, на улицу—рождественскій морозъ лютъ, «за носъ щипляя»; зашелъ бы къ сосѣду—сидѣть самъ на самъ не великая потѣха,—хочется прилечь къ стаду, да собратъя некуда, кромѣ какъ къ «жиду Калману», у котораго хаты просторныя, столы и лавки широкіе.

Вотъ и потянулись къ Калману и съ того конца села и съ этого. Большинство шло съ самыми невинными намереніями «посядѣць, пагаманць, людзей паслухаць», но чѣмъ оканчивались обыкновенно бесѣды въ шинкахъ—известно каждому.

На бабиныхъ.

На 2-й день праздниковъ рождественскихъ всеобщее «гуляюць бабины», состоящія въ слѣдующемъ: бабка приглашаетъ къ себѣ на вечеръ всѣхъ своихъ «унуковъ», т. е. мужа и жену, у которыхъ въ этомъ году были новорожденные. При этомъ несутъ бабѣ пироги, т. е. 4 или 5 наводней чернаго хлѣба.

Если бабка зажиточная и внуковъ ищетъ 5—7 паръ, то горѣлочки здѣсь выливается не мѣше ведра и гулянье продолжается всю ночь до сѣту.

Подъ часъ бабуся «гукне зъ вулицы хлопцовъ» съ гармоніей, скрипкой, бубномъ, и тогда всѣ принимаются за танцы, «ня учинься, якъ п ночка пройдыя. Вотъ якъ харашо, да веселя на бабнахъ», рассказываютъ «унуки».

Въ перемежку между танцами, за закуской и выпивкой, поютъ разныя пѣсни, выражающія преимущественно отношенія молодыхъ супруговъ въ женамъ и семьѣ.

Што—й у лѣзя, на прытѣзи

Каливачки кустъ,

А на той калиначцы

Салавска сплиць.

Хто жъ будзя салавейку пабуджаць?

Йосць у яго зязюличка, тая пабудзя.

Устань, устань, салавейчыца,

Годзя табѣ снаць,

Ужо тваѣ таварышы
Лугі абляцѣли;
Зязюличка сѣрая,
Налетай за мяне.
У сѣнячкахъ за дзвѣрjami
Грышачка спиць,
Некаму Грышачка
Яго пабудзиць.

(д. Водвинка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 65-лѣт. женщ. въ 1897 году).

Шуме, гудзе сосинка у бару.
Гуляла, буѣла свякруха у пире,
Гуляшы, буяшы, у двору прышла
Да—й прычыначку знайшла

(д. Шапочка, Мглинскаго уѣз. отъ 27-лѣт. женщ. въ 1897 г.),

Якъ уставу я ранюсинька,
Умюся я бялюсинька,
Якъ сяду я падъ кудвѣляю
Да—й падъ бѣлаю,
На дворѣ свѣтъ бялюспнѣкій.
Идець мой милюсевѣкій,
У засцежки на грудзяхъ лента кра-
сная,

А на пояси да зялёная.
Скажы, скажы, мой милюсинѣкій,
Изъ вочь начаву?

Йосць у яго Парасачка,
Тая пабудзя.
Устань, устань, Грышачка,
Годзя табѣ снаци,
Ужо тваѣ таварышы
Кдней гадуюць,
Парасачка Иванауна,
Пагадуй за мяне.

На бѣлшаго сына, на бѣлшую нявѣ-
стачку:

Чаго, чаго ни сустрыкалі,
Чаго, чаго падъ руки ни хваталі.

Начаву я, мая мѣлая,
У твайныхъ братоу,
А у свайныхъ шурьянду.
Нипраудачку, чалавѣча, кажышь,
Я позна зъ вѣчара ни спала,
Па падъ вѣманью хадзила.
Идзѣ, надзець, шляуся,
Идзѣ валачыся?
Нашню дабю
Шѣ шельмаю другою.

(Отъ той же въ 1897 г.).

Когда ея родные братья съ жѣнами и всѣ добрые люди по парочкамъ въ мирѣ и согласіи отправляются на бабины веселиться, ея непуцящій мужъ ушелъ къ своей возлюбленной. Идти же одной на это собраніе «нивесъ яковѣ». Вотъ она и отправляется: подъ окно посмотришь на пирѣ и видишь тамъ:

Сидяць браты на застдльляйку
Зѣ маладымы жонкамы,
Пьюць мѣдъ да гарэлачку,
Зялёно винѣ.
Пра мяне пра горькаю, дя гавдруюць—
Нема нашны баздолныя,
Нема горька-дѣлныя,

Я тѣ воканъ нашла да-й заплакала—
Ты скажы, скажы, мой милинѣкій,
Идзѣ вочь начаву?
Начаву я, мая мила,
Да—й у влюшницы.
— У шельмы влюшницы.
Злой раздлушницы.

(Отъ той же въ 1897 г.).

Туманъ, туманъ на даліни,
Шырокіі листъ на каліни,
Яще шыры на дубѣчку,
Клича гѣлубъ гѣлубачку

Хоць ни свайю, дыкъ чужую,
Хадзи, серца, пацалую.
На што табѣ чужу цалаваці,
Свайной пичаль задаваці.

(д. Водвинка, Мглинскаго у. со словъ 27 лѣт. женщ. въ 1898 году).

См. Шейнъ бѣл. пѣсни т. I ч. I стр. 300 № 353.

Въ деревнѣ Кожемякахъ эту самую пѣсню оканчиваютъ такъ:

Ни задавай серцу туги,
Ни възьмишь ты, възьми другій,
— Дзяучына, ни журыся

Я-йце моладъ, ни жанюся,
А якъ буду жанюся,
Прыдзи дзѣва дзѣвѣнся.

— Твайо пива нїѣ ня удзива,
Твайо вино пїцц горька,
Любмїлсь мы гадоу скольки!

Любїлїся нї набралїся,
Толькї людїя насмѣялїся.

(со сл. 65 лѣт. женщ. въ с. Коженякахъ, Мглинскаго у. въ 1897 году).

На другой день угрожь къ бабусѣ оцятъ являютьсѣ всѣ парочки похїѣлатьсѣ и на этотъ разъ уже приводить своихъ свекрухъ и свѣкровъ. Загѣмъ каждая чета пригласяетъ ее къ себѣ въ назначенный день.

Однако на другой день пирушки поютсѣ такїя пѣсни:

Спїцца дрѣмлїцца
Падъ кудвеляю.
Зелїна в'аччу,
Гарѣлки хѣчу.
Вы на Вога гляньця,

Пахїлїлїцца дайця,
Учѣра я маладѣ
На бабїнахъ была,
Багата вѣпїла.

(Со сл. 30 л. жен. хуг. Шапачкї 1897 года).

На новый годъ, раннїиъ утрожь маленькїе, семї, восьмї-лѣтнїе хлопчїкї, съ узелкомъ ржаныхъ зѣренъ въ платочкѣ, являютьсѣ въ каждую хату и, бросая горстями на полъ зерно, поють:

Сѣта, сѣта 1)
На нѣва лѣта.
Хѣдзя Ільля
Падъ Васїльля.
У яго пужка да драццна,
Іздѣ пужкаї нахїе,
Тамъ жыта расце.

А Іздѣ нї махѣя,
Тамъ п на бывая.
Зарїдѣї, Божа,
Жыта— ншанїцу,
Усяку пашнїцу
У пдлї ядрѣмъ,
У дварѣ доброй.

Ованчивають обыкновенно такъ:

Ой ты, дзѣдзїчка,
Глянь на палїчку,
Дай палїнїчку.

А ты, бабачка,
Глянь на кутѣчыкъ,
Дай сала кусочыкъ.

(с. Разсухи, Мглинскаго у. со сл.)

5-го января: постная кутья. Тоже не ѣдятъ до зари или до освященїя воды на вечернѣ. Также, какъ и въ предъидущїе сочельнїкї вечеромъ пекутъ блины, варятъ кутью и узваръ.

6-го Крещенїе. Все село сходится на Ярданъ. Вырубленный во льду, на рѣкѣ или озерѣ, крестъ обивають бурчаннымъ расоломъ и обсаживаютъ ѣлками. На «Ярданъ» принято прїѣзжать на лошадяхъ.

Игрыща или вечернїцы.

На рождественскїхъ празднїкахъ и вообще зїной молодежь тоже изобрѣтаетъ себѣ забавы: устраивають время отъ времени, въ складчину, въ хатѣ какой-нибудь одинокой вдовы вечернїцы или «игрїща», какъ ихъ здѣсь больше называютъ.

Вечеромъ готовится закуска: самое первое п лаковое блюдо у нихъ—это «яйешня», кулешъ гороховый съ саламъ на сквародцы и каубаса.

Благоразумные родители п сами даютъ для этого провїзїю, но большая часть молодежи принуждена красць у бацькї и маткї нужные для игрїщъ продукты, что, впро-

1) Сѣяно.

чемъ, не считается вовсе за воровство, и каждый смотритъ на это, какъ на забаву молодежи.

На вечерникахъ, кромѣ музыки и танцевъ поются и пѣсни, какія вздумаются, и прежнія старинныя и новыя приносныя, позаимствованныя парнями гдѣ-нибудь на заработкахъ.

Слѣдующая пѣсня занесена изъ Кіева: «тамъ наши чули яйе, якъ пѣли бур-лакн»:

У садзи ягада лясная
Надъ прыкрыціямъ раслѣй,
Маладая свѣтъ княгиня
Съ княземъ у цѣбрыни жыла.
Ванька—Клюшникъ
Злыи разлушникъ,
Разлучы князя жъ жавѣй.
Ванька зъ нянькай лабрапуся,
Нянька князю данасла.
Крыкнуу, свйснуу князь лакѣу,
Самъ вѣшау на паратная крылцо.

(д. Бородинка, Мглинскаго у. со словъ 19 лѣт. парня въ 1899 году).

Вы ня вѣйца, вѣтры,
Сы крутыя гары
Ня наносьца, вѣтры,
Бѣлу снѣгу на мой дворъ.
На майомъ дварѣ
Усѣ шаукѣвая трава.
Охъ! и што жъ то за милой
Што далѣка агъ мяне.
Йонъ ни атвѣдайць мяне.
Запярэжыци миѣ каня,
Паѣду къ яму сама.
Падъйижджаю падъ лясокъ,
Падай, милый, галасокъ.
Пріѣджаю надъ ряку,
Падай, милинкій, рукѣ.
Прыѣжджаю у сяло,

(с. Росуха, Мглин. уѣзда, со сл. 18 лѣт. парня въ 1899 году).

Што-й падъ дулькаю, падъ игрушкаю
Сядзиць голубъ сы галубкаю.
Палуюцца, милуюцца
Свайой лубою ни надивуюцца.
Аткуль узаяся сизакрылыи арѣль,
Разбу, разлучы пару галубоу.
Галубчка убу,
А галубку самъ злюбю.
Узяу у налѣ
Панесь на двару.
Пасыпау шшаницы,
Паставу вадцы.
Галубка варкѣя,
Циць ня пѣе,
У зеленъ садъ, на миламъ

(С. Жуково, Мглинск., у. со сл. 35 лѣт. женщ. въ 1898 году).

Вы, лакеи, вы, лакеи, маладая кучара,
Вы идзйца, привадзйца
Ваньку-клюшника сюды.
Идзецъ Ванька, идзецъ клюшникъ
Кудры вѣя яйцеркомъ.
У княгини магодыя
Льюцца сьлезы ручайкомъ.
Скажы, Ванька, скажы, Клюшникъ
Кольки лѣтъ съ княгиний жму?
Цра то знайць свѣтъ княгиня
Чуть слышнѣ прагавары.

Миѣ на серцы цижало.
Пирѣѣхала я рѣу,
Кажуць-милый ницарѣу.
Узѣйжджаю я на дворъ,
Кажуць-милый мой памѣръ.
Атчынила двери у хатцы,
Ляжыць милинкій на лѣрцы.
Якъ я стала для яго,
Уздыхнула цижало.
Охъ вы вѣжачки майѣ,
Пахадзйлись вы ка миѣ.
Охъ вы, бравачки майѣ,
Намаргались на мяне.
Охъ вы, губачки майѣ,
Нацалавались вы мяне.

Плакаць идзѣе.
Галубка мая, ни плачь у мяне
Успакою я цябе,
Йосць у мяне стада галубиная,
Идзи, выбирай, можа тамъ и твой.
Я хадзила, выбирала,
Ни знайшла таго,
Каго пацярѣла.
Такій галубокъ
Да ни такій галасокъ
Такій перушкамъ,
Да ни такій крылушкамъ.
Такій сьзѣнкій,
Да ня мой милинкій.

Ни йдзѣ я дружка ня виджу,
 Ни у дзяцѣуни, ни у Масквѣ,
 Тольки видзила дружочка
 У цѣнну ночку
 У сладкагъ снѣ.
 Я отдамъ сястрѣ малютку,
 Сама выйду на-крыльцѣ.
 Гляну я у тую сгаронку,
 Ажъ мой мялннкій идзѣ.

(д. Невзорово, Стародубскаго у. со словъ 14 лѣт. парня въ 1899 году).

Матка доню била
 Йдзѣ ты, доня, вѣнчыкъ¹⁾ загубила?
 Край Дунаю палотны бялѣла,
 И тамъ, маці, вѣнчыкъ абранила.
 Ну-ця, доню, грамаду зьбираці
 Ну-ця, доню, людей пытаці.

(с. Росуха, Мглинскаго у. со сл.)

См. Шейнъ, бѣлор. пѣсни, стр. 171 № 160 и 161.

Ходзя кўрачка на ханцѣ,
 Раскудакталася:
 Якъ кудакъ, дыкъ кудакъ!
 Пашла замужъ, да ни такъ.
 Пашла разъ—ни гараздъ²⁾,
 Ни найду у другіі разъ.
 А ужо-жъ мнѣ надаѣли
 Чалавѣччы³⁾ кулаки;
 Кулакамы па плячахъ
 Ладошкамы па шакахъ.
 Якъ пасѣю василѣчки
 У свайомъ зялѣнамъ сѣду,—
 Вы расціця василѣчки,
 А я буду паливаць,
 Вы хадзіця малойчыки,

(с. Росуха, отъ 29-лѣтн. парня въ 1899 г.).

Охъ! Щѣгалька была!
 Щыгиляла!
 Я на тыхъ дрожкахъ
 Ъжджала,
 Што возюць навозъ.

Лезу, лезу по зялѣзу,
 Но каманю вада йдзѣць.

А Вожа жъ мой, тольки!
 Аборачки тонки!

Вѣтця дзѣўки трыпакѣ
 Ни жалѣйця лапцѣвъ!
 Бацька лапці попляцье,

Кинулась къ яму на шѣю,
 Узывала яго дружкомъ.
 Ни узывай мяне дружочкамъ,
 Я цяперыча ня твой.
 Я жаннуса на другой,
 А жаннуса—ни жаннуса,
 Ни падъ нроу жану узая,
 Ни падъ нроу, ни на мысли,
 Ни на серцу сваяму.

Пойдзімъ, доня, вѣнчыка шукаці.
 На што маці людзей турбаваці?
 Луччы маці на праўди казани.
 Казаць маладзѣнькіі
 Зіяу вѣнчыкъ залацьвѣькіі.

А я буду прынішаць
 Па чатыры, да па пяць.
 Пойдзімъ у зѣленъ садъ гуляць.
 Малойчыкоу выбираць.
 Выбраушы малойчыкоу,
 Пасадзіла усвхъ за столь.
 Сама пашла за вадѣй,
 Проці кумава двара
 Вязѣрачки разбила.
 Стайніць кумъ у варѣтахъ,
 Насмхайніцца,
 А чыя-жъ йега хата
 Вытаплайніцца адна,
 Стайніць борщъ у пячѣ
 Исказіўся кипучы.

Эй! Щыгиляй, ня бойсь!
 Чулки нѣвы—шты голы,
 Плацця длинна видна.
 Эй щогалька была!..

Хто жъ мяне вѣрна любя,
 Тѣй и у запечку найдзѣць.

Нихто аборакъ ни пауѣ,
 Нихто замужъ ни бярэ!

Братъ аборы пашауѣ
 Матка алучы падзаре,
 Суспнъ дзѣўку прыбаре.

¹⁾ Дѣвственность. ²⁾ Не очень-то. ³⁾ Мужъ, человекъ.

Я на бѣтцы сяджу
Слѣзы кѣцюнца!
Якъ выйду я за варѣты
Тра-та-та,
Стайць майя мильникая
У варатѣ.

(д. Лупеки, Стародубскаго уѣзда со словъ 20-лѣтн. женщ.).

Сядзнь сѣтарма на пѣчы
А праева ва палѣ

(въ 1858 г. со сл. 18-лѣтн. дѣвки въ с. Росухѣ, Мглевскаго уѣзда).

Загадау мнѣ мужыкъ,
Загадау чалавѣкъ,
Вары, жѣнки лины (bis)
Я на сѣняхъ ты-ли-ли,
Я на новыхъ—ты-ли-ли,
Буццамъ варю лины (bis),
А я лиду ни варыла,
Свайго мужа-й адурѣла.
Ей Богу жѣ адурѣла,
Ей жа Богу адурѣла.

(Записано въ 1858 г. въ с. Росухѣ, со словъ 35-лѣтн. женщины).

Дзялчонка майя,
За што цябе бьюць,
За што ругаюць?
Я бѣ табѣ хвартучѣкъ купѣу.
Купили-жѣ табѣ,
Знасили-жѣ табѣ

Дзѣвнѣгъ нѣту ни капейки,
Выницъ хѣчюнца!
Охъ, ци майя,
Ци ни майя будзя,
Якъ забачу,
Маѣо серца нѣдзя.

А я сѣтарму зарѣжу,
А праеву задаулю.

Загадау мнѣ мужыкъ,
Загадау чалавѣкъ.
Вары жѣнка гарѣхъ (bis),
Я на сѣняхъ тарарохъ,
Я на новыхъ тарарохъ,
Буццамъ варю гарѣхъ.
А я гарѣху ни варыла,
Свайго мужа адурѣла.
Ей Богу жѣ адурѣла,
Ей жа Богу адурѣла.

Шублики-бублики
Шауць-крауць,
Канавалы-шапавалы,
Палкдуники-янаралы,
Кудлатыя панничы,
Паповничы дураки.

(Позаимствовано въ 1858 г. въ с. Росухѣ, Мглинскаго у. отъ 30-лѣтн. мастерового по профессіи шаповала).

И туды гара и сюды гара,
Па мизѣ тымы гарамы
Выхадзила заря;
Да то ни заря,
То дзялчонка майя.
Зѣ рѣблинай крынничаньки
Вадзѣцу брала.
Пастой, дзѣўка-чарнобрѣўка,
Дай каню вады,
Зѣ рѣблинай крынничаньки,
Сѣ пѣунаго видра.
Парынь, парянѣкъ
Ни воля майя.
Тады буду каня шапаванцы,
Якъ буду твая.
Дзялчына мая,
Садзись на каня.
Мы паѣдзѣмъ чыстымъ полямъ

Да майго двара.
Парынь-парянѣчыкъ,
Нима у цябе
Ни каля, ни двара.
Стаяу кусть каліны,
Й-тая ни цвила.
Каліна майя, учомъ ты ни цвила?
— Зима была люта, у томъ я ни цвила,
— Дзялчына майя, у чомъ замужъ
нишла?
Мала была—у пана служыла,
У томъ замужъ нишла.
— Парынь парянѣкъ, у чомъ ты
халастой?
Службу царьскую служыу,
На вайпѣ я біу,
У томъ я парянь маладой,
Ни жанатый—халастой.

(въ д. Бороднѣ, Мглинскаго уѣзда въ 1893 г. со сл. 19-лѣтн. парня).

Ой, выйдзи, выйдзи, дзяучоначка,
Пагаворымь мы съ табюю.
Саждзы, парынь, гадзйначку
Саждзы, паринь, другуу,
Покуль роднаму бабюшцы
Вячэрю вгатюю.
Саждзы, парынь, гадзйначку,
Покуль своей родной матушцы
Бѣлу насцьель пасцялю,
Тады къ табѣ, парнишачка,
На парадачку прыду.

(л. Лупеки, Стародуб. у. со сл. 40-лѣти. женщ. въ 1898 г.).

На вѣлицы, на вулицы,
На вулицы да усѣ кузницы (bis).
Куюць, ильюць, куюць, ильюць
Куюць, ильюць, да-й паварываюць.
Къ сабѣ Дуню прыгаварываюць (bis).
Пойдзимь, Дуня, пойдзимь, Дуня,

(къ с. Росухѣ, Мглин. у., въ 1859 г. отъ хороваго пѣнія пѣриимствовано).

Адинь кунець расказау,
Якъ йонь дѣвицу ласкау—
Панаравилась паходачка твоя,
Паходачка дробна-частинькая.
Двѣ иташачки канарейки
Па падь небесю летать,
Двѣ дѣвачки красныя
Падь вакошачкамъ сидять.
Аны сабѣ тайныя рэчы
Пра сонь милый гаворють—
Сонь мой милый, сонь щасливый
Варатся, сонь, назадъ!
Ащаслю ты красну дѣвуку
Хоть у свѣти одинь разъ.

(Посадъ Клиницы, Суражскаго у., со сл. 25-лѣти. печника въ 1899 году).

Дѣтъ симнанцати малчышка
Ни жанатый—халастой,
Какъ задумау йонь жаницца,
Баславоньи стау прасить,
Дазволь мнѣ узять, папаша,
Каторую я люблю,
А папаша ни павѣрну,
Што-й у свѣти йость йобду.
Сынъ заплакау, ва влѣнный садъ пашоу

(со словъ того же въ 1899 г.

Дѣ ты милый скрыуси,
Дѣ тебе шукать,
У Адести застауса
Чувалы таскать.
Чувалы тяжолы,
Плечачки балять.

Чаму табѣ ни гадзйця,
Па гѣреньки хѣдзючы?
Якъ то мнѣ, добру молайцу,
На марози стѣючы.
Памарѣзиу бѣлы ножачки
Да дѣвчачки хѣдзючы,
Пападрау я кармѣаники.
Гасцинчыки пѣсючы.
Папацѣрѣ я жупѣаники,
Па заборамъ лазючы.

Пойдзимь, Дуня, ва лужокъ, ва лужокъ.
Сарвѣмь Дуни, сарвѣмь Дуни
Сарвѣмь Дуни лапушокъ. лапушокъ (bis).
Наси, Дуня, наси, Дуня,
Наси, Дуяя, ни марай, ни марай,
Па празничкамъ надѣвай, надѣвай (bis).

Гаворачка распрѣятинькая,
Да што стуняшь,
Распатѣшышь ты мяне.
Загаворышь-звисялишь ты мяня.
Мой милинькій йонь паѣхау
За тысячу двѣсти верстѣ.
Йонь и самъ ка мнѣ ня ѣдить,
И паклона мнѣ ня шлѣть.
Йонь другую свалюбю
На мяне, младу, забюу.
Запрапала майо шастѣ
У тѣмнамъ лѣси на травѣ,
Разальеца крѣу гарача
Па сырой мати зямлѣ.

Ишоу садикомъ зялѣнымъ,
Ишоу дарожкай сталѣовой,
Несь йонь шаблю, тачиу войстра
И зарѣзау самъ сябя.
Пакатилася гадоука
Па зяленай па травѣ.
Заставайтесь тымъ лаволны
Што прыкопчиу самъ съ сабой.

Лѣчы-бѣ я наняуса
Водкой таргавать.
Атъ водки вина
Балить майо серце
Ташницца дуна.

(Отъ того же въ 1899 г.).

Працай Харькау, да свиданья
Астайся, а я прочь.
Атхажу я на стражданья
Пыль-дарожку тдучь.
Пыль набъеца у носъ, у вушы,
Лобъ атъ жару засмылить.
Палка тоустая гатова
У дверяхъ яна стантъ,
И тарбинка съ сухарями

Иена на гвоздику висять.
Назадъ ви звярнуся, сюды ни прыду,
Будишь, мила, прыпадаты
Ты къ маяму сляду.
Я ни прыпадала,
Прыпадаты ня буду,
Гарявала я съ табою,
Визь тѣбе ня буду.

(д. Невзорова, Старод. уѣзда, со словъ 18-лѣтн. хлопца въ 1899 г.).

Охъ, садъ, ты мой садъ зяляненкій
Ты зачымъ рана цвятѣшь, абсыпайся?
Ты далече, мой милдй, убирайся
Ты съ усими, милдй, ты пращайся,
А са мной маладой усѣ ругайся.

Што—й лятѣла пава тирязь сняя моря,
Уранила пава съ крыгъ пѣрушка,
Мнѣ ни жалка навь—жалка перушка,
Мнѣ ни жалка ацца, мати,
Жалка молайца.

(Отъ того же въ 1899 году).

Салавей мой, салавей,
Салоуюшка лугавой
Ты куды, куды лягншь,
Куды Богъ тѣбѣ нясѣтъ?
Палячу я, салавей,
Тирязь тры девять зямель
Къ удовачки у зелянъ садъ.
Сѣу у удоукинамъ саду,
На яблани у листу,
Какъ на яблани сахорнай
Я усю ночку прапѣю;

Маладая удовачка,
Ни стушаючы агню,
Усѣ сидѣла дли вакна
Да слухала салауя.
Салавей мой, салавейка,
Ни лятай ты у мой садъ,
Ни садиса на вакнѣ,
Ни задавай жало мнѣ.
Мая бѣдна галовачка
Многа у свѣти пажыла
Много горя бачыла.

(Отъ того же въ 1899 году).

Послѣднее десятилѣтїе, кромѣ прежнихъ старыхъ пѣсенъ, молодые дѣвки и парни стали расцѣвять, такъ-называемыя «привѣвки», которыхъ, какъ они сами выражаются, «бизъ чысла».

Состоятъ эти привѣвки изъ нѣсколькихъ рифмованныхъ строчекъ и поются всѣ на однѣй мотивъ. Онѣ вошли въ моду съ тѣхъ поръ, какъ въ большихъ экономїяхъ начали разводитъ табачныя плантаціи.

И вотъ деревенскія дѣвки, работая на поденной работѣ этихъ плантаціи и по-заимствовавши привѣвки отъ почепскихъ дѣвокъ. А затѣмъ и сами стали добавлять и присочинять по своему вкусу подобныя куплетки въ родѣ слѣдующихъ:

Продамъ ленту изъ касъ,
Куплю миламу часы.
— Намъ ня дораги часы,

Дѣраги цапѣчки,
На чѣрга намъ богачѣ
Богатага дѣчки.

(Запис. въ с. Михайловскомъ, Старод. у., отъ 17 л. женщ.).

Капуста мая,
Шырокія листы.

Атступитесь шарлатаны,
Къ намъ идуть артисты.

(Отъ той же).

Ни на небу хмара хѣде—
Па нябесной высатѣ.

Не по дѣукахъ хлопцы плачуть,
Па дявоцкай красатѣ.

(Отъ той же).

Ни журиса, мая мила,
Што у кармани нустатъ,
У мене денжжкы вядуцца,
Якъ у рѣшати надъ.

(со сл. 19 л. д. въ дер. Борозиниѣ, Стар. у.).

У меня миленка есть,
Страхъ на вулицы правестъ:
Ротъ широкій, носъ дугѣй,

Ни журиса, мая мила
Я нийдѣ ни прападу,
Многа граматы научуся,
Ув ахвицѣры пападу.

Ножки тягнуцца дугой,
Лашадѣ пужаюцца,
Кучары ругаюцца.

(Отъ той же).

У милшачкы маеѣ
Нѣту кохтачкы сваеѣ.

Я милѣнку спалюблю,
Я ей кохтачку нашю.

(Отъ той же).

Нѣтъ цвѣточка, нѣтъ сасдинкы зяляной,
Нѣту милаѣ на вулицы—отпраляюсь я дамой.
У чѣмъ салдата ни любить,
За салдатѣмъ паства;
Закладу руки у карманъ,—
Усе яго хазяйотва.

(Отъ той же).

Охъ ты сукина дочъ!
Йдѣ гуляла усю ночь?
— Ни браниса маминька—
Харошѣ, харѣшѣ миленькій

У рубашачкы у сининькаѣ.
Чого яму лѣччы дати,
Ты сахару бѣлаго,
Ты винограду сѣбѣлага.

(Отъ той же).

Нашы дѣвачкы красивы
Чатьвертака у мене прасяли,

Ну я малчыкъ былъ удагъ,
Палтары капейкы дагъ.

(Отъ той же).

Ой мы думали, гадали
На ваду вянкы пуцали,

Мой вяночыкъ патануль,
Мой миленькій абмануль.

(въ с. Гарцовѣ, Стар. у., отъ 18 л. дѣв.).

Гармошь мая лаковъ,
Провожала—плакала.
Проводила я дружка
Да зяленага лужка.
Отъ лужка и до лужка.

Пращавъѣй, сударушка.
Правадила да забору
Цаловала бизъ разбору,
Правадила до варотъ,
Удивила увесь народъ.

(Миханловичи, Стар. у., со сл. 17 л.).

Хорашо милый играйнишь,
Твойнишь холодно рукамъ

Падайдика подъ вакошка,
Я ширчаткы тибѣ дамъ.

(Отъ той же).

Я на вулицы ишла
Пылашь запылаплась.
Я сидѣла подъ вакошкамъ
Да и повѣяну вятярокъ.
Шила милему рубашку
Вышивала кауверѣкъ.

Рада бѣ зѣ милымъ постояти—
Людей постыдилась.
Я и шыла вышивала,
Ни хватила шолку.
Сколькы зѣ милымъ ни стояла,
Ни дабилась толку.

(Отъ той же).

Сколько Богу ни маиуса
У святые ни папау.
Не ходи, милъ, кале моря,
А то у воду упадешъ.
Не сватай ты багатя,
А то зъ горя пранадешъ.

Ув адну дѣвачку улѳубиуса,
За сибѳ яе ни узѳу.
Багатая прахлятая.
Ана вѳчинѳ пышна;
А бѳдная—харошая,
Якъ у сади вишня.

Пожилая женщины смотрятъ на припѣвки, какъ на что безнравственное и легкомысленное, и съ гордостью заявляютъ: (въ селѣ Высокомъ, Стародубск. у.) «нѣ, у нашамъ сятѣ пѣютъ только медзвинныя харошыя пѣсни, а йетыхъ припѣвакъ, слава Богу, ня чуто. То вонъ пѣютъ припѣвки тыя дѣвки, которыя звыкли таскацца на гарадахъ да на табакахъ».

Въ уѣздныхъ, заштатныхъ городахъ и мѣстечкахъ.

Въ настоящее время уличное хоровое пѣніе въ городахъ считается нарушеніемъ общественной тишины и спокойствія. Нѣсколько же десятковъ лѣтъ тому назадъ, когда городничіе больше были заняты доходами съ аршинниковъ и самоварниковъ, чѣмъ городскими порядками, и сами послѣ вечерняго чая не разъ возсѣдали въ халатѣ на лавочкѣ у воротъ дома, — городская молодежь обоего пола изъ мѣщанъ и подгородныхъ хлѣбопашцевъ пользовалась тоже патріархальнымъ деревенскимъ правомъ собираться на улицахъ, гулять и распѣвать. Это не фабричное, полупьяное пѣніе, вызванное хмѣлемъ. Нѣтъ. Здѣсь въ теплую лѣтнюю ночь собиралось юношество встрѣчать свою первую весну. Здѣсь выбирали себѣ подругу будущаго трудового житья и воплощали свою жизнерадость въ громкой пѣснѣ, ощущая, быть можетъ, первое бленіе сердца вблизи любимаго существа.

Когда съ появленіемъ исправниковъ и полицейскихъ надзирателей начали въ городахъ запрещать всякія сборища и игры, молодежь долго отстаивала свое неотъемлемое право облекать свои чувства въ пѣсню и первое время не слушалась полиціи.

При введеніи этого новшества зачастую гдѣ-нибудь въ концѣ улицы, подъ заборомъ сада, вдругъ раздавался громкій хоръ. Полиція сѣшшла туда, но молодежь заранѣе разставляла своихъ караульчиковъ, которые, слыша шаги власти, бѣгомъ пустились къ сборищу, и, когда полиція прибывала на мѣсто, ребята уже сидѣли на деревьяхъ, и все было тихо. Иногда пѣніе раздавалось въ разныхъ концахъ города, но хористы, какъ пѣвчія птицы, сидѣли на «верби у канцы гребли».

Само собою разумѣется, что прекрасный полъ при такихъ нелегальныхъ условіяхъ уже не участвовалъ въ гуляньяхъ.

Благодаря этому вскорѣ перестали собираться на гулянья—и подъ Ивана Купала. Къ вѣнцу и отъ вѣнца и прочіе свадебные поѣзда ѣхали молча безъ пѣнія. Только на святой недѣлѣ Пасхи въ уѣздныхъ городахъ даже и теперь позволялося на одной изъ улицъ или на площади водить хороводы съ пѣснями.

Также уцѣлѣли еще щедровныя пѣсни на Рождество и рекрутскія пѣсни. Въ остальныхъ пѣсняхъ нѣтъ строгаго распредѣленія по временамъ года, какъ въ деревняхъ. Поютъ, какія кому и когда угодно.

Мѣщане, мелкіе торговцы и прочій мало интеллигентный городской людъ смотрятъ на полѣсцовъ съ предубѣжденіемъ и выражаются такъ о нихъ: «йета только мужыки наобразованные дзѣвѣкають да цѣвѣкають, а у насъ у горади гаворюць па благородному».

Образчики разговора «по благородному» пагарскихъ мѣщанъ на рынкѣ.

«Здрастуйа вамъ. Слухайта мнѣ сюды—ти ня угодна вамъ купить у мене няничку. Дншавей зи мнѣ зроду ни у каго ня купитса... Жалайте, ти нѣ? Ни жалайти? Ну обѣ йетамъ прощайта, да свиданія ать васъ»...

Въ Мглинѣ и Почепѣ на базарѣ:

«Тетинька, а тетинька! сюды тетка, дулякъ харошинькихъ! выбирайтя, якін вамъ заугодно».

«А ты мадѣца, чаво станшь? Купляй дули. Кольки табѣ дсяткау?»
Въ Стародубѣ на базарѣ:

«Дядька съ кашалѣмъ, а дядька! Хади сюды! Ишь яго! и ни аттуканца. А штобъ табѣ вушы пазакладавало».

«Нани, а нани! Во бублики гарячыє. Ни бярите у яѣе, майє смашнѣй. На чѣмъ дасѣтѣ за вязку?»

«7 коп.» отвѣчаетъ наня.

«Дивитися-тка, ти хто чуу, ти хто бачуу, штобъ за тольки баравкау да 7 копѣекъ узять. А штобъ табѣ паничка мая, семь баялечекъ», говорить она въ сторону, когда покупательница повернула спину.

Нижеслѣдующія пѣсни записаны со словъ огородницъ, мѣщанокъ заштатнаго города Ногара.

Весной, по случаю «невылазной грязи», которою отличается Погарь, молодежь затрудняется даже въ выборѣ сухого мѣста на площади города, гдѣ бы можно было на святой недѣлѣ водить хороводы. Вонючая, глубокая грязь идетъ сплошной лентой по улицамъ до самыхъ стѣнъ домовъ: ни тротуаровъ, ни ибшеходныхъ тропинокъ не видѣтся, такъ какъ могучее око земства еще не заглянуло сюда, по дѣлу мощенія улицъ и осушенія города.

Но къ удовольствію и забавѣ молодежи вблизи города протекаетъ рѣка Вабля, туда то парни и дѣвки отправляются на гулянье, садятся «у човенъ» катаются по рѣкѣ и поютъ:

Ни на Волзи рякъ
Выстерь човенъ плыве,
Што-й у томъ у чауѣ
Маладой удалецъ,
Держить вѣсны у рукахъ
Шапка съ кѣстами на йомъ.
Къ тиряму падъжджау,
Салауѣомъ прасвистау,

Съ чарнаглазай душой
Усю почъ прагулау,
Ни таскуй, ни гаркой,
Ты нявѣста мая!
Ни на смерть я иду,
Ни схардють мяне,
Я назадъ варачусь,
На табѣ ажанюсь.

(м. Погарь, со словъ).

Вкъ пасѣю я лянокъ
У чыстомъ пѣли на лужку,
Ты расти, расти, мой лёнъ,
Тонокъ, дѣвигъ и високъ,
Изъ корня карянисть,
Эъ галовачки симяпѣсть.
Якъ пачую пра свой лёнъ,
Увесь патоцтанъ, павалѣнъ,
У пастельку палажонъ.
Тры дарожки праяжали,
Тры малайцѣ праяжали,
Тры халѣстинькихъ,
Тры малодинькихъ.
Пасавѣтуйтя, падружки,

Мнѣ катораго любить?
Што—мнѣ перваго любить—
Нада шѣгална хадить,
А другога палюбить—
Нокдренькѣй треба быть.
А мнѣ третяга любить—
Увесь нардѣу треба змяняить.
Палюбила малайца
Изъ за Питера—купца.
Узю дѣвачку, падривату,
У караблѣкъ пасадиу,
Па Волзи рякъ пустиу.
Волга ряка ни прымая,
Къ биряжочку прыбивая.

(м. Погарь, со словъ 20 лѣт. дѣвки въ 1898 году).

Х о р о в о д н а я .

Видна ты, рожа, адна у гародн,
Рожа, ты, рожа чырвоная.
Кала мяне сидять красачки рядныи.
Тольки кала мяне нѣту
Аднаго каралёваго цвѣту.
Рожа, ты, рожа чырвоная.
Я-й таго пасаджу,
Красачкамы абгараджѣ.
Видна, ты, дѣвчачка,
Адна у батюшки.

Хоть адна, да й тая людна,
Рожа, ты, рожа чырвоная.
Кала мянѣ сидять
Дѣвчачки красныи.
Тольки нѣту кала мяне
Аднаго Иваничка.
Рожа, ты, рожа чырвоная.
Я-й таго назаву,
Кала сябе пасаджу.
Дѣўкамы пагарскими абгараджу.

Щедровныя пѣсни.

Слѣдуюшую пѣсню пѣли вѣроятно крѣпостные подѣ окнами своихъ господъ:

Што-й у пана, у пана
Микалая Васильявича
Адинѣ сыночыкъ, якъ сокалочыкъ.
Йонѣ н таго у войска знаряджау,
Каня вываду, да й—прыказывау—
Ѣдъ, мой сыночыкъ, якъ сакалочыкъ,
На перѣдъ войска ни хапайся,
Зѣдн войска ни аставайся.
Батюшки свайго йонѣ ни паслухау,—
Папярѣдъ войска на канѣ йграя,
Папярѣдъ усихъ мячмѣ махая.

Ѣда поля, Ѣда другѣя,
На третья у зѣжджяя.
Яго батюшка ни угадая.
Батюшка кажа-то мѣсячка свѣтъ
Матушка кажи—то нашъ сынѣ Ѣдн.
Якъ заслѣшау пра то
Да руській кароль
Калибъ я зпау,
Чый то сынѣ играу,
Ябъ за яго каралеу ну атдау.

(со сл. 40 лѣт. женщ. м. Погарь, Стародуб. у.).

Слѣдуюшую пѣсню говорятъ «гадицца пѣтъ у доми, штобъ Богъ пасылау ураджай и спорѣ усюды».

Добрыи вѣчарѣ
Мосьця панове!
Славенѣ ясы,
Нашѣ милый Божа
На нибясы.
Раставляйтя стали тясѣвые,
Накрывайтя стали каурамы,
Наливайтя кубки мядѣамы,
Будутъ къ намѣ трѣя гостей:
Первый гость—вѣсяль мѣсячка,
Уторый гость—жарка соньяйика,
Третьгій гость—дробинѣ дожджычакъ.
Во што змова ясенѣ мѣсячка:
Якъ узыйду рана зъ вѣчара,
Узрадоу пана у дарѣви,
Паню у дамѣ.
Што—змова жаркая соньяйика:

Якъ узыйду рана на зары,
Узрадоу добрыхъ дѣтчакъ.
Во што змова частый дробинѣ дожджычакъ,
Якъ праиду я хоть разѣ на лѣти,
Ураджу я жыта пшавицу,
Усяку пашницу
У поли ядрошь,
У дварѣ добромѣ,
На лугу стагѣамы,
На гумѣ капама,
У клѣти карамамы,
У нячѣ пирагамамы.
Славенѣ есь,
Нашѣ милый Божа
На нибясы.

Павдравляимъ съ новымъ годомъ, съ единымъ Богомъ, штобъ здравныи были,
многа лѣтъ жыли.

(М. Погарь, со сл. 25 лѣт. женщины въ 1897 году).

Пѣсни, што пнюща у бясѣди.

Погарцы очень словоохотливый и веселый народъ. Въ компаніи или у бясѣди стоить выпить рюмку или двѣ водки, сейчасъ начинаются пѣсни и танцы съ припѣвами. Преимущественно женскій полъ охдѣ до пѣсенъ.

Йость у поди трѣ дарджки разныхъ, Разыграуся конь варѣный пада мной
Хадну парень да дѣвочки позна. Падъ наборнай збрунай залатой.
Прашу тябе, ни хади да мяне, Охъ! к хто-жъ то канчаньку спайманъ?
Будя слава пра табѣ и пра мянѣ. Охъ! и хто-жъ то мѣлайца скаваѣ,
— А я тыя славы па вѣкѣ ни байся, Спаймала каня краснай дяучѣнка,
Съ кимъ люблюся, съ тымъ ни разлучуся, А скавала мѣлайца да рѣдная мати,
На рыначку сяду—й—абннуса, Ни строй, мати, каменнай палаты,
Съ кимъ спазнаюсь, съ тымъ звнчаюсь. Прыкуй, мати, къ дѣвиччай карвати.

(м. Погаръ со сл. 45-лѣти. женщ. въ 1897 году).

Плыла шука съ Крымичука волнаю вадою,
Атбила шука рыба ать беряжка раску,
Патиряла дѣвачка ать молайца ласку.
А я тую шуку рыбу нѣвадамъ спайману,
А я свайго милинькаго рѣчамъ уядваю.
Я яднала—ни уяднала, у бальной таски стала.
Сватай мяне, рассукинѣ сынѣ, ня вводи у худу славу,
Сама сабѣ дѣвачка славачки даходишь,
Ранинька и пѣзанинька зъ вулачки ня сходишь.
Стану размауляти, ня мѣжышь атстати.
Ни вѣрѣ жа ты, дѣвачка, майниѣ гавдрачкамъ,
Даржы вумѣ разумѣ у свайой галовачки.
Я дяржала вумѣ и разумѣ, да-й пустила у воду,
Ни упаваю я, милинькій, на тваю худѣбу.
Спалюбила я тябе за тваю удѣбу.
Я-й ти журюся, у пичаль ни удаюся
А выйду я за вароты, ать вѣтру валюся.

(Погаръ, со словъ 25-лѣти. женщины въ 1897 году).

У майго мѣлага расте тры садочки,
Што-й у первамъ сѣди вязюля кукуя,
У другомъ—зяленамъ салавейка свица,
А у третьямъ вишневамъ мать съ сынамъ гуляя.
Яна зъ йимѣ гуляя, у сына прауды пытѣя —
Скажы, мой сынчыкѣ, хто табѣ милѣйшѣ?
Жана, али тѣща, али мать рѣдная?
Мати моя, мати, чаго ты пытайишь
Ума, ти бязумѣя, ти розуму майго?
Жана мнѣ мила, жана па закону,
Тѣща мнѣ мила, мила для заѣзду,
Милѣй рѣдной мати ў бѣламъ свѣти нѣту.
Яна мяне спараджала,
Три гадочки кахала,
Жарка свѣту ни тушыла,
Темну ночку ни усыпала,
Усѣ у калыски калыхала.

(м. Погаръ, со сл. 40 лѣт. женщ. въ 1898 г.).

См. Шейнѣ. бѣл. пѣсни стр. 340, № 403, стр. 338 № 401.

Салавейка малюсінкый,—
У тебе голось танѳсінкый,
Запѳй рана на зарѳ,
Узвасели ва ты мяне.
У чужой далней старанѳ
Нѳту роду тутъ ты мнѳ,
Нѳту рѳднаго ацца,
Ни сястрыцы, ни брацца.
Пайду у поля пагулять.
Свайго роду пашукать,
Усе поля абайшоу,

(м. Погарь отъ 17-лѳтней дѳвки въ 1895 году).

То ни чарачки па столику пабрякавають,
То удалые мѳлайцы пагуливають,
Аны пѳсінки пяюць
У теремѳ голась падаюць.
Слухай, дѳбука, слухай красна,
Слухай, душачка мая,
Ты када будишь мая?
Ни загадачку дяучоначка загадавала,
Ни задумачку красная задумавала.

(м. Погарь, со сл. 40-лѳтн. мужч., огородника въ 1898 г.).

Ни садися, салавейка,
На майомѳ вакнѳ,
Ни хади, малодчыку,
Позна да мяне
Ни узводѳ, малодчыку,
Славы на мне,
Была, была слава,
Были пагаворы
Пра тую дяучоначку
Што чорныя бровы,

(м. Погарь, со сл. 17 лѳт. дѳвки въ 1895 году).

Свайго роду ни знайшоу,
Тольки я знайшоу былину
На матернай на магили.
Ты, былинначка, схилися,
Сыра зямля растварися,
Устань, мати, ни ляжи,
Мнѳ дарожку пракажи.
Рада бѳ, смночку, я устати,
Дарожку праказати,—
Жоутые пясочки
Засыпали вочки

Загарница гарюць каминь
Сирядѳ Волги рѳкѳ.
Сяредѳ синя моря
Парастеть палынь трава,
Разальлецца быстра рѳчка
Супрати майго вакна,
Тадѳ буду я твая.
Нашу дѳлу ни спалинцца
Намѳ съ табою ни брацца.

Тая дяучоначка,
Якѳ поуная рѳжа,
Якѳ поуная рѳжа
Дѳвачка прыгожа.
Иде—вагаворя,
Якѳ у звонѳ завѳня.
Иде—засмѳнца,
Дунай разальлецца,
Кали заспѳвая,
Якѳ у листь читая.

Ренрутскія.

Збирауся на бѳтъу,
Працауся жѳ жаной,
На працаньинь сказау:
Жана судѳ варна.
Ня слухала малѳдка
Мужа свайго.
Мужа забыла,
Дитя радѳла
Ншой мужѳ зѳ палку
У пабыуку дамоу,
На пути дарожки
Таварышѳ идетѳ—
Зларѳу, братѳ таварышѳ,
Ти жыва тамѳ смѳья.
Смѳья уся здарова.

(м. Погарь со сл. 45 лѳтѳ женщ. въ 1896 году).

Случыласи бяда,
Бяда ниболшая:
Жана радѳла.
Мать сына сустрикала
Сѳ иконай святой,
Жана маладая
Сѳ гарючай сязой.
Мать сына прасила—
Прасти, сынѳ, жанѳ.
Табѳ, мать, працау,
Жанѳ—никагда.
Блѳснула шабелька
У рукѳ баевой,
Скатилась галоука
Жѳ жанѳ малѳдой.

Правджала мамнѣнка
 Сына у саддаты
 Да-й заплакала—
 Вирнись, вирнись, мой сынчыкъ,
 Хоть на, адинь днѣчыкъ
 Нн вирнуся, мамнѣнка,
 Ни на адинь часочыкъ.
 Сиряди лѣта тѣплаго
 У гости прилячу,
 Сяду я надъ ябланкай
 У зяляномъ саду

Заплю я пѣсянку
 Тонкинѣ галаскомъ.
 Мима таго садку
 Мамнѣнка ишла
 Навѣстачки—ластачки,
 Вы паслухайте
 Хто у вашамъ садку
 Жалабна пѣтъ?
 Сынъ мой разлюбезный
 Голосъ надаѣтъ.

(м. Погаръ отъ той же въ 1896 году).

Што й ты, рѣчка, Палтаука,
 И широка и глыбока
 И валною шыбка бѣе.
 Якъ ударила вална
 Абъ крутыя бярѣга,
 Разливалася вадца
 На зялѣннѣкинѣ, лужкамъ.
 Умывалася даяца,
 На бярѣжку стаючы.
 Вынимала сы кармана
 Гарнитуравый платокъ,
 Утирала красна дѣука
 Свайго бѣлая лицо.
 Яна умывалася, яна набѣлялася,
 А замужъ пошла,
 Мужу пакарылася.
 Мужъ рѣйивый бѣу,
 Хатѣу жанѣ зарубить,

А жана мужа усю ночку прасила—
 Ни руби мянѣ рана зъ вѣчара,
 Заруби мянѣ сы вѣчара да палуначы,
 Дѣтки будутъ спать,
 Яны на будутъ знать.
 Къ бѣлу свѣту дѣтки прашнулися,
 Родный батюшка, идѣ наша матушка,
 Ваша матушка у святлицы умываница,
 Яна умываница, яна набѣлялица.
 Родный батюшка, то ваша нипраудачка.
 Наша матушка у святлицы зарубана,
 Закопана надъ бѣлай бярѣаю,
 Прикрыта гнилою калодаю.
 Дѣтачки-жѣ майе, ни укарытайжѣ
 мянѣ
 Ни винаватъ я, ни у прычыни я,
 Винаваты у томъ усн дружки майе,
 Уси таварышы.

(отъ той же въ 1896 году).

Атдала мяне мати за разбойничка.
 Сы вѣчара, сы палуначы
 Разбойнички на разбой вдуць.
 Ужо свѣтъ—надъ абѣдъ
 Разбойничкау дома нѣтъ.
 Ужо люди пабѣдали,
 Разбойнички прыѣхали
 И стучыть и грючыть
 У новыя варата—
 Принимай жана
 Днятѣрку лашадей.
 На дцятамъ варандѣ
 Самъ разбойникъ удалѣй.
 Принимай, жана,
 Платыя цвятноя,

Ни дивись, ни сматры,
 На Дунай ряку, яси,
 Маладая жана ни утѣрпила,
 Паглядѣла яна, важжахнулася:
 Ахъ ты воръ, ты разбойникъ,
 Пагубитель души,
 Загубѣу майго брата,
 Свайго шурына.
 Цыць, шельма, замаучы,
 Скипишъ сама на нажы,
 Што-й на первай устрѣчы
 Аццу—мати ни спущу,
 Хоть свайю съ плечъ
 Галѣвачку сыму.

(отъ той же въ 1896 году).

Пращай атець, радная мать,
 Праститя сына свайаго,
 Штатяты дни мая асталныя
 Часы гулянья маяаго.

Пращай, атець, радная мать,
 Падайти мѣъ ваяя гнядѣга
 Съ кауказьскымъ вѣбранымъ сядломъ.
 Пращай, атець, радная мать,

Я сяду на камя быстрога,
Слязаны грудь усю абальлю.
Пращай, атець, радная матъ,
Здрастуй чуждая страна,

Богъ нѣсть, когда я варацуся
Апяць на родину свайю.
Пращай, атець, радная матъ,
Праствя сына свайяго.

(м. Погарь, со сл. 22 лѣт. дѣвки въ 1899 году).

Слѣдуюція пѣсни записаны въ Мглинѣ со сл. 35 лѣт. женщ. въ 1899 году.

Чырвоная ты, калиначка,
Што-й у лузи выростала.
Щасливая ты, дячудначка,
Што любви ни знала.
Любоу наша хараша,
Да разлука тижала.
Разлучыла насъ няволнична,
Чужа—далняя староначка,
Низнакомый здѣшний край.
Якъ сяду я, маладосинька,

Падъ ракітавыи кустоць,
Вы кусты майе ракітавые,
Прывклантиса къ зямлѣ.
Вы пташачки—канарейки,
Сабирайтеся ка мнѣ.
Ращыплитя майо тѣлячка
Па малюсинькинѣ частямъ.
Не ма жъ майго нилаго
Ни туты, ни тамъ.

* * *

Я на лѣсу йшла,
Я на тѣмнату йшла,
Ни баілася.
Шауковая травачка
У слѣдъ слалася.
Па лисочку, па зеленаму

Листочки шумятъ
Пра насъ съ табой, миланькій,
Люди судють и гаворють,
Пуцай судють и гаворють,
Я да тебе буду хадити,
Тябе вѣрна любити.

* * *

Сярдечка майо, сярдечка,
Чаго баілянуишь?
Ты скажи, мая милая,
Каго вѣрна любишь?
Аднаго дружка любила,
Плакала, тужыла,
Плакала, гарывала,
Мала нocy спала.
Охъ ты, ночачка мая тешная,
Каравать моя, ты, тасовая!

Я усю ночачку прастоняла,
Другу ночачку перадумала
Третью ночку я прапѣкала
Свайго милаго упрашывала:
Прашу тебе, другъ, ни прагнѣвайся,
Што мнѣ за тябѣ ни хатѣлася,
Хатѣлася мнѣ да-й за луччага,
За бѣлаго, ва румянаго,
За Ивана кучарѣвага.

* * *

Систра мая, сястрыца,
Чаго рана стара стала?
Ты, систра, сястрыца,
Калибъ ты майо горя знала,
Ты бѣ у мяне—й ни пытала.
Сыноу ни жаніла,

Дачѣкъ ни т'давала
На чужой работи.
Горька пританлюся,
Праду у чужу хату,
Зѣмь судога хлѣбца,
Слязны абальлюся.

* * *

Якъ засвица салавей
У темнашъ лѣси,
На калины сидючы,
Горьму ягаду калину влюючы.
Якъ заплача моладець,
У тѣрэмки сидючы—

Охъ вы, браццы таварышы мае,
Наказыты майму бацюшка у даму,
Нихай бацюшка худобку прадае,
Мяне молайца съ тюрмыи баре.
Прападай ты, мой сынчыкъ у тюрмѣ,
А худобка нехай астаецца пры мнѣ.

* * *

Звуковыя особенности бѣлорусскаго говора Черниг. губ.

§ Первый.

а) Звукъ *а* остается безъ перемѣны, если на него падаетъ удареніе. Напр. хата, ракъ, галка, свѣха, матка.

б) *а* ударяемое въ книжной рѣчи, переходитъ въ *о*, то въ *у*, то *я*. Напр. *а* = *е*.

Трѡвуха	} также говорятъ: трѡука	Рѡсьць	расти
Мурѡвуха		Сахорный	сахарный
Пасѡдзнь	мурѡука.	Салодкй	сладкй
Врѣнища		Рѡзны	разны
Мѡнишь (отъ слова манить)		Плѡцюць	платятъ
Мѡня (3 лицо ед. ч. отъ гл. манить)		Гѡцюць	гатаць
Падорынь (падарить)		Качѡлка	кѣчалка
Рѡшшыка (расшивка)		Мачѡлка	началка
Накѡцинь (покатить)		Старѣцца	стараться
Рѡсказын		Рѣны	рамы
Гавѡриця (говорите)		Мялѣйшы	мельчайшй
Кѡжны (каждый)		Гарчѣйшй	горчайшй
Крѡса краса		Влжѣйшы	ближайшй
Утѡишь утаншь		Шыбчѣйшы	скѡрѣйшй
Ухѡпяшь ухватить			

2) Звукъ *а*, на который въ книжной рѣчи не падаетъ удареніе, при произношеніи остается безъ перемѣны. Напр.

Падалища	упавшй съ дерева	Качаргѣ	кочергѣ
	фруктъ	Каганѣць	ночникъ
Замазка	замазка	Каравѣй	свадебный хлѣбъ
Табака	табакъ	Урѣдаваўся	обрадовался

Какъ рѣдкое исключеніе могутъ служить слова *ямбаръ* (амбаръ) и *ладунъ* (ладать) гдѣ *а* замѣняется въ первомъ словѣ звукомъ *и*, а во второмъ звукомъ *у*.

§ Второй.

я ударяемое.

Звукъ *я*, на которомъ въ книжной рѣчи существуетъ удареніе не измѣняется и въ разговорной. Напр.:

Ярь		Мѣта	
Валѣчка		Мѣкинь	
Цилѣты	теляты	Лѣга	лѣтятка
Дѣцель	дятель	Грѣды	
Грѣзь		Вѣзь	

Въ нѣкоторыхъ словахъ ударяемое *я* переходитъ въ твердое *а* или *ѣ*.

Такое измѣненіе звуковъ замѣтно въ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ. Напр.

Гарѣчй	горячй	Царѣ	царя
Прѣмо	прямо	Прѣтаць	прятать
Рѣдомъ	рядомъ	Грѣзь	грязь
Прѣжа	пряжа		

Я ударяемое переходитъ въ *ѣ*, напр.

акаѣнь окачннй

Звукъ *я*, на который въ книжной рѣчи нѣтъ ударенія, замѣняется въ разговорной звукомъ *е* или *и*. Напр.

пбѣсь	поясь	на грѣдахъ	на грядяхъ
мѣсленка	маслянка	сѣйиць	сѣять
питѣкъ	пятакъ	вѣйиць	вѣять
цижѣль	тяжестъ	вѣймлка	вѣялка
заснзѣць	завязатъ		

§ Третій.

З в у к ъ О.

Звукъ *О* подъ удареніемъ, какъ и предъидущіе гласные, не измѣняется и выговаривается при произношеніи, какъ *о*. Напр. столъ, вѣдось, нѣчка, голодъ, балѣта. Но въ извѣстныхъ случаяхъ нашъ говоръ не знаетъ обычнаго, въ извѣстныхъ случаяхъ, *о* нашего литературнаго языка и, согласно старинѣ, сохраняетъ *ы*, *а* (*і*), *ю*: маладѣй удалѣй, другіи, дарাগіи, вѣю (вою), мѣюць (моютъ), крѣю (крою), пѣи (пой), хала-стѣи, чарнабрѣвай, крѣшущъ (3 л. мн. числ.), варанѣи, рѣю (рою), нѣю (ноу).

Неударяемое *о* выговаривается какъ *а*. Но вм. уголь, уголья вугѣль, или угѣльля, вм. вокругъ—вѣякругъ, йонъ (онъ). Напр.

лѣваму	
курачка	
пѣнавага	(род. пад. панового)
чабатѣ	
анѣча	
канѣ	(род. пад. отъ сл. конъ)
агѣнь	
пѣмалѣди	
пѣвалаиць	
старанѣ	
сакѣль	
саснѣ	
галасиць	

Въ рѣдкихъ случаяхъ неударяемое *о* переходитъ въ *ы*. Напр

кравѣвѣи	кравѣи	пѣльмя	пламя
праглыиць	проглотнуть	здрыгнуся	содрогнулся
дрыжѣць	дрожитъ		

Въ началѣ нѣкоторыхъ словъ вмѣсто *о* слышится *и*, *й*. Напр. йастрѣць=остреть, найстрѣу=наострѣль; Мигилѣвъ=Могилѣвъ; вѣрябѣи=воробей.

§ Четвертый.

З в у к ъ е.

Звукъ *е*, отчасти и *ю*=*е* подъ удареніемъ произносятся или а) мягко, какъ въ словѣ *Ева*, или б) твердо, какъ оборотное *э*, или в) какъ *ѣ*, *йо*.

Примѣры:

а) какъ <i>е</i> мягко	б) какъ оборотн. <i>э</i> .	в) какъ <i>ѣ</i> (<i>йо</i>).
лѣбидзѣ	Васкрѣсѣнье	усѣ, твайѣ
нѣрниъ	Спасѣнье (или спѣсинье)	майѣ, далѣка
пѣтля	у Вазвѣсѣнья	майѣю, свайѣю,
сѣрцѣ	увзѣчка	усѣю, сѣиый
вѣрба	видѣлка—вилка	умѣръ, умѣрла

вѣцѣрь—вѣтеръ	абхаждѣньне—обхожденіе	Ѳосъць, вѣдры
мѣрзнуць		двѣшава
апѣньки		свадѣбный
умѣрць		стайницѣ
насешь		пѣйницѣ

Послѣ шипящихъ *ж, ч, ш, щ*, также послѣ *р* звукъ *е* ударяемый проивносится, какъ французское *e ouvert*, съ открытымъ ртомъ, напр.

вячѣра (ужинъ).	щѣпка.	чѣша (чешить)	рѣши
барѣзникъ.	кацѣля (сумка).	сатрѣшь (сотрѣшь)	чарепаць
щѣлка—щель.	щѣдрый	рѣщыць (крестикъ)	чарѣшня
шѣршень.	жѣрдъ	грѣчка	варѣника
шѣлма.	кажѣуня (отъ кожи)	рѣбры.	тарѣлки

2) Иногда ударяемое *е* переходить въ *о*. Напр.:

ужѣ	т. е.	уже.	пачѣпка	т. е.	почѣпка
пякѣмъ		пячемъ	пѣдуваць		щелкать
идѣмъ		идемъ	пѣстый		шестой
вядѣмъ		вядѣмъ	гнѣмъ		гнѣмъ
нясѣмъ		нясемъ	кладѣмъ		кладемъ
барѣмъ		баремъ	жнѣмъ		жнѣмъ
			трѣмъ		трѣмъ

Но сл. пепелъ сохранять свой старый видъ: попелъ. Сохраняется и *и* въ повсл. накл. глаголовъ бити, лити, пити, не переходя въ *е*: би ли, пи (а не бей, лей, пей).

3) Иногда ударяемое *е* переходитъ въ *и, ы* и даже въ *о*, также въ *а*.

Напр.:

нижъ	} между.	тъвиу	цѣль.
низъ		прамизъ пѣлцау	между пальцами.
нижда гарамы		между горами	
памизъ горъ		между горъ	

§ пятый.

е не подъ удареніемъ.

Неударяемое *е*, стоящее въ слогѣ рядомъ съ ударяемымъ слогомъ, непосредственно предшествующимъ ударяемому слогу, всегда исключительно переходить въ *я*. Напр.:

ляци	мялѣсинькій (медкій, не глубокий)
мядѣвый	нядѣля—ведѣля
пярѣ	нясиця—несите
вяви	бярѣ—бери
цясѣвнй	цялѣнакъ—теленокъ
мянѣ	вяринь—вернисъ
цябѣ	сялѣ—село
някрѣцый, т. е. рекрутскій	сястрѣца

1) Изъ этого правила исключается слѣдующее: если въ словѣ ударяемый слогъ имѣетъ *я*, то въ предшествующемъ рядомъ стоящимъ съ ударяемымъ слогомъ уже не будетъ слышно *я*: оно замѣняется звукомъ *и*.

2) Рѣчь не тернитъ сряду 2-хъ словъ съ звуками *я*. Напр.:

два дзясѣтки = два десѣтка	Бѣляначка	бѣляначка.
зимля	не виляць	3-ье лицо не велять.

Даже если ударяемый слогъ имѣетъ гласный звукъ *и*, то въ предъидущемъ слогѣ уже не услышится однороднаго мягкаго *я*, напр.: не скажугъ дзѣжѣ, но дзѣжѣ, систрѣ, а не сястрѣ.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы всѣ поголовно выговаривали одинаково; въ большой глуши Полѣсья иногда старые люди говорятъ также: сястра, ждрянал, вѣряная.

3) Также и въ слогѣ, стоящемъ послѣ ударяемаго я, слышится больше и или е, но никакъ не я. Напр.:

прудзиво	пряжа	вѣлиная	иногда вяленая
глянишь	посмотримъ		

4) Такъ какъ рѣчь не терпитъ двухъ я въ рядомъ стоящихъ слогахъ, то и при отрицаніи «ме» замѣчается слѣдующее измѣненіе гласныхъ:

а) если въ слѣдующемъ за отрицаніемъ слогѣ слышится я, то отрицаніе ме переходитъ въ мя. Напр.:

Кумусичка, любусичка,
 Ня би майнихъ вуцняйтъ.

б) Если въ слѣдующемъ за отрицаніемъ слогѣ слышится я, то отрицаніе «ме» переходитъ въ ми.

Кумусичка, любусичка
 Ни бярѣ майнихъ вуцняйтъ.

Однимъ словомъ, съ перемѣщеніемъ ударенія мѣняются и гласныя въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ. Возьму слово *зеленой* въ слѣдующихъ примѣрахъ:

1) паслала мянѣ маца	2) злѣная наша вишанька
злянога жыта жаца.	Туды сюды нахляилася

5) е въ словахъ, стоящихъ послѣ ударенія, переходитъ въ и. Напр.:

Бѣригъ	берегъ.	дзѣвиръ
лебндзь		зѣлино
дзѣрива	(дерево).	сенинскій

6) е во словахъ, предшествующихъ и въ то же самое время удаленныхъ, не стоящихъ рядомъ съ ударяемымъ слогомъ, большею частью переходитъ въ и, напр.:

силязѣнька	сирядзйна	
симагѣхъ	дзясгѣхъ	дзясгѣхъ
дзясца	жирябокъ	жеробенокъ

7) Повторяю, что въ неударяемыхъ слогахъ нельзя строго установить законъ перехода гласныхъ изъ одного звука въ другой. Напр. въ предъидущихъ словахъ встрѣчаемъ въ болѣе глухихъ мѣстахъ полѣсья въ рѣчи людей, несоприкасающихся съ интеллигенціей, такое произношеніе: вѣцѣрь, (вѣтеръ), берѣгъ, лебѣдзь, дзѣвѣрь, синѣнскій (сиженскій).

Для большей ясности приведу рядъ примѣровъ, изъ которыхъ видно, что съ перемѣщеніемъ ударенія мѣняются въ остальныхъ слогахъ гласныя. Напр.:

сярѣдзйна	(спина)	сирядзйна	(средина)
кисель		кисялю	
дзярѣуня		дзярѣвеньскій	
дзѣрива		дзярѣуя	
вядзьмѣга		вѣдзьма	
видзьмаваць		вѣдзьмакъ	
дзяцѣйка	(юноша)	дзѣтачки	
дзѣцятка		дзѣцѣй	
у сѣриду	(въ среду)	сиридавѣй	(средній)
цисцѣный		пѣсьцѣнъ	
парѣдъ			
у парѣдъ	(т. е. впередъ)	пирядзѣй	
вясельнѣй		висялѣйшый	
висялѣкъ			
вися		на вясѣ	
висяннѣй			

вѣчѣрный		вѣчѣрашннй
вѣчарагь		у вѣчарѹ
у лѣсѹ		паласѹшннкъ
у лѣси		лѣсннй
цярпѣць		ня уцѣригла
ни у цярпѣжѹ		на цѣрьяны
у цярпѣжѹ		за дзѣвѣрны
за дзѣвѣрны		нищаннй
пѣсокъ		ряжѣннй
рѣшннь		вѣлна (приказано)
рышнны	(тв. и. ч.)	разгнѣдаю
вѣлѹ	(приказу)	снлѣдѣць
ни вѣлѣць	(не приказываютъ)	камѣннй
гляджѹ		
снлѣдка		
камѣнь		

8) Въ словахъ предшествующихъ и послѣдующихъ ударяемому слогу, послѣ шипящихъ *жс, ч, ш, ш, ш*, неударяемое *е* переходитъ въ *а*, а иногда въ *ы*.

Напр.

щала	щарба	саженей	чацьвѣргь
жана	щандкь	шаволя (шевелить)	чатѣры
чарннца	ущамнлась	шпатѹха	чапѣць
чарѣпаць	жарзѣна	на шастѹ	царькоуннй
жалѣць	цалзѣць	щабѣча	кашаль (кашель)
жалѹдаць	купѣчаскнй	щацина	шарсыцннй
жарѣвна	чырвоннй	чарствнй	кучурѣннй
жасыцннй	чырѣвнкн	часнѹкъ	чырвѣнецъ
жастѹкнй		на часцѣ (на чести)	

§ Шестой.

Буква *ъ*.

Буква *ъ* въ разговорной рѣчи литвиновъ ничѣмъ не отличается отъ *е* и подчиняется почти тѣмъ же самымъ правиламъ, которыя относятся и къ *е*.

1) Будучи подъ удареніемъ она выговаривается, какъ «е» въ словѣ «еа». Напримѣръ.

лѣсь,	сѣрый	мѣль	вѣна (приданое)
лѣнь,	сѣтка	дѣла	ѣмь
сѣна	прѣбѣгъ	вѣннкь	ѣхау

2) Послѣ *и, р*, буква *ъ* также произносится съ открытымъ ртомъ, какъ французское *e ouvert*. Напр.

рѣва	гарѣлка	рѣжъ	цѣпъ
рѣшато	абъ Пятрѣ	рѣпа	цѣль
арѣхи (также говорятъ аряхн)			
на дварѣ	цѣвка (трубка, на которую наматываютъ нитки при тканнѣ)		
рѣдкнй			

3) *ъ* переходитъ также въ *и* и *ы*. Напр.

усьмнхуица (3 л. ед. ч.) усѣмѣается	
тѣмѹ, (цѣвѣль)	чымь (чѣмь)
прѣбрѹ (пріобрѣвѣль)	тымь (тѣмь)

4) *ъ* безъ ударенія подчиняется такому же переходу, какъ *е* (см. § 5), напр., бѣды (род. пад. бѣда).

ъ безъ ударенія переходитъ въ другіе гласные, сообразно съ перемѣщеніемъ ударенія (см. § 5) напр.

лѣсь		лясы	дзвцяччый
дзѣдъ		дзяды	
дзѣци	дзяццнка	рѣка	ряки (род. пад. ед. ч.)

Послѣ шипящихъ преимущественно послѣ *ц, р*, неударяемое *ъ* переходитъ въ *а*. Напр.

цадзѣлка (цѣдилка)	цалковый (цѣлковый)
на цапѣ (на цѣпи)	цаляць—цѣлыть
цальба (цѣль)	цана—цѣна

5) *ъ* въ надежныхъ окончаніяхъ остается только въ томъ случаѣ, если на него падаетъ удареніе. Напр.

на плячѣ	на верицѣ
пры крылцѣ	на пшанѣ
у хвасцѣ (также у хвастѣ)	
пры сястрѣ	абъ ражтвѣ (на рождествѣ)
на жнивѣ	на вадзѣ

Исключеніе изъ этого правила представляютъ слѣдующія слова:

на канѣ (на конѣ)	на дни (въ день)
у барщѣ (въ борщѣ)	на пни (на пнѣ)
на канцѣ (на концѣ)	

6) Если же въ этомъ случаѣ удареніе не на послѣднемъ гласномъ, то *ъ* въ надежномъ окончаніи переходитъ въ *и, ѡ*. Напр.

на вѣли	на хѣладзи
у пѣли	у крѣницы
на дзярѣуни	на пѣлцы (на пальцѣ)
у лѣси (также у лясу)	
у хѣли (въ холѣ)	у ѣни
на пшанѣцы	на хѣци.
у прѣси (въ прѣсѣ)	

§ Седьмой.

И.

1) Гласный *и* съ удареніемъ тройко произносится: а) мягко, какъ *и*, напр., вѣшнѣя б) болѣе смягченно, какъ *іотъ*—и *иѣ*, напр., йволга, йкаука и в) какъ *ѡ*, послѣ шипящихъ: ж, ч, ш, щ, р.

П р и м ѣ р ы:

а) вѣшнѣя, лѣпа, свѣтка, Ивѣць, индѣхъ, игѣла, иибѣрь.

б) йволга, йкаукаука (икота) йскра, йишь (имя) йниѣ (ниѣ) йишый (иной) йихъ, йива, йихнийимъ, йилъ, йидаць, йикра, майи, твайихъ, йисцѣна, пѣимъ, по-чѣимъ, Варабайиха, Ключиха (имена собственные—прозвища), абливѣимъ.

Вообще *іотированное* *и* встрѣчается въ глагольныхъ окончаніяхъ и въ неопре-дѣленномъ наклоненіи: атсмаѣимъ, пайиць (пойть), пайила, стройиць, пайну, наврыи-имся.

¹⁾ Послѣ *и* слышно *а* въ великор. акающ. гов.; оно также замѣчено и въ старыхъ Македонскихъ и вообще средне-болгарскихъ рукописяхъ, напр. въ Апост. Чтен. (бывш. Шафар. и нынѣ Пражск. Муз.) къ *ильтѣцаи* чистотѣ, въ *Дамасца*, по *посци* (постѣ). Срезневскій Свѣд. в зам. С.-ПВ. 1876. LXXII. Стр. 488 *роуци* и *нозѣ*, бы мнѣ *крѣца* (Вѣлгр. Синакс. 1330 Ламанскій. Прилож. къ VI т. Зап. И. Л. Н. № 1. 1864. с. 33). *Ред.*

в) жьдъ, дьзржѣ, лажѣсь, запряжѣцье, скажѣ, чужьй, ключѣ, уначѣ (въ ночь) чѣстѣй, шѣна, кѣлшѣ, шѣрѣнка (платочкѣ), патушѣла, лѣдащѣца, щѣпцѣ, щѣка-латка, щѣрѣй, пѣрына, тѣры, кѣрѣва, рынѣула, Арына, ня журѣся, ня барѣся, насва-рылѣсь.

3) Ударяемое *и* переходитъ иногда въ *е*, напр., яѣдѣчка—(ячѣико), яѣдѣць, яѣшѣва, траѣецкѣе (троицкѣе праздники), величѣнный (отъ слова величѣнна).

Безударное *и*.

4) Послѣ ж, ч, ш, р, также слышится *и* на мѣсто безударнаго *и*, напр., начѣ-нѣць (начинать), кѣдры, шѣпала, на пѣчы или на пѣчѣ (на печкѣ), дѣрѣмучѣй, тавѣ-рышы, у кашѣ (въ кашѣ), бѣчышь, скѣчѣлось (скучно), наплѣчѣсья, (2-е лицо), гѣ-рѣчѣя (горькѣя), харошѣя, шѣрокой, шѣрунѣ.

5) Безударное *и* въ началѣ слова произносится какъ *й*, если предъидущее слово оканчивается на гласную. напр. На—Йвана сонѣняйка йграла.

Йета анѣ ни йшло, ни йхало. (Это все равно), Нина ни йдѣтъ (ни гдѣ). Нижу на йгѣлку; ня хѣчу писѣць (идти). Вуднѣтъ на скѣрынку йграць.

в) Иногда подобное безударное *и* въ началѣ слова можетъ совсѣмъ теряться. Напримѣръ:

Ой граѣця музѣки,		Граѣ музыка,
Кали нocy ни вялѣки,	или	А то штрუმѣтъ набѣю.

7) Иногда безударное *и* является въ особаго рода суффиксахъ напр., въ словахъ уменьшительныхъ.

П р и м ѣ р ы:

Кавѣлѣнкѣ, клѣпѣнкѣ, пѣпѣнкѣ, свѣпѣнкѣ, кѣлѣнкѣ, вѣзѣлѣвѣ, хлѣбѣнкѣ, вѣлѣнкѣ, по-вонѣрѣнкѣ, кѣдушынь, лѣтѣнкѣ, зимѣнкѣ (дорога, по кот. вѣзѣтъ лѣтомъ и зимою).

Еще безударное *и* переходитъ въ *и*, послѣ предлоговъ, напр.:

Атѣйшѣду, абѣхѣдѣье, сѣйшлѣ, абѣйшлѣ, Владѣмирѣ, сѣзѣй.

Также безударное *и* переходитъ въ *я*, *е*, напр.:

Нѣся (носить), кѣрѣя (кормить), лѣбя (любить), прѣся (просить).

§ Восьмой.

Звукъ *ы*.

Звукъ *ы* всегда произносится какъ *ы*, напр., пѣль (пыль), рѣло, сѣта, карѣто, скѣрѣнка.

За исключеніемъ нѣсколькихъ словъ, гдѣ *ы* замѣняется звукомъ *и* и *а*, напр., висѣкѣй, вѣмата (вымыта), вѣпитѣнѣй (опытѣнѣй).

Среди городскѣхъ мѣщанъ и полуграмотныхъ дворянъ слышенъ вмѣсто звука *ы*=*и*, напр., бутѣлка, вѣмѣтъ, тѣсяча, бѣли (были), пѣшно, кабѣла, висѣоблѣтъ, вѣ, ни и т. д.

§ Девятый.

Звукъ *у*.

1) Звукъ *У*, замѣняющій собою всегда предлогъ *оу*, а также неударяемый звукъ *у* въ началѣ слова произносится двойко: а) или кратко или б) обыкновенно, какъ выговаривается *у* въ кѣвижной рѣчи. Напр. -*у* хѣци свѣкруха лѣжѣла.

2) Безударное краткое *у*, стоящее обыкновенно въ началѣ слова, произносится на столько кратко, что, сливаясь съ гласной предъидущаго слова, какъ бы не составляетъ отдѣльнаго слова. Напр.

Нѣумѣръ Дѣниѣла, балѣчка удавила.

3) У можетъ быть краткимъ только тогда, когда стоитъ непосредственно послѣ гласнаго. Напр.

краткое у:	не краткое у
мы убили коршуна	охотникъ убѣу коршуна
жена умѣрла	ночь умѣръ
ты ня умѣйшишь пахачь	дѣвирь умѣя пахачь
нашы святѣ убѣги	нашь свать убѣгь.

4) У не бываетъ краткимъ въ началѣ фразы. Напр.

У лѣси, на пратавѣси висичь красная плацца¹⁾.
У поля съезжачка.

5) «У» не бываетъ краткимъ послѣ доегласія, образовавшагося изъ слоговъ: ел, ал, ил. Напр.

пашду у дубраву	Церькау у гѣрадзи
Сѣу у лѣси	Пришоу у хату:

6) Въ рѣдкихъ случаяхъ у переходитъ въ е, о, ю, а именно:

глубокий	юхъ, юшка (юха).
слыхъ (слухъ)	логъ (лугъ)

§ Десятый.

Выпаденіе и приставка гласныхъ.

Нѣкоторые гласные, стоящіе въ срединѣ и въ концѣ слова не подь удареніемъ, въ разговорной рѣчи выпадаютъ. Примѣры:

йог'кая	ни'гдау
ни'тпущай (не отпускай)	ба'дай — Богъ дай
жав'ранакъ,	за мѣс'таго—вмѣсто того
ад'ли а (дѣлій)	преж'таго
ни'тважуса	

1) Иногда теряются въ рѣчи гласные и нѣкоторые согласные безударные звуки въ началѣ. Напр.

ва'гардзи (на огородѣ)	спамянишь—вспомнишь
чѣрть (очереть)	кольки—сколько
за'дно (за одно)	казка—сказка
за'ббаламы (за облаками)	що—еще
мѣць (нѣтъ)	э'за куста—изъ за куста
гурокъ—огурецъ	звѣннайце—извините
звѣсна—известно.	

2) Въ концѣ словъ въ звательномъ надежѣ гласный замѣняется полугласнымъ. Напримѣръ:

Маткъ, хадзи сюды
Душь, ирядзи лѣвь
Двадзѣкъ, ци ни бачму ты тплягь.

Примѣры приставки гласныхъ:

ирвѣць (рвать)	аржанный—ржавый
ишду (шѣль)	игрушы—груши
аутѣрокъ (вторникъ).	иржа—ржа
Адѣрья (Дарья)	идѣзь—гдѣ
Игглинь (Иглинь городъ)	альялнйй (ляляный)
Ишшѣць—власть мохъ при постройкѣ.	алимонъ—лимонъ
Ильѣць—лю	апасьай—послѣ.
иржаць—ругать	

¹⁾ Загадка: Калина.

Согласные звуки.

Звук *е*, стоящій въ началѣ слова передъ какимъ нибудь согласнымъ звукомъ, произносится какъ *у*. Напр.

удбука—вдовка
улѣзь—влѣзь
уляниу—влѣпили
унесь—внесь
уремья—время
уиѣсци—виѣсти
унукъ—внукъ
уышду—взошелъ
узабрауся—взабрался

узыдхачъ—вздыхать
узюся—взялся
улиу—влилъ
уладѣць—владѣть
узадрать—взадрать
узьяцѣць—взлѣтѣть
узятка—взятка
уздось—взносъ.

Въ означенномъ случаѣ звукъ *у* выговаривается, во 1-хъ, кратко, а во 2-хъ, такъ какъ мы его обыкновенно выговариваемъ. (Относительно краткости *у* см. § 9-ый 3).

Хотя предлогъ *еъ* замѣняется въ рѣчи звукомъ *у*, напр. у дѣси, у свѣтцѣи (въ свѣтѣ), у доми, у скрѣпи; но если послѣ предлога *еъ* слово начинается гласнымъ звукомъ, то къ предлогу прибавляется еще *у*. Напр.

у сабзи—въ обозѣ
у сакрѣзи—въ округѣ
у ванучахъ—въ онучахъ
у вапѣнкахъ—въ апѣнкахъ
у варѣхи—въ орѣхѣ
у вастрѣзи—въ острогѣ
у ваходзи—въ обходѣ

у ватрѣби—въ отрубѣ
у вабвали—въ обвалѣ
у вабиылкахъ—въ обнылкахъ
у вабардци—въ оборотѣ
у ваглобляхъ—въ оглобляхъ
у вобмыскъ—въ обмыскѣ (пойти)
у ваутдрокъ—во вторникѣ.

Звукъ *е* служитъ придыханіемъ предъ начальными *о*, *у*. Напр.

вдсень—осень
вдѣстрый—острый
вдхачъ—охать
вдгникъ—огникъ (болѣзнь, на лицѣ струня)
вдмуть—омуть
вдчень—очень
вдсмотреть—осмотрѣть
вдтдыхъ—отдыхъ
вдблака—облака
вдгненный—огненный
вдбшыука—обшывка
вдкала—около
вдкунь—окунь
вдльха—ольха
на вдтмашъ—отмахнулся
вдльйкъ—улей
вдголь—уголь
вдмникъ—умникъ
вдкусъ—укусъ
вдмысяль—умысель
вдха—ухо
вдчйць—учить

ни вддзингъ—ни одинъ
вдбчаство—общество
вдбуу—обува
вдсва—оса
вдко—око
вдсна—оспа
вдсь—ось
вдтпяпель—оттпель
вдбразъ—образъ
вдзяро—озеро
вакдшко—окошко
вдкарокъ—окорокъ
вдлень—одень
вдпись—опись
вдтка—утка
вдлица—улица
вдзкій—узкій
вдмиръ—умеръ
вдсь—усъ
вдтро—утро
вдзмиць—удить.

Звуки б, п, в, м, ф.

Согласные средніе звуки не переходятъ въ соответствующіе тонкіе звуки, какъ это замѣчается въ великорусской рѣчи. Напр., говорятъ бобъ, но не бошь.

дубъ а не дупъ	ѣжъ — ѣшь
лаука — лафка	будка — бутка
рѣдко — рѣтко	дзѣдъ — дзѣтъ.

Исключеніе составляютъ слова — стѣупъ (столъ) и юпка.

Равнымъ образомъ послѣ означенныхъ губныхъ не слышно мягкаго знака, а наоборотъ, твердый знакъ, напр.

пѣука — пѣвка	рыбѣя — рыба
вымѣя — вымье	выпѣю — выпью
семѣя — семья	бѣецъ — бѣеть
сабѣю — собью	Дзимѣянъ — Демьянъ
гѣлубъ — голубъ	насыпѣ — насыпь
бабѣя — бабья	семѣ — семь
хлопѣя — хлопья	тряпѣе — тряпье.

Звукъ Г.

Г выговаривается какъ французское h (ашъ) въ словѣ haig — (ненавидѣть), за исключеніемъ нѣсколькихъ случаевъ, гдѣ г, произносится какъ французское gué, а иногда даже переходитъ въ ж. Напр. (произносится г какъ gué).

ганки (крыльцо)	мазкѣй — мозга
гѣзикъ (пуговица)	мякко — мятко
гвалтъ (крикъ)	вискѣ — визгъ
мозкѣ — мозгъ	у дребезки — въ дребезки.
розка — розга	

Переходъ г въ ж — спужайся.

Звуки д и т.

Звукъ д — т передъ іотированными гласными е, ё, ѣ, и, я, ю, ъ переходить въ дзѣ, и.

Въ этомъ случаѣ ѣ послѣ ц произносится мягче, чѣмъ въ великорусской рѣчи (съ полуоткрытымъ ртомъ).

Для большей мягкости выговора, мы будемъ ставить полугласный ѣ вмѣсто іота. Напр.

цѣща — тѣща	дзѣвери — двери
цѣрымъ — теремъ	маладзѣецъ — молодець
давайцѣ — давайте	сцѣжка — стежка
касацѣнскій —	цялушка — тялушка
вадзѣе — ведетъ	пападзѣца — попадется
дзѣвиръ — деверъ	

Звукъ т, не переходящій въ ц, бываетъ вставнымъ между окончаніемъ повелительнаго наклоненія 2-го лица съ приставкою ка. Напр. .

сидзѣцье-т-ка	ходзи-т-ка сюды
приходзѣцье-т-ка	сюдыцье-т-ка
вазьмиць-т-ка	присунься-т-ка.

Д и т переходятъ въ дж, ч и ст. въ и. Напр.

багачѣць — богатѣть	тауцѣць — толстѣть
худжѣць — дѣлаться хуже	

Звук з.

З мягкое, какъ напр., змѣй, звѣзда и пр., произносится въ рѣчи, болѣе свистящимъ манеромъ, какъ бы растягиваясь, или какъ будто въ срединѣ слышно два зъ, зь. Напр., зьзвизда—звѣзда, зьзвьѣръ (звѣрь), зьзъмѣй.

вазьми—возьми,

звьѣсна—извѣстно.

Въ прочихъ слогахъ, гдѣ з твердое въ книжной рѣчи, тамъ оно выговаривается обыкновенно. Напр.

звонъ,

зваць,

казка,

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ книжной рѣчи въ срединѣ словъ слышенъ мягкій знакъ, т. е. з, послѣ согласныхъ з, л, н, с, р,—въ бѣлорусской рѣчи этотъ согласный удваивается, и первый изъ нихъ выговаривается мягко. Напр.

вѣзьзе — вѣзье

полозьзя — полозья

гдольйика — вѣтъки

вяселья — веселье

Ильи — Илья

застолье — застолие

абальѣѣтца — обольются

сальѣ — солью

падпдолья — подпалье

альяийй — льняный

кдилья — колья

прихйлья — пристанище

вугалья — угалья

прйлья — которая придетъ

бѣльѣ — бѣлье

Наталья — Наталья

Ульяна — Удяна

пастанья — приполь

катанья — катанье

гоняньне — отъ сл. гнать

гуляньяйка — гулянье

разгаульньне — розговѣны

вараньне — вороны

валосья — волосы

колбсья — колосья

Ягорья — Георгія

перьяйка — перья

звярьѣ — звѣрье.

Вм. *мельзя* употребляется старинное *мелзя*.

Мягкій знакъ з, стоящій въ книжной рѣчи въ срединѣ словъ послѣ ж, к, ч и послѣ дз, цъ, въ разговорной рѣчи выбрасывается, между тѣмъ какъ означенный согласный удваивается. Напр.

божжа — божья

стручча — стручья

сббжжа — смѣсь зѣренъ

судьдзя — судья

ружжо — ружье

абддзя — обдья

зайиччы — заячій

пападдзя — попадья

собачча — собачья

ипцьцьѣ — питье

кулячча — кулаки

свацьця — сватья

карячча — корни

плацьця — платье

дзявдччая — дѣвчья

куцца — кутья

хлапйччы — отъ слова хлѣпецъ

пруцца — прутья

Знакъ з, стоящій въ срединѣ слова между согласными, въ бѣлорусской рѣчи выбрасывается. Напр.

волный — вольный

пыльный — пыльный

хвалйивый — фальшивый

правлно — правильно

пальцы — пальцы

болна — больно

паквдлно — свободно

бяздблная — несчастная

Звукъ ж.

Звукъ ж въ срединѣ слова выговаривается, какъ *дж*, а иногда къ ж прибавляется еще *дж*, и получается слогъ *ждж*. Напр.

отъжджѣть — отъзжѣть

побуджжѣць — будить

ураджжѣй — урожай

прахаджжѣсья — прохожуся

дожджѣ — дождя

ваджжѣ — вожѣ

ня жджы — не жди

саладжжѣй — слаже.

Ж переходитъ въ щ, з. Напр.

вищать—визжать
зья́за, зья́зный—желъзо, желъзный
рзучь—ржутъ

зѣчугъ—жемчугъ.

Звукъ и.

Предлогъ *къ*, выговаривается, какъ французское *que*, передъ словами, начинаю-
щими на *б, д, в, ж, з*. Напр.

гь бани—къ банѣ
гь боку—къ боку
гь дѣйрцы—къ дѣркѣ
гь гужу—къ гужу
гь гурку—къ огурцу

гь зинѣ—къ зинѣ
гь зязюли—къ кукушкѣ
гь дзѣреву—къ дереву
гь жонцы

Передъ прочими согласными слышно *къ*. Напр.

къ травѣ
къ цѣрему—къ терему
къ свадьби
къ пѣтцы—къ печкѣ

къ каню
къ цяплу—къ теплу
къ цяленку—къ теленку

К переходитъ въ *х*, напр.

хрестъ—крестъ
кто, нхто, нхтось,—(кто, нхто, кто-то).

хресьбины—крестины

Звукъ л.

Звуки *л, в*, стоящіе послѣ гласныхъ, переходятъ въ *у* (краткое), образуя такимъ-
образомъ доегласіе въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) **Л** переходитъ въ кратк. *у* въ существительныхъ: Напр.

шдукъ—шелкъ
вдукъ—волкъ
стдупъ—столбъ

каубаса—колбаса
поуширага—полширага.

2) Въ прилагательныхъ: Напр.

тдустый—толстый
ждутый—желтый
ддугій—долгій

пбуный—полный
шаукдвый—шелковый

3) Въ глаголахъ. Напр.

тдучъ—толочь
каутѣць—глотать
маучѣць—молчать

щдукать—щѣлкать
пдузаць—ползать

4) Въ глагольныхъ окончаніяхъ прошедшаго вр. 3 лица, мужск. рода. Напр.

ходзѣу—ходилъ
гулѣу—гулялъ
чѣсциу—чистилъ
вѣу—вилъ
бѣу—билъ

шукѣу—искалъ
прапѣу—пропалъ
пѣу—пѣлъ
лѣу—лѣлъ

В переходитъ въ *у* въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Въ существительныхъ, напр.

маркдука—марновка
крѣуля—кровля
дзѣука—дѣвка
любѣу—любовь
цѣръкоу—церковь

залдука—заловка
вѣуна—шерсть
крѣу—кровь
пакрѣу—покровъ
рукѣу—рукавъ

горщѣуникъ—(дѣлатель горшковъ).
Паулѣ—Павелъ.

2) Въ родительн. падежѣ существительныхъ. Напр.

канцоу—концовъ	дзявирѣу—деверей
дажду—домовъ	попду—поповъ
карду—коровъ	дзякду—дьяковъ.
бацькову—бацьковъ т. е. батькинъ	

3) Въ прилагательныхъ. Напр.
рдуный.

4) Въ глаголахъ: напр.

квуѣць—квннуть.

5) Въ дѣепричастіяхъ: напр.
стаушы—ставши,

йѣушы—ѣвши.

Слѣдующія слова остаются безъ перемѣны и не образуютъ двоесловія:

воль	вясель—(весель)
коль	гарѣлка—(водка)
столь	сакѣль
поль	кобыль—(род. пад.)
кацѣль—(котель)	цволь—(стволь)
хахолъ	вугѣль—(уголь).
пѣлка	

Звукъ с.

Кромѣ твердаго произношенія, какъ напр., садъ, посуда, сынъ, соха,—въ народной рѣчи с произносится какъ бы усиленно свистящимъ манеромъ, растягивая и усиливая звукъ сь, напр.

сьсьмѣльный, сьсьмецье—(смѣтьѣ)	сьцяречь—беречь
сьметана—сметана	у цьсьци—въ тѣстѣ
сьцякло—стекло	на мѣсьци—на мѣстѣ
сьдибануць—стебнуть	сьвича—свѣча
у сьѣци—въ свѣтѣ	сьлѣзы—слѣзы
пасьвиць—пасти	сьвѣцяль—свѣтель
пасьцѣль—постель	сьпйна—спина
войсько—войско	ѣсьць—ѣсть
сьмѣхъ—смѣхъ	
пасьлѣдній—последній	

Въ прилагательныхъ на *скій* вездѣ слышно мягкое произношеніе, напр.

коньскій	женьскій.
купечаскій	

Если звукъ с ввидѣ предлога стоитъ передъ слогомъ, начинающимся звуками ж, п, с, т, х, у, и если начальный слогъ этого слова оканчивается однимъ изъ твердыхъ гласныхъ а, о, у, е твердое (какъ е ouvert), стоящіе послѣ ц, то предлогъ произносится, какъ въ книжной рѣчи, т. е. съ; примѣры:

сь хлѣбцомъ	сь табою
сь палѣмъ	сь канѣмъ
сь царѣмъ	сь сыномъ
сь тѣномъ	сь прѣтомъ
сь цѣпомъ	сь цѣльемъ.

Съ остается неизмѣннымъ передъ словами, въ которыхъ начальный слогъ заканчивается мягкимъ гласнымъ въ соединеніи съ вѣсколькими согласными, какъ-то: *кру-пле, тре, пме, кая, плю* и т. п. д. примѣры:

съ плeукой	съ плевкой
съ прeлымъ	съ трeскамъ
съ плeчъ	съ огнeмъ
съ хрѣнамъ	съ плюгавымъ
съ хлѣбамъ	съ клѣнамъ.
съ хрѣстѣмъ	

Предлогъ съ передъ гласною *а* тоже остается неизмѣннымъ. Напр.

съ Антонамъ, съ Аудзѣмъ (Авдѣмъ)	съ крайцамъ — съ краюхой хлѣба
съ Ангаламъ—съ Ангеломъ	съ апѣньками—апѣнька, грибы.

Послѣ предлога съ звукъ *и* переходитъ въ *ы* напр.

съ Иваномъ—(съ Ивановъ)	съ Ырадомъ—(съ Иродомъ)
съ Ыгватомъ—(съ Игнатомъ)	съ Ыгрушамы—(съ грунами).

Предлогъ съ, стоящій слитно съ словами, подчиняется тому же правилу. При-
мѣры:

спадаць—спадать	схапйць—схватить
сплнсуць—слить	ссадзйць—ссадить.
склнвдць—клевать	

Если же слово, начинающееся съ звуковъ *к, п, с, т, х, ц* (мягкого), за кото-
рыми непосредственно слѣдуетъ мягкй гласный звукъ, то предлогъ съ, стоящій передъ
такимъ словомъ, произносится мягко съ, напр.

съ перьямы	съ сястроу
съ цѣремамъ	съ пячѣ
съ сливамы	съ цѣщы.
съ цѣсгамъ	

Примѣры предлога слитнаго съ словами, начинающимися звуками *к, п, с, т, х, ц*.

сьпнхнуць	сьцѣснуць
ськннуць	сьсннѣць
сьпнлнць	сьпечь.

Предъ прочими согласными, кромѣ *с, т*, предлогъ съ переходитъ въ *зъ*, если
слѣдующій за нимъ начальный слогъ въ словѣ оканчивается твердою гласною *а, о,*
у, ы. Напр.

зъ лѣснай—съ лысной	зъ лапатай—съ лопатой
зъ бацькамъ—съ батькой	зъ ракамъ—съ ракомъ.
зъ лѣкы—съ лыкомъ	

Зъ остается на своемъ мѣстѣ передъ словами, начальный слогъ которыхъ окан-
чивается мягкимъ или твердымъ гласнымъ, предшествуемой двумя, тремя согласными (т. е.
передъ такого рода словами: *бре, бру, бря, брю, дру, дрю, зря, зы,* и т. п.)
напр.

зъ брыдкнмъ—съ противнымъ	зъ дрюкамъ—съ палкой
зъ бруснйкай—съ брусникой	зъ грязью—съ грязью
зъ бряхнѣй—съ ложью	зъ глыбѣкай—съ глубокой
зъ брѣхамъ—съ брюхомъ	зъ глиной—съ глиной

Передъ *о* и передъ *у* слышно непрѣмное предыханіе. Напр.

зъ вѣкнамы—съ окнами	зъ вѣткаю—съ уткою
зъ вѣкоркамъ—съ окорокомъ	зъ вушнымы—съ ушами

Слова слитныя съ предлогами подчиняются тому же правилу. Напр.

збму—сбыль	збрѣсну—сбросилъ
змачѣу—смочплъ	звалнн—свалили
злѣдзну—сладплъ	збрыкнѣуць—соскочить.
значала—сначала	здѣуць—сдутъ
зрѣваць—срѣзать	згрѣбѣ—сгрѣбъ

зламау—сломалъ
зладзиць—сладить

зрыць—срыть
згубиць—сгубить

Если предлогъ *съ*, переходящій въ *зъ*, стоитъ передъ словомъ, въ которомъ радомъ съ начальнымъ согласнымъ слышится мягкій гласный, то *зъ* переходитъ въ *зъ*, Напр.

зъ жѣлымъ
зъ вязюляй
зъ лѣсу
зъ вѣнамъ (съ приданымъ)
зъ бѣригамъ
зъ дѣваламъ
зъ вѣчарамъ

зъ лягушкой
зъ людзямы
зъ некругомъ
зъ бядой
зъ вярбѣй
зъ дѣздамъ
зъ вязкай

Зъ также переходитъ въ *зъ* передъ мягкими гласными *ѣ*, *е*, *ю*, *и*, *й*, *и*. Напр.

зъ ѣлкай,
зъ Ёвай (съ Ёвою),
зъ ѣпкой,
зъ Якавамъ,
зъ ѣблакамы,
зъ йиломъ (илъ),

зъ Янкиялмъ
зъ Ягорьямъ
зъ йиншымъ
зъ йимъ
зъ йикаукай (икотой)
зъ дзядзькай.

Слова предложья, т. е. слѣтныя съ предлогомъ, подчиняются такому же правилу. Напр.

зьямъць—смять
звьѣиць—свѣять
звьѣзьць—слѣзть

зьяниць—слѣпнть
зъдзѣлаць—сдѣлать.

Передъ звукомъ *ж* предлогъ *съ* переходитъ въ *жъ*, передъ *ч*, *ш*, *щ* переходитъ въ *шъ*. Напр.

жъ жандю—съ женою
жъ жыдамъ—съ жидомъ
жъ жолудомъ—съ желудомъ

шъ чашкой—съ чашкой
шъ шдюдзямы—(болѣзнь)
шъ щыцамы.

Кромѣ того въ рѣдкихъ случаяхъ *с* переходитъ въ *шъ*, *хъ*, *зъ*. Напр.

дошки—(доски)
шабля—(сабля)
ужахнѣцца—(ужаснуться)
шкарлѣпки—(скорлупки)
шкѣредный (скупой)

шкло—(стекло)
прашнѣцца—(проснуться)
змирный—(смирный)
шкресць—(скресть), сашкребаць.

Ф выговаривается какъ *хъ*, *хъ*, *жъ*. Напр.

хванарь—фонарь
хвѣбрыка—фабрика
хвѣлшъ—фальшь
хвѣртка—фортка
хвѣршалъ—фельдшеръ
хлакъ—флагъ

у хрантѣ—во фронтѣ
хрантѣ—фронтѣ
хракъ—фракъ
хунтъ—фунтъ
хургѣнь—фургоны
хрѣкть—фруктъ

Х выговаривается какъ *жъ*. Напр.

паса—паса
кректаць—крехтатъ

клопоты ¹⁾—хлопоты
карагодъ—хороводъ.

Ц переходитъ въ *чъ*, *тъ*. Напр.

чапля—цапля
твятокъ—цвятокъ
твисць—цвѣсти

зачапнуса—зацѣпилса
зачапляць—зацѣпнть

¹⁾ *Клопотъ*—древн. слово и тутъ скорѣй обратно перех. къ въ *л*. Тоже и въ сл. *паса*. Въ древн. слав. памяти. дат. и мѣстн. ед. ч. *пасць*. Также изъ *кто*—*кто*, а не обратно. Ред.

типляты
тискляты
писклянокъ } цыпляты.

Ч переходитъ въ *ш, щ, с, т*. Напр.

што—что, ништо—ничего, нѣштатка—что - то, вѣшный—вѣчный, сядзеш-
вый—сердечный, цотъ—четь, унистожиць—уничтожить

тиразь—черезъ

скушный—сучный

малошный—молочный

пясшный—песочный

Щ переходитъ въ *ш, ч*. Напр.

намошникъ—помощникъ

таварышы—товарищи.

Ш переходитъ въ *ш, с*. Напр.

гаршдкъ—горшокъ, сипѣць—шипѣть, щаколадъ—шеколадъ, шамель—шмель,
чѣшыся—чешинья, носисья—носишья, байисья—боишья, мѣинисья—моншья.

Ө переходитъ въ *т, хв*. Напр.

Пѣкла, т. е. Өекла

Хама и Хвама—Өона.

Хвекла, т. е. Өекла

Переходъ звуковъ въ надежныхъ окончаніяхъ.

Звуки *т, ж* въ надежныхъ окончаніяхъ дательнаго и предложнаго надежей пе-
реходятъ въ *з*. Напр.

на пардзи—на порогъ

у лѣзи—въ лужѣ

у дардзи—въ дорогѣ

у калѣзи—въ калюгѣ.

у каторзи—въ каторгѣ

Но говорятъ: абъ Бѣги, а не объ Бози, на чалавѣки, но не на чалавѣцы—(на
человѣкѣ).

Х, переходитъ въ *с*

у гардси—въ горохѣ

абъ Дѣси—на Духа

на вѣсп—на ухѣ

на вѣрси—на верху.

К переходитъ въ *ц*.

у махѣтцы—въ махоткѣ, въ горшкѣ

на жѣнцы—на жонкѣ

на пѣтатцы—на ниткѣ

у рѣзцы—въ ряжкѣ,—ведѣркѣ

у картѣшцы—на картошкѣ

на сабацы—на собакѣ

на дѣвуцы—на дѣвкѣ

на скибцы—по скибкѣ

на сасѣнцы—на соснѣ

у камѣрцы—въ коморкѣ

на лижѣнцы—на лежанкѣ

на рѣтцы—на рѣчкѣ.

Слова съ удареніемъ въ концѣ удерживаютъ *ь*. Напр.

у назѣ—въ ногѣ

на крѣтцѣ—на крѣжкѣ

на дузѣ—на дугѣ

ва стрѣсѣ—на стрѣжѣ

на хвасѣцѣ—на хвостѣ

у руцѣ—въ рукѣ,

ва сабѣ—на себѣ

на ряцѣ—на рѣжкѣ

на сасѣ—на сохѣ

на малацѣ—на молокѣ.

на пѣнцѣ—на пенкѣ

М. Н. Косичъ.